

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

А. И АОНАСЬЕВА,

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

ИЗДАНИЕ 2-Е К. СОЛДАТЕНКОВА И Н. ШЕНКОВА.

—
ВЫПУСКЪ IV.
—

ЦѢНА III И IV ВЪПУСКОВЪ 4 Р. 20 К.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, октября 24-го 1860 года.

Ценсоръ *И. Бессомыкинъ.*

Печатано съ изданіи 1858 г.

Въ настоящемъ выпускѣ «Народныхъ русскихъ сказокъ» напечатаны сказки, собранныя В. И. Далемъ. Свое богатое собраніе народныхъ сказокъ онъ передалъ, по моей просьбѣ, мнѣ для изданія этихъ любопытныхъ матеріаловъ въ свѣтъ, что теперь отчасти и выноляется. Собраніе В. И. Даля заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи списковъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ числѣ довольно попадается и такихъ, которые записаны весьма слабо, неотчетливо, и по содержанию своему указываютъ на заимствованіе изъ печатныхъ книгъ (напримѣръ изъ «Тысяча одной ночи») или вовсе не представляютъ ничего занимательнаго (таковы нѣкоторые солдатскіе рассказы). Вообще относительно языка собранныхъ г. Далемъ сказокъ слѣдуетъ замѣтить, что очень немногія переданы съ соблюденіемъ мѣстныхъ грамматическихъ формъ. Не смотря на то, собраніе это весьма важно. Оно, во-первыхъ, содержитъ въ себѣ много въ высшей степени интересныхъ сказаній и легендъ: это можно видѣть уже изъ напечатанныхъ въ настоящемъ выпускѣ ска-

зокъ, и еще болѣе оправдаются слова наши при изданіи дальнѣйшихъ выпусковъ. Оно, во-вторыхъ, весьма обильно вариантами, и если это обстоятельство значительно уменьшаетъ численное количество входящихъ въ его составъ сказокъ, то съ другой стороны этимъ самымъ дана возможность: повѣрять одинъ списокъ другимъ и хотя приблизительно возстановить народный разсказъ въ его первоначальной простотѣ. Отъ лица науки и любителей русской народности приносимъ здѣсь искреннюю благодарность просвѣщенному собирателю, который съ такою живою любовью и такъ много трудовъ посвятилъ на пользу народнаго слова.

Въ заключеніе прибавимъ, что нѣкоторыя очень любопытныя сказки изъ собранія В. И. Даля, къ сожалѣнію, не могутъ быть допущены въ печать, ради нескромности своего содержанія; героемъ подобныхъ разсказовъ чаще всего бываетъ *поповъ батракъ*. Здѣсь много юмору и фантазіи данъ полный просторъ.

А. А.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА ¹⁾.

а. Былъ себѣ дѣдъ и баба. У дѣда былъ пѣтушокъ, а у бабы курочка. Въ одинъ день пошли они на смитячко ²⁾ поискать себѣ пицци; пѣтушокъ нашелъ пшеничный колосокъ, а курочка нашла маковку. Съ этого колоска дѣдъ вымолотилъ зерно, смололъ муку; а баба, вычистивши маковку, растерла макъ, смѣшала съ медомъ, и съ дѣдовой муки сдѣлала пирожокъ съ стертыхъ макомъ, и за неимѣніемъ, по бѣдности, печки и огня, положила тотъ пирожокъ на огнѣ своей шабушки, чтобы на солнышкѣ испекся.

Въ то время проходила лисичка съ волчиномъ. Лисичка и говоритъ: «а что, волчику-братнику, украдемъ этотъ пирожокъ и раздѣлимъ его между собою по-братски.» — Хорошо, лисичко-сестричко, украдемъ. Лисичка украла. Отошедши въ сторонку, она замѣтила, что будто-бы пирожокъ еще не допекся и что для этого надобно ему еще пожариться на солнышкѣ; «а мы между тѣмъ уснемъ, а проснувшись смаченько ³⁾ позавтракаемъ». Такъ улещала лисичка волчика-братника, который вскорѣ и уснулъ. Она въ то время къ пирожку, разломала,

¹⁾ Смотри выпускъ I, № 1, а, в; вып. II, стр. 108; вып. III, № 3.
²⁾ Смѣтье—соръ (Словарь при Знедѣ, перелицированной на малоросс. языкъ Котляревскимъ, стр. 24). ³⁾ Вкусно.

сладкую начинку съела, а туда наклала... съ позволенія сказать—сами догадаетесь чего...и, забывивъ, положила. Волчику проснулся, и лиса за нимъ. Принялась дѣлаться пирожкомъ, и первая лиса замѣтила, что не та уже въ пирожкѣ начинка, и напустилась на волка. Волкъ божится, клянется, землю ѡсть 1),—куда? лиса не вѣритъ. Наконецъ предлагаетъ испытаніе: лечь обоимъ противъ солнца, и у кого отъ жару выступитъ на тѣлѣ воскъ, тотъ и съѣлъ медъ. Согласилась. Волчику безопасно уснуть, а лиса побѣжала въ ближнюю пастуку 2), украла сотъ, съѣла, а воцѣпавши всего волка облячила. Проснувшись и бывъ изобличенъ, волкъ повинился, что онъ и самъ не помнитъ, какъ это случилось, но послѣ такого яснаго доказательства винится и очень охотно подчиняется приговору лисички-сестрички, чтобы при первой добычѣ не нѣтъ ему въ ней доли, а всю уступить лисѣ. Вотъ и разошлись въ разные стороны для промыслу.

Лисичка, завидѣвъ, что идетъ фура чумаковъ, легла на дорогѣ, разметалась будто неживая и начала подфунивать 3) изо всей мочи. Чужаки ее завидѣли и сочли сначала живую, но подойдя ближе, когда услышали, что за нѣсколько шаговъ она такъ сильно смердитъ, закричали: «она здохла, бачъ 4) якъ воня!» и взявъ ее, положили на возъ съ рыбою. Первое дѣло ея было — прогрызть у воза лубки, и потомъ начала выкидывать рыбу. Накладавши, сколько ей надобно было, она благополучно дала тягу съ воза, подобрала всю рыбу въ кучу и начала преисправно ее кушать. Волкъ, побродивши вездѣ, безъ успѣха возвращался на сборное мѣсто, и увидѣвъ лису

1) Это любопытное указаніе на старинный обрядъ клятвы. Вадимъ Пасевъ свидѣтельствуетъ, что на Украинѣ были примѣры, когда клятва скрѣплялась цѣлованіемъ земли, и такая клятва почиталась самою важною и священною (Путевыя записки, стр. 154—2). 2) Пастука — пчелиникъ. 3) Вонять. 4) Смотри.

за такиѣ роскошныѣ широмъ. «Лисичко-сестричко! дай мнѣ хоть маленькую рыбку...» — О, волчику-братику! налови себя, какъ и я наловила, да и ѣшь, сколько душѣ угодно. «Лисичко-сестричко! дай мнѣ хоть головку.» — О, волчику-братику! ни косточки. Я утомила, пока ее наловила, и очень голодна. «Гдѣ, какъ и чѣмъ ты ее наловила?» — Самая бездѣлица! вонъ недалеко рѣка; иди туда, вложи хвостъ въ прорубь, сиди и приговаривай: ловись рыбка и мала и велика, ловись рыбка и мала и велика! потомъ выдерни хвостъ, то увидишь, сколько вытнешь рыбы. Какъ уже лиса кончила свой обѣдъ, то и взялася довести его до проруби. Волкъ вложилъ свой хвостъ и началъ приговаривать ¹⁾: «ловися рыбка и мала и велика!» а лиса, бѣгая около него, приговаривала: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!» — Что ты, лисичко-сестричко, говоришь? «То я тебѣ помогаю» — а сама поминутно твердить: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!» Волкъ скажетъ: «ловися рыбка и мала и велика!» а лиса: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!» Волкъ опять: «ловися рыбка и мала и велика!» а лиса: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!» — Что ты, лисичко-сестричко, говоришь? «То я тебѣ помогаю!» Волкъ уже хочетъ вытянуть свой хвостъ изъ проруби, но лиса запрещаетъ: «погоди, еще мало наловилось!» И опять начинаютъ они приговаривать. Волкъ только что попробуетъ вытащить хвостъ, а лиса ему: «погоди, еще рано!» — и какъ тогда былъ морозъ такой, *що ажъ скалки* ²⁾ *скачуть*, то лиса, разочтя время, закричала на волка: тяни! Онъ потянулъ, но не тутъ-то было! Хвостъ его замерзъ въ рѣкѣ и волкъ не могъ освободить его, и самъ остался на мѣстѣ. Тогда лиса благимъ матомъ побѣжала въ село и начала кричать: «сюда, люди! спѣшите бить

1) Приговоры волка сказочники передаютъ 'толстымъ (губнымъ) голосомъ, басомъ; а приговоры лисы тоненькимъ, мягкимъ. 2) Осколки.

волка, примерзъ къ ополовкѣ¹⁾! Всѣ бросились на волка: мушкетеры съ дубинами, съ топорами, бабы съ гребнями, съ динищами²⁾, всѣ на волка; били его, били, колотили до того, что волкъ не пожалѣлъ и хвоста, оторвалъ его, и куцый³⁾ побѣжалъ куда глаза глядятъ. Какъ же всѣ люди бросились къ нему на ледъ, то одинъ мужикъ покиннулъ даже и сани свои съ лошадью. Волкъ, набѣжавъ на нихъ, вскочилъ въ сани, началъ погонять лошадь и такимъ образомъ выбрался изъ села.

А лиса среди общей суматохи, когда всѣ бросились бить волка, вскочила въ пустую избу, увидѣла квашню съ тѣстомъ, вскочила въ нее, выляпалась въ тѣсто, побѣжала на дорогу и легла. Недалеко за селомъ увидѣлъ волкъ на дорогѣ лисичку-сестричку избитую, израненную и едва⁴⁾ живую. Съ большимъ участіемъ бросился онъ къ ней, и она начала жаловаться, что и ее такъ больно прибили, что мозгъ изъ всѣхъ костей повыступалъ. «Крѣпись, лисичко-сестричко! вотъ и я хвоста лишился, да какъ же быть! иди за мною, я еще покрѣпче тебя буду тебя защищать.» Лисичка начала проситься въ сани, но волкъ ей отказалъ и доказалъ, что и одному тѣсно. Нечего дѣлать! пошла лиса тихо за ѣдущимъ волкомъ. Пройдя немного, начала упрашивать, чтобы хотя одну лапку самую разбитую положить на сани, не болѣе какъ лапку. Волкъ долго отиѣкивался, наконецъ согласился. Положивши лапку, лиса послѣ долгихъ переговоровъ упростила и о другой, третьей, четвертой, потомъ умолила волка имѣть состраданіе и къ ея хвосту, который такъ жалко волочился, и уместилась совсѣмъ въ саняхъ. Волкъ услышалъ, что санки трещать, началъ ее упр-

---

1) Прорубъ на льду (Тр. Об. любит. рос. слов., кн. VII, стр. 309).
 2) Динище — донце, досечка, въ которую втыкается придольный гребень (Малоросс. словарь Аванасьева, стр. 89). 3) Безхвостый. 4) Едва.

кать. «Это, волчику-братнику, я орѣшки кусаю!» Поѣхали дальше; слышитъ волкъ, что санки опять трещать, и снова упрекаетъ лису. «Это, волчику-братнику, я орѣшки кусаю!» Наконецъ санки совсѣмъ разсыпались.

Волкъ пошелъ рубить дрова на сани, а лиса осталась пасти лошадь. Отъ скуки она выѣла у лошади всю внутренность, напихала туда живыхъ воробьевъ и дырку подъ хвостомъ заткнула соломой. У волка сани посѣли, и онъ запрегъ лошадь. «Ну, ну; ну, ну!»—лошадь ни съ мѣста. Волкъ увидѣлъ, что изъ-подъ хвоста у лошади торчитъ солома, и сказалъ: «вотъ какъ обожралася, что и солома назадъ лѣзетъ!» Вытянулъ ее... воробьи выпорхнули и кожа лошадиная упала. Лиса, притворяясь все еще больною отъ побоевъ, послѣ продолжительнаго спора убѣдила волка, чтобы онъ везъ ее въ санкахъ. Волкъ повезъ и сталъ приговаривать: «битый битую везетъ! битый битую везетъ!» А лисичка шепчетъ: «битый небитую везетъ!»—Что ты, лисичко-сестричко, говоришь? «То я, волчику-братнику, говорю: битый битую везетъ!...»

(Записана въ харьковскомъ уездѣ Г. Ф. Квяткою.)

В. Якъ була собі лисичка, да-й пішла разъ до однихъ бабы добувати огню; вишла у хату да-й каже: «добрий день тобі, бабусю! дай мнѣ огня.» А баба тільки що вийняла изъ печи пирожокъ изъ макомъ, солодкій, да-й положила, щобъ винъ прохоловъ ¹⁾; а лисичка се и підглядала, да тільки що баба нахилилася ²⁾ у пичъ, щобъ достати огня, то лисичка заразъ ухватила пирожокъ да и драла ³⁾ съ хаты, да бижучи весь макъ изъ ёго виїзла, а тудя смитья наклала. Прибигла на поле, ажъ тамъ пасуть хлопци бичкивъ. Вона и каже имъ:

1) Остылъ. 2) Наклонилась. 3) Убѣжала.

«ей, хлопцы! промѣняйте мнѣ бичка третячка ¹⁾ за маковый пирожокъ.» Тыѣ согласилсь; такъ вона имъ говорить: «смотри-те-же, вы не живите заразы сѣго пирожа, а тоди уже розломите, акъ я зави(е)дѹ бичка за могилку; а то вы ёго не за шо не розломите.» Бачите вже — лисичка така соби була розумна, шо хотъ кого да обманить. Тыѣ хлопцы такъ и зробили, а лисичка якъ зашла за могилу, да заразы у лисъ и повернула, щобъ на дорози не догнали; пришла у лисъ да и зробила соби санки, да-й їде. Коли їде вовчикъ: «здорова була, лисичко-сестричко!» — Здоровъ, вовчику-братуку! «Дѣ ²⁾ се ты узала соби и бичка и санки?» — Э! зробила. «Пидвези-жъ и мене.» — Э, вовчику! не можно. «Мнѣ хотъ одну вижку.» — Одну можно. Винъ и положивъ, да отъїхавши немного и просить, щобы еще одну положить. «Не можно, братуку! боюсь, щобы ты саней не зломавъ.» — Ни, сестричко, не бі(о)йся! — Да и положивъ другую вижку. Тильки шо отъїхали, якъ щось и триснуло. «Бачишь, вовчику, уже и ломаешъ санки.» — Ни, лисичко! се у мене бувъ оришдѣкъ, такъ я розкусивъ. Да просить опять, щобы и третю ногу положить; лисичка и ту пустила, да тильки шо опять отъїхали, ажъ щось уже дужче ³⁾ триснуло. Лисичка закричала: «охъ лисечко! ⁴⁾ ты-жъ мнѣ, братуку, зовсімъ зломашъ санки.» — Ни, лисичко, се я оришдѣкъ розкусивъ. «Дай же и мнѣ; бачишь якій, шо самъ їишь, а мнѣ и не даешъ.» — Нима уже бильше, а я-бъ давъ. Да и просить опять, щобы пустила положить и послѣдню ногу. Лисичка и согласилась. Такъ винъ тильки шо положивъ ногу, якъ санки зовсімъ розломались. Тоди вже лисичка такъ на ёго розсердилась, шо и сама не знала щобы робила! а якъ

---

¹⁾ Третьякъ — теленокъ или жеребенокъ по третьему году (Опытъ области великорус. словаря; стр. 232). ²⁾ Гдѣ. ³⁾ Сильнѣе. ⁴⁾ Уменьшительное отъ «лихо».

отошло сердце, вона и каже: «иди-жь, ледащо 1)! да нарубай дерева, щобь намь опять изробить санки; тильки рубавши кажи такъ: «рубайся дерево и криве и прямие.» Винь и пишовъ да-й каже усе: «рубайся-жь дерево усе прямие да прямие!» Нарубавши и приносить; лисичка увидала, що дерево не таке, якъ їй нужно, опять розсердилась: «ты, говорить, не казавъ видно такъ, якъ я тоби велела!»—Ни, я усе тее казавъ, що ты мнѣ казала. «Да чомусь не таке рубалось? ну, сиди-жь ты тутъ, а я сама иду нарубаю» — да и пишла у лѣсъ. А вовкъ дивниця, що винь самъ остався; узавъ да проївъ у бичка дирку да выївъ усе въ серединѣ, да напусказъ тула горобцивъ 2), да ще соломою заткнувъ, поставивъ бичка, а самъ и втякъ 3). Ажь лисичка приходитъ, зробила санки да-й сила и стала погонять: «гей бичокъ третячокъ!» Тильки винь не везе. Вотъ вона встала, щобъ поправить: може, що не такъ запряжено; да не хотячи одоткнула солому, а оттуда такъ и сыгнули горобци летить. Вона уже тоди побачила, що бичокъ неживый; покинула ёго да и пишла.

Легла на дорози, ажь дивниця — їде мужикъ зъ рибою; во и притворилась, що здохла. Вотъ мужикъ и говорить: «вобаму я оцю 4) лисичу, обдеру да хоть шапку собі сошью.» Узавъ да и положивъ сзади у воза. Вона замѣтила, що мужикъ не смотреть, стала ногами выкидывать рыбу съ воза, а когда побачила, що навикнула уже богато, тоди потихесеньку и сама слизла; сила биля 5) рыбы да и їсть собі, — коля бижить опять той самый вовчикъ. Побачивши, що вона їсть рыбу, прибігъ до ея да-й каже: «здорова була, лисичко-сестричко! дѣ се ты набрала стильки рыбы?» Вона каже: «наловыла, вовчику-братнику!» А собі на думци: «подождя, и я зроблю зъ тобою таку штуку, якъ и ты зо мною.» — Якъ же ты

1) Негодний. 2) Воробьевъ. 3) Убѣжалъ. 4) Эту. 5) Подлѣ, возлѣ.

ловыла? «Такъ, вовчику, уложила хвостикъ въ ополонку, вожу тихенько да-й кажу: ловыся рыбка мала и велика! коли хочешь, то и ты поиди, наловы соби.» Вниъ побигъ да и зробиъ такъ, якъ казала лисичка. А лисичка стала за деревомъ да-й дивница; коли у вовчика зовснимъ хвостикъ примерътъ, вона тоди побигла въ си(е)ло да и кричить: «видить, люди, вбывайте вовка!» Люди набигли съ кольями да и убили ёго.

с. Однажды лиса украдала лошадь съ полной збруей и съ телегою, и давай разъѣзжать по лѣсу. Попадается ей на встрѣчу медвѣдь. «Лисанька! посади меня», говоритъ медвѣдь. — Садись, сиволапый чортъ! Медвѣдь съѣлъ. Поѣхали; попадается имъ волкъ. «Лисанька! посади меня», говоритъ волкъ. — Садись, сѣрой воръ! Послѣ того попадается на встрѣчу косою зайць. «Лисанька! посади меня», говоритъ онъ. — Садись, косою! Вотъ и поѣхали въ четверошъ и заѣли пѣсни. Вдругъ переломилась у нихъ оглобля. Лисица говоритъ медвѣдью: «ступай ты, Мишинька, принеси оглоблю.» Медвѣдь пошелъ по лѣсу, только лѣсъ трещить; перевалилъ пропасть деревъ, наконецъ выбралъ самое большое, толстое дерево и принесъ лисѣ. «Не годится это на оглоблю, сиволапый ты Мишка! Ступай ты, сѣрой волкъ!» говоритъ лисица. Волкъ пошелъ и принесъ также цѣлое дерево, но поменьше. «И это не годится, говоритъ лиса; поиди, принеси ты, косою зайць!» Заяць пошелъ и принесъ пруточикъ. «Всѣ вы ничего не смыслите! Пойду ужъ сама», говоритъ лисица. Пока она ходила, медвѣдь съ волкомъ и съѣли лошадь, а въ шкуру лошадиную набили моху, и опять запрягли, какъ-бы живую лошадь. Лисица выбрала славную оглобелку; приходитъ къ телегѣ, а ужъ на ней нѣтъ ни медвѣди, ни волка, ни зайца. Она переѣхнула оглобелку и начала погонять лошадь, а та ни съ мѣста. Стала ее дергать возжами и бить палкою, лошадь и свалилась. Съѣла лиса съ телеги, посмотрѣла на лошадь и увидала, что она набита ме-

хоть, а мясо все съедено; поплакала-поплакала и опять стала ходить по лѣсу пѣшкомъ.

Повздумалась лиса таскать изъ садковъ рыбу. Мужики догадались и рѣшились изловить вора, а лиса, какъ смѣтливая баба, накравши въ послѣдній разъ рыбки, пошла гулять по лѣсу. Попадается ей на встрѣчу сѣрый волкъ. «Что ты ѣшь, лисанька?» спрашиваетъ волкъ. — Рыбку, куманѣкъ. «Да гдѣ же ты ее берешь.» — Да сама ловлю. «Да какъ же ты ее ловишь? научи-ка меня.» — Изволь куманѣкъ! возьми ведро, привяжи къ хвосту да и опусти въ пролубь: рыба и найдетъ къ тебѣ сама въ ведро; только ты часа два посиди у пролуби! Волкъ такъ и сдѣлалъ; но только часа черезъ два хвостъ-то у него примѣръкъ къ пролуби, такъ что онъ, какъ ни старался, оторвать его не могъ. Поутру пришли мужики и убилъ его.

Пршла лиса къ медвѣдю въ берлогу и выпросилась перезимовать у него. На зиму запаслась она цыплятами, положила ихъ подъ себя и ѣла по немножку. Медвѣдь однажды и спрашиваетъ: «что ты, кумушка, ѣшь?» — Да что, куманѣкъ, изъ лба кишечки таскаю да и кушаю. «И сладко?» спрашиваетъ медвѣдь. — Сладко, куманѣкъ. «Дай-ко попробоваты!» Она ему дала немного курятца. Облакомился Мишка, и ну тискать себя изъ лба кишечки, до тѣхъ поръ надрывался, пока не околѣлъ. А лисица этому и рада. Ей и пищи на цѣлый годъ, и мягкая постель, и теплая канура.

(Записана въ тверской губерніи.)

d. Шла лиса по дорожкѣ и нашла лѣпотокъ, пришла къ мужику и просится: «хозяинъ, пусти меня ночевать.» Онъ говорить: «некуда, лисынька! тѣсно.» — Да много ли нужно мнѣ мѣста! я сама на лавку, а хвостъ подъ лавку. Пустили ее ночевать; она и говоритъ: «положите мой лѣпотокъ къ вашимъ курочкамъ.» Положили; а лисынька ночью встала и забросила

своей лапоть. Поутру встанутъ, она и спрашиваетъ своей лапоть; а хозяйка говоритъ: «лисынька, вить онъ пропагъ!» — Ну, отдайте мнѣ за него курочку. Взяла курочку, приходитъ въ другой домъ и проситъ, чтобъ ее курочку посадили къ хозяйскимъ гуськамъ. Ночью лиса припрятала курочку, и получила ее на утро гуська. Приходитъ въ новый домъ, просится ночевать и говоритъ, чтобъ ее гуська посадили къ барашкамъ; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще въ одинъ домъ. Осталась ночевать и проситъ посадить ее барашка къ хозяйскимъ бычкамъ. Ночью лисынька украла и барашка, а поутру требуетъ, чтобъ за него отдали ей бычка ¹⁾. Всѣхъ — и курочку, и гуська, и барашка, и бычка — она передумала, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дорогѣ. Идетъ медвѣдь съ волкомъ, а лиса говоритъ: «подите, украдѣте сани да поѣдете кататься.» Вотъ они украли и сани, в хомутъ, впрягли бычка, сѣли всѣ въ сани; лиса стала править и кричить: «шню-шню! бычокъ-соломенной бочокъ, сани чужіе (или: не наши), хомутъ не свой, погоняй не стой!» Бычокъ не идетъ. Она выпрыгнула изъ саней и закричала: «оставайтесь, дураки!» а сама ушла. Медвѣдь съ волкомъ обрадовались добычѣ и ну рвать бычка, рвали-рвали, видятъ, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись по домамъ.

е. Жили-были волкъ да лисичка. У лисички-то изба была ледяная, а у волка-то лубяная. Лѣто стало, у лисички избашка и растаяла. Пошла она къ волку на фатеру ²⁾ проситься: «пусти-ко, кумъ, жена на лѣсенку.» — Нѣтъ, кума, не пушшу.

1) Вар. Вадукала лисичка разбогатѣть, подняла на дорогѣ лычко и приходитъ въ одну избу, гдѣ толкутъ, мелютъ и змбки качаютъ: такъ много народу! — и просится ночевать. На другой день лычко припрятала и получила за него ремешокъ, и т. дал. Наконецъ даютъ ей тройку лошадей, на которыхъ она и пускается въ путь . . . 2) Квартиру.

«Пусти кумъ!» — Ну, лязь инно! ¹⁾ Взошла кума на лязьницу; какъ-бы добраться до печки? начала она умолять кума не вдругъ, а потихоньку, помаленьку: «пусти-ко, кумъ, меня на крылечко-то.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» Ну, лязь инно! Взошла на крыльцо: «пусти-ко, кумъ, меня въ свѣицы-те.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Ну, лязь инно. Взошла въ сѣни: «пусти-ко, кумъ, меня въ избу-то.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Ну, лязь инно! Пришла въ избу: «пусти-ко, кумъ, меня на гѣлбчикъ-отъ.» ²⁾ — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ.» Ну, лязь инно! Влѣзла на гѣлбчикъ: «пусти-ко, кумъ, меня на полатцы-те.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Ну, лязь инно! А съ полатей просится: «пусти-ко, кумъ, меня на печку-то.» — Нѣту, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Да ужъ лязь ты! съ досадою сказала волкъ. Легла кума на печку, да и постукиваетъ хвостикомъ: «чу! кумъ, меня зовуть бабиться.» ³⁾ — Поди, отвѣчаетъ кумъ. Пошла кума на вышку ⁴⁾, нашла крику масла да и почала ее; пришла назадъ въ избу. Волкъ спрашиваетъ: «кого Богъ далъ, кума? — Початышка. Легла опять да постукиваетъ, и говоритъ: «чу! кумъ, меня бабиться зовуть.» — Поди, кума! Сходила на вышку и пришла назадъ. Волкъ спрашиваетъ: «кого Богъ далъ, кума?» — Серѣдышка. Легла опять на печку да постукиваетъ, и говоритъ: «чу! кумъ, меня бабиться зовуть.» — Поди, кума! Воротилась кума, а волчокъ-отъ спрашиваетъ: «кого Богъ далъ, кума?» — Заскрѣбышка. Волкъ хотѣлъ оладьи печи, пошелъ на вышку, а масла-то нѣту. Спрашиваетъ онъ куму: «ты, кума, съѣла масло?» — Нѣтъ — ты,

1) Лязь — входя: инно — союзъ, употребленный въ случаѣ недоумѣнія (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 75). 2) Гѣлбецъ — деревянная приделка къ печи (ibidem, стр. 38). 3) Быть повивальною бабкою. 4) Чердакъ (ibidem, стр. 33).

кумъ! ляжешь-ко на шестокъ-отъ: у кого масло выпре(я)жит-ся? 1) Волкъ уснулъ, а у лисички выпре(я)глось масло; она нѣтъ и вылезла кума. Пробудился волкъ; лисичка ему и говоритъ: «вѣдь ты, кумъ съѣлъ!» Онъ говоритъ: «нѣтъ — ты, кума!» Спорили да спорили, и не могли переспорить одинъ другаго... Кума ро(а)зсердилась, пошла куда-то да и легла на дорогу, а мужикъ съ рыбой ѣхалъ, да и думаетъ, что лисичка пропала 2), взялъ ее и бросилъ на сани. Она пробѣла у него бочку съ рыбой и рыбу ро(а)зсыпала. Приѣхалъ мужикъ домой и посылаетъ жену: «поди-ко, жена, я лисицу привезъ.» Пошла жена: ни рыбы, ни лисицы нѣтъ. Лиса собрала рыбу и идѣтъ къ куму волку: «ли-ко 3), кумъ, сколько я наудила!» — Поведи-ко меня, кума, научи. «Вотъ какъ удъ: хвостъ-то умочи въ воду-то.» Пошелъ кумъ, умочилъ хвостъ да и приморозилъ. Лисичка стала смѣ(ѣ)яться надъ кумомъ: «е(я)сни, есни на небѣ, мерзни, мерзни у волка хвостъ!» Онъ не учулъ 4) да и спрашиваетъ: «чего ты, кума, говорила?» — Чтобъ Богъ далъ тебѣ болъ рыбы-то. Бабы пришла да и убилъ волка, а лисичка убѣжала 5).

(Записана въ пермской губерніи, чердынскомъ уездѣ.)

Г. Волкъ и лиса жили въ одномъ мѣстѣ. У волка былъ домъ коряной, а у лисы ледяной. Вотъ пришла весна красная, у лисы домъ растаялъ, какъ не бывалъ. Что дѣлать ей? но лиса хитра, пришла она къ волку подъ окошечко да и говоритъ: «волченёкъ-голубокъ! пусти меня горемычную хоть во дворъ.» А тотъ такъ толсто 6): «поди, лиса.» — Волченёкъ-

1) Вытопится. 2) Издохла. 3) Гляди-ко (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 103). 4) Не разсмыхалъ. 5) Въ этой сказкѣ и въ слѣдующей за нею соединены вѣстѣ два разсказа о лисѣ, но при этомъ не сохранена должная послѣдовательность: дѣйствіе начинается лѣтомъ, а продолжается зимой. 6) Т. е. говорить.

голубокъ! пусти хоть на крылечко. «Поди, лиса!» — Волченёкъ-голубокъ! пусти хоть въ избу. «Поди, лиса!» — Волченёкъ-голубокъ! Пусти хоть на прѣступочекъ. «Поди, лиса!» — Волченёкъ-голубокъ! пусти на печку. «Поди, лиса!» Вотъ лиса на печкѣ лежитъ да хвостомъ вертитъ; совсѣмъ бы она, да вишь трои сутки не ѣдала: какъ узнать, гдѣ у волка хлѣбъ? И ну искать; искала, искала да и нашла на избвицѣ у волка лукошко толокна да кринку масла, а сама опять на печку. Стукъ, стукъ, стукъ! А волкъ: «лиса, кто-то ступается?» Лиса въ отвѣтъ: «волченёкъ-голубокъ! тебя въ кумы зовутъ, а меня въ кумушки.» — Поди, лиса, а мнѣ лихо ¹⁾. А лиса тому и рада: съ печки скокъ, да на избвицу скокъ, а тамъ масла лизнеть, толоконца лизнеть, лизала-лизала да все и съобала ²⁾; съ избвицы скокъ, да на печку скокъ, и лежитъ, какъ ни въ чемъ не бывала. Волкъ спалъ, спалъ да нсъ ³⁾ захотѣлъ, и на избвицу побрелъ. «Ахъ-ти бѣда! волкъ завопилъ. Ахъ-ти бѣда! кто масло съѣлъ? толокно съобалъ?» А лиса: «волченёкъ-голубокъ! на меня не подумай.» — Полно ты, кума! кто подумаетъ на тебя! И тѣмъ дѣло рѣшили, а голода не заморили. «Поди, кума, на Русь! говорятъ волкъ лисѣ; что найдешь, то и тащи, а не то съ голоду умремъ.» А лиса ни слова въ отвѣтъ и шмыгъ на Русь. Выбѣжала на дорогу, видить — ѣдетъ съ сельдами мужикъ, прикинулась и легла поперекъ дороги, какъ(бы) умерла. Наѣхалъ мужикъ на лису. «Ай, говорятъ, лисица! что за шерсть, что за хвостъ!» А сама лису въ возъ. Лиса тому и рада: и ну рыть сельди, дорылась до дна и ну грызть рогоз(ж)у, перегрызла рогозу и ну грызть дно у саней, перегрызла и дно; сельди всѣ въ дыру пропустила и сама ускочила. Мужикъ уже спалъ и ничего не

1) Не хочется, лѣнь (см. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 103).

2) Зобать — ѣсть, кушать (Опытъ обл. великор. слов., стр. 74). 3) Ъсть.

зналъ; а лиса сельди собрала и къ волку въ избу принесла: «на, говорить, волченёкъ-голубонокъ! Ёшь, веселись, ни объ чемъ не тужи!» Волкъ не можетъ и надивоваться хваткѣ своей кумы: «да какъ ты, кума, сельди-то имала?»—Ой ты, куманёкъ-голубонокъ! я хвостъ-то какъ въ прорубь упушу, сельдь да двѣ, сельдь да двѣ! Волка такъ и забираетъ попробовать это дѣло неслыханное. Вотъ онъ хлѣба каталажку ¹⁾ наклаалъ и отправился ловить сельдей, какъ кума его учила. Пришелъ онъ къ рѣкѣ, упустилъ въ воду хвостъ да и держитъ, а лиса въ тожь время молить: «на небѣ ясни, ясни! у волка хвостъ мерзани, мерзани!» И вотъ треснулъ морозъ, что у волка хвостъ замёрзъ. Пришли поповы дочки и волка кичигой ²⁾ зашибли да изъ шкуры себѣ шубу сшили! А лиса осталась одна жить, и тепере живетъ, и насъ переживетъ.

(Записана въ архангельской губерніи.)

g. Жили-были куманёкъ да кумушка: волкъ да лисица. Вдудумали они построить себѣ изъ сѣтѣгу избушку и жить добромъ. Вдудумано, загадано и сдѣлано. Не скоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ они и выстроили избушку воалѣ деревушки. Куманёкъ кормилъ свою кумушку телятиною да бараниною, а кума — курочками да цыплятами. Однажды кумушка говорить своему куманьку: «куманёкъ! пойдемъ вмѣстѣ въ деревню и полакомимся. Я буду сторожить, а ты будешь носить.» Вотъ отправились на охоту, пришли въ деревню; а въ деревнѣ всѣ мужики и бабы на сѣнокосѣ, а малы ребятишки въ горотѣ. «Ну, кумъ! теперъ намъ раздолье; хоть всю деревню шаромъ покати! Теперъ своя воля и наша доля.» И лиса улизнула въ стайку ³⁾ и двухъ куръ удушила; пришла и добычу принесла,

1) Каталажка—дорожная сумка, носимая за плечами (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 80). 2) Кичига—дѣль молотильный; валекъ (ibidem, стр. 83). 3) Хлѣвъ для скотиним (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 244).

и куму говоритъ: «теперь, куманёкъ, ты ступай, твоя череда! Я стану сторожить и на всѣ стороны гляди(ѣ)ть.» Волкъ пробѣжалъ половину деревни, и слышался ему лай собаки, запертой въ избѣ; онъ проскочилъ деревню и остановился за погребомъ. Видитъ, что нѣтъ за нимъ никакой погони, что въ деревнѣ нѣтъ ни шуму, ни гаму, и лиса-кумушка никакой вѣсти ему не даетъ, волкъ тихохонько отворилъ погребъ, схватилъ кринку масла и былъ таковъ. Пришелъ домой, зажарилъ добычу, съѣлъ и легли отдыхать.

Лисѣ показалось масло вкусно, захотѣлось еще полизать и отвѣдать маслаца голычкомъ. Вотъ она тихохонько встала и къ кринкѣ подошла; на ту пору волкъ пробудился и съ боку на бокъ перевалился. Лиса брызгнула ¹⁾ отъ кринки и снова улеглась. Волкъ догадался, что кумушка-лиса хочетъ масломъ поживиться, всталъ и вынесъ кринку въ сѣни и поставилъ на высокую поллицу, чтобъ кумушкѣ не достать. Какъ ухитрить(ся) — кума обмануть и маслаца отвѣдать? Вотъ волкъ ушелъ въ лѣсъ за дровами, чтобъ печку затопить; въ ту пору лиса Патрикѣевна приставила лѣсенку на потолокъ, вскочила по ней, и съ потолка на поллицу, обнюхала масло, хотѣла полизать да побоялась, чтобъ кумъ не засталъ. Скоро(ѣ)хонько воротилась, съѣла къ печкѣ и ждала кума; а кумъ что-то долго заповдаля, бѣгалъ отъ собакъ, поздно пришелъ, жаловался, что особенно усталъ, и легъ спать не вѣши. Ночью лиса, лежа подъ окномъ, стукъ въ стѣну хвостомъ и чужимъ голосомъ говоритъ: «матушка! кормилица! помоги, пособи горю, не дай умереть!» — Кто тамъ, говоритъ волкъ, что такое? «Ахъ, куманёкъ! кроликъ зоветъ меня въ повнушки.» — Бѣги, да къ свѣту вернись! «Колн Богъ дастъ счастливо, я тотчасъ

---

1) Стремительно, поспѣшно убѣжала (Словарь Академ. Россійской, ч. I, стр. 324).

прибѣгу.» Хлопнула дверьми, стукнула запоромъ, а сама ни воиъ изъ стѣней. Коль скоро все приушлокло и волкъ захрапѣлъ, лиса шмыгъ на потолокъ, а съ потолка на полицу и къ маслу. Зоря на дверѣ и наша лиса передъ волкомъ въ избѣ. «Что, кумушка, кого Богъ далъ?» — Початышекъ, куманѣкъ, Початышекъ! На другую ночь лиса ту-же хитрость повторила, и стукнувъ запоромъ, передъ волкомъ явилась. «Что, кумушка, кого Богъ далъ?» — Середышекъ, куманѣкъ. Середышекъ! Въ третью ночь кума тоже сотворила и волку объявила: «Послѣдышекъ, куманѣкъ, Послѣдышекъ!»

Однажды волкъ лисѣ говорить: «кумушка, мы теперь маслото къ празднику побережемъ, а о праздникѣ сотворимъ пиръ на весь миръ и на славу добрымъ людямъ.»—Какъ-же, куманѣкъ! сохранимъ, сохранимъ! Вѣтъ ты его самъ упряталъ, и некому взять. Передъ праздникомъ оба отправились на охоту. Волкъ притащилъ за уши свинью да игнѣнка, а лиса курицу да цыпленка, и пошли наши стряпать. Все приготовлено, только маслицомъ сподобить, да гостямъ подать; вить для праздника надобно же и снадобье! ¹⁾ «Куманѣкъ, говорить лиса, сходи-ко да принеси маслица-то.» — Сейчасъ, сейчасъ, кумушка! — и вышелъ. Взялъ волкъ съ полицы кринку, но кринка пуста и масла нѣтъ. Волкъ взумъ(и)лся и кричить: «кума! гдѣ масло? кто съѣлъ его? кума, ты съѣла!» — Что ты, куманѣкъ! я масла и въ глаза не видала и близко не бывала. Ты поставилъ масло высоко и знаешь, что мнѣ не достать. Не самъ ли ты съѣлъ, а на меня сваливаешь? «Такъ кто же его съѣлъ?»—Вѣрно ты самъ, кумъ, и хочешь меня провести; полно шутить, меня не обманешь. Волкъ началъ сердиться и рогитесь ²⁾, что онъ масла не ѣдалъ и что лиса его съѣла. «Полно, куманѣкъ, полно шутить. Вотъ спознаемъ: кто масло

1) Приправа къ кушанью. 2) Клясться.

съѣлъ? Кто съѣлъ, у того оно вытопится; надо лечь брюхою къ огоньку, испробуешь-ко? Подай-ка кринку-то, я хоть пустую посуду убѣру.» Волкъ отдалъ кринку, а лиса въ кринку лапу и обшарила ¹⁾ всю. Вотъ легли наши противъ печки къ огоньку. Волка пригрѣло, и онъ захрапѣлъ. Лиса вымарала лапой полъ передъ волкомъ и лапой же провела по волчьему брюху. Волкъ спросилъ: «что ты, кума, дѣлаешь?» — А вотъ смотрю, какъ у тебя масло вытапливается; смотри-ко, ты и полъ отъ замаслил. Вишь, я правду сказала, что кто масло съѣлъ, у того и вытопится. Волкъ провель по брюху лапою и нашель, что оно въ маслѣ. «Что, куманѣкъ, не стыдно ли свой грѣхъ на чужихъ сваливать? Отпирайся теперь, воръ, а укору-то вѣрные.» Волкъ осердился, съ досады и горя пустился бѣжать и домой не воротился. Пришло лѣто, изба растаяла. Волкъ эту быль мнѣ самъ рассказывалъ и завѣрялъ, что впередъ никогда не станетъ жить вмѣстѣ съ лисою.

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

h. У волка была изба деревянная, у лисы ледяная. Пришло лѣто, растаяла у лисы изба. Она пришла къ волку и говоритъ: «кумъ, ты не знаешь моего горечка!» — Что, кума, у тебя за горечко? «Изба-то растаяла, пусти къ себѣ пожить.» — Изволь поди, кума, поживи. Лиса говоритъ: «нынѣ, кумъ, разбуди меня пораньше, меня придуть звать на повои.» Настала ночь, къ дверямъ пришла другая лиса и стучится. Волкъ услыхалъ и началъ будить свою куму: «кума! вставай, пришли за тобой.» — Спасибо тебѣ, куманѣкъ, что разбудилъ; я бы проспала. Вышла и пустила тихонько въ сѣни свою подругу. Залѣзли онѣ на полдовку ²⁾, гдѣ у волка было много меду, и съѣли по-

1) Вытерла. 2) Полдовка—чердакъ (Опытъ области великорус. словаря, стр. 164).

ловину кадушки. Проводила кумушка подругу и взошла въ избу. «Какъ, кума, младенца зовутъ?» спросилъ волкъ. — Почти-ночкомъ. На другую ночь тоже. Кумушки весь медокъ съѣли. Волкъ опять спрашиваетъ: «что, кума, какъ зовутъ?» — Поскрѣбшюкомъ. День пришелъ и лиса захворала: охъ, охъ!... «Что, кума, или захворала?» — Захворала, кумъ, что-то головушка заболѣла. «Постой-ка, кума, я тебя вылѣчу; у меня есть запасецъ.» Полѣзъ на полдовку, хватъ — нѣтъ меду въ кадушкѣ. Разсердился волкъ, вбѣжалъ въ избу и спросилъ: «ты, лиса, съѣла у меня медъ?» — Нѣтъ, кумъ, что ты! Господь съ тобой! Ты знаешь, что въ день-то мы съ тобой вмѣстѣ ходимъ, а ночью я на повоѣ бываю; когда мнѣ твой медъ ѣсть? «Нѣтъ, лебѣдушка! пошла вонъ изъ моей избы, чтобъ я тебя не видалъ!» Лиса ушла, а волкъ сталъ по прежнему поживать да медокъ запасать.

(Записана въ саратовской губерніи г. К. Гуськовимъ.)

2.

ЛИСА И ПѢТУХЪ ¹⁾.

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лѣсу не ѣвши. На зорѣ прибѣжала она въ деревню, взошла на дворъ къ мужику и полѣзла на насѣсть къ курамъ. Только что подкралась и хотѣла схватить одну курицу, а пѣтуху пришло время пѣть: вдругъ онъ крыльями захопалъ, ногами затопалъ и закричалъ во все горло. Лиса съ насѣсти-то такъ со страху полетѣла, что недѣли три лежала въ лихорадкѣ. Вотъ разъ вздумалось пѣтуху пойдти въ лѣсъ — разгуляться, а лисица ужъ

1) См. вып. I, стр. 5; вып. II, стр. 144; вып. III, № 24.

давно его стережетъ; спряталась за кустъ и поджидаетъ, скоро ли пѣтухъ подойдетъ. А пѣтухъ увидѣлъ сухое дерево, взлетѣлъ на него, и сидитъ себѣ. Въ то время лисѣ скучно показалось дожидаться, захотѣлось сманить пѣтуха съ дерева; вотъ думала, думала да и придумала: дай прельщу его. Подходить къ дереву и стала здоровкаться: «здравствуй, Петинька!» 1) Зачѣмъ ее лукавой занесъ? думаетъ пѣтухъ. А лиса приступаетъ съ своими хитростями: «я тебѣ, Петинька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вотъ ты, Петя, имѣешь у себя пятьдесятъ женъ, а на исповѣди ни разу не бывалъ. Слѣзай ко мнѣ и покайся, а я всѣ грѣхи съ тебя сниму и на смѣхъ не подыму.» Пѣтухъ сталъ спускаться ниже и ниже, и попалъ прямо лисѣ въ лапы. Схватила его лиса и говоритъ: «теперь я задамъ тебѣ жару! ты у меня за все ответишь, попомнишь, блудникъ и пакостникъ, про свои худыя дѣла! Вспомни, какъ я въ осеннюю темную ночь приходила и хотѣла воспользоаться одними курѣнкомъ, а я въ то время три дня ничего не ѣла, и ты крыльями захопалъ и ногами затопалъ! . . . » — Ахъ, лиса! говоритъ пѣтухъ, ласковыя твои словеса! премудрая княгиня! . . . . .
 . . . . . поидеть про насъ слава добрая.
 — Лиса распустила лапы, а пѣтухъ порхъ на дубокъ.

3.

КОТЪ, ПѢТУХЪ И ЛИСА 2).

а. Жилъ-былъ старикъ, у него были котъ да пѣтухъ. Старикъ ушелъ въ лѣсъ на работу, котъ у(по)иёсь ему вѣсть, а пѣтуха оставили стеречь домъ. На ту пору пришла лиса.

1) Игра словъ: *пе(п)тинька* — уменьшительная форма и отъ слова *пѣтухъ (пѣталь)*, и отъ имени *Петръ*. 2) См. выпускъ II, № 3.

«Кн(у)ке(у)реку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку.» 1)

Такъ лиса пѣла, сидя подь окномъ. Пѣтухъ выставилъ окошко, высунулъ головку и посмотрѣлъ: кто тутъ поётъ? Лиса схватила пѣтуха въ когти и понесла его въ гости. Пѣтухъ закричалъ: «понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темныя лѣса, въ далекія страны, въ чужія земли, да тридевятъ земель, въ тридцатое царство, въ тридешатое государство. Котъ Котонаевичъ, отыми меня!» Котъ въ полѣ услышалъ голосъ пѣтуха, бросился въ поговню, достигъ лису, отбилъ пѣтуха и привёсъ домой. «Мотри 2) ты, Пята-пѣтушокъ! говорить ему, котъ, не выглядывай въ окошко, не вѣрь лисѣ; она съѣстъ тебя и косточекъ не оставитъ.»

Старикъ опять ушелъ въ лѣсъ на работу, а котъ увёсъ ему вѣсть. Старикъ, уходя, заказывалъ пѣтуху беречь домъ и не выглядывать въ окошко. Но лисица стерегла, ей больно хотѣлось скушать пѣтушка; пришла она къ избушкѣ и загляла:

1) *Вариантъ:*

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляная головка,
Смятанный лобокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ кашки
На красной ложкѣ.»

Или:

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Чесаная головушка,
Мясная бородушка!
Выгляни въ окошечко;
Бары ѣдутъ,
Кольцами звенять,
Деньгами дарять!»

2) *Смотри.*

«Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ.»

Пѣтухъ ходилъ по избѣ да молчалъ. Лиса снова зашла пѣсенку и бросила въ окно горошку. Пѣтухъ съѣлъ горошекъ, и говорить: «нѣтъ, лиса, не обманешь меня! ты хочешь меня съѣсть и косточекъ не оставишь.» — Полно ты, Петя-пѣтушокъ! стану ли я ѣсть тебя! Миѣ хотѣлось, чтобъ ты у меня погостилъ, моего житья-бытья посмотрѣлъ и на мое добро поглядѣлъ! — и снова зашла:

«Кикереку пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляная головка!
Выгляни въ окошко,
Я дала тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ 1).»

Пѣтухъ лишь выглянулъ въ окошко, какъ лиса его въ когти. Пѣтухъ лихимиъ матомъ закричалъ: «понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса, за дремучіе боры, по крутымъ бережкамъ, по высокиимъ гораимъ; хочеть лиса съѣсти меня и косточекъ не оставити!» Котъ въ полѣ услыхалъ, пустился въ догоню, пѣтуха отбилъ и домой принёсъ: «не говорилъ ли

1) Въ рукописи слѣдуетъ продолженіе, которое гбротно вставлено {сюда изъ другаго народнаго разсказа:

«Гдѣ ты вечеръ былъ-побывалъ?»
Я леталъ, леталъ
До Фаді(ъ)ева двора.
«Что тебѣ баба дала?»
— Кляку да лопату,
Корову горбату.
Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Да выгляни въ окошко.

я тебѣ: не открывай окошка, не выглядывай въ окошко, съѣсть тебя лиса и косточекъ не оставитъ. Мотри, слушай меня! ны завтра дальше поидемъ.»

Вотъ опять старикъ на работѣ, а котъ ему хлѣба унёсъ. Лиса подирамась подъ окошко, ту-же пѣсенку запѣла; три раза пропѣла, а пѣтухъ всё молчалъ. Лиса говоритъ: «что это, ужь нынѣ Петя нѣмъ сталъ!» — Нѣтъ, лиса, не обманешь меня, не выгляну въ окошко. Лиса побросала въ окошко горошку и пшенички, и снова запѣла:

«Кикереку — пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головка!
Выгляни въ окошко.
У меня-то хоромы большіе,
Въ каждомъ углу
Пшенички по мѣрочкѣ;
Ѣшь, смѣй, не хочу!»

Потомъ прибавила: «да, посмотрѣлъ бы ты, Петя, сколько у меня рѣдкостей! да покажись же ты, Петя! полно не вѣрь коту. Если бы я съѣсти хотѣла тебя, то давно бы съѣла; а то видишь я тебя люблю, хочу тебѣ свѣтъ показать, уму-разуму тебя наставить и научить, какъ надо жить. Да покажись же ты, Петя, вотъ я за уголь уйду!»—и къ стѣнѣ ближе притан- лась. Пѣтухъ на лавку скочилъ и смотрѣлъ издалека, хотѣлось ему узнать, ушла ли лиса? Вотъ онъ высунулъ голову въ окошко, а лиса его въ когти, и была такова. Пѣтухъ ту- же пѣсеню запѣлъ; но котъ его не слыхалъ. Лиса унесла пѣ- туха и за ельничкомъ съѣла, только хвостъ да перья вѣтромъ разнесло. Котъ со старикомъ пришли домой и пѣтуха не нашли; сколько ни горевали, а послѣ сказали: «вотъ каково не слу- шаться!» 1)

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уездѣ.)

1) Сказка эта оканчивается и такъ: Не найди дома своего товарища, унес- сиваго злодѣйкою-лисою, котъ погоревалъ, погоревалъ и пошелъ вырывать

В. Жилъ-былъ котъ да баранъ, у нихъ былъ пѣтушокъ.
Вотъ они пошли лыжи драть; пришла лиса подь окошко къ
пѣтушку и говорить:

•Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляная головка!
Вотъ тебѣ съ сѣмечкомъ лешешка.
У Карпова двора
Преукатана гора,
Стоять санки-самокатки;
Они сами катать,
Сами ѣхать хотять!•

Пѣтушокъ выглянулъ; она его унесла. Онъ дорогой и кри-
чить: «котъ да баранъ! меня лиса несётъ за высокія горы, за
темныя лѣса.» Они услышали, воротились и отняли пѣтушка.
На другой день говорить ему: «смотри же, если придётъ
лиса — не выглядывай!» Лиса пришла, ту-же пѣсень запѣла;
пѣтушокъ выглянулъ, она и унесла его. Котъ да баранъ опять

его изъ бѣды. Онъ нарядился гусяромъ, пришелъ къ лисициной избѣ, и
поеть: «Трень-трень (или: стрень-брень), гусельки-золотія струнушки! Дома
ли Лиса-ма, со своими со дѣтками: одинъ сынъ Терентьюшко, другой Мелень-
тышко, третій Алѣшка-парничокъ, одна дочь Чучелка, другая Почучелка,
третья Подмети-шестокъ, четвертая Подай-челнокъ!» Лиса посмываетъ своихъ
дѣтей посмотричь, кто тамъ поеть? А котъ всѣхъ ихъ и зарубилъ саблей. По-
дождала, подождала лиса; гусляръ пересталъ пѣть, а дѣтки не идутъ въ избу.
Говорить пѣтушку: «поди, позови ихъ!» Вышелъ пѣтушокъ, какъ увидалъ
кота — чуть было не закричалъ отъ радости: кукуреку! «Бѣги скорѣе до-
мой!» говорить ему котъ. Пѣтушокъ побѣжалъ, а котъ къ лисѣ идетъ да
поеть:

«Идетъ котъ на ногахъ,
Въ красныхъ сапогахъ,
Несетъ саблю на плечѣ,
А палочку при бедрѣ,
Хочетъ лису порубить,
Ея душу загубить!•

Пришелъ, да какъ хватить лису саблей — изъ нея и духъ вонь!

отняли. На третій день говорятъ ему: «стотри же, не гляди въ окно; мы теперь далеко уйдемъ, не услышимъ — какъ будешь кричать.» Лиса пришла, такимъ сладкимъ голосомъ заѣла, что пѣтушокъ не утерпѣлъ — выглянулъ; она его схватила и понесла домой. Онъ кричалъ-кричалъ дорогою; нѣтъ, не слышали котъ да баранъ. Приходятъ они домой, нѣтъ пѣтушка! они сдѣлали гусельцы-барановы струночки и пошли къ лисѣ выручать пѣтушка. У лисы было семь дочерей. Котъ да баранъ пришли подъ окошко и начали играть: «тюкъ-тюкъ, гусельцы-барановы струночки! жила-была лиса краснавошеемъ золотомъ гнѣздѣ; у нея было семь дочерей: первая дочь Чучелка, другая Подчучелка, третья Подай-челнокъ, четвертая Мети-шестокъ, пятая Трубу-закрываетъ, шестая Огня-вздувай, а седьмая Пеки-пирогги!» Лиса говоритъ: «поди, Чучелка, посмотри — кто такую хорошую пѣсню поетъ?» Чучелка вышла, они стукъ ее въ лобокъ да въ коробокъ. Такъ всѣхъ лисяныхъ дочерей по одиночѣ и забрали. Потомъ вышла сама лиса. Они и ее стукъ въ лобокъ да въ коробокъ; взяли въ избушку, взяли пѣтушка еще живаго, воротились домой и стали жить да быть.

4.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВЪ.

Бѣжала лисица по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева и говоритъ ему: «Терентій, Терентій! я въ городъ была.» — Бу-бу-бу, бу бу-бу! была, такъ была. «Терентій, Терентій! я указъ добыла.» — Бу-бу-бу, бу-бу-бу! добыла, такъ добыла. «Чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревьямъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ.» — Бу-бу-бу, бу бу-бу! гулять, такъ гулять. «Терентій! кто тамъ ѣдетъ?» спрашиваетъ лисица,

услышавъ конской топотъ и собачій лай. — Мужикъ. «Кто за нимъ бѣжитъ?» — Жеребёнокъ. «Какъ у него хвостъ-то?» — Крючкомъ. «Ну такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ.»

(Записана въ тверской губерніи.)

5.

ЛИСА И РАКЪ.

Лиса и ракъ стоятъ вмѣстѣ и гварять прамѣшь себя. Лиса гварить раку: «давай съ табой пирганятца.» Ракъ: «штошь, лиса, ну давай!» Зачили пирганятца. Лишь лиса набѣгла, ракъ уцѣпилси листъ за хвостъ. Лиса да мѣста дабѣгла. а ракъ ни атцѣпляетца. Лиса абярнулаась пысмастрѣть, вярнула хвостомъ, ракъ атцѣпилси и гварить: «а я давно ужъ жду тебя тутъ.»

(Записана въ тамбовской губерніи.)

6.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ.

Лиса съ журавлѣмъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родняхъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: «приходи, куманѣкъ! приходи, дорогой! ужъ я какъ тебя угошу!» Идетъ журавль на званой пиръ, а лиса наварила манной каши ¹⁾ и размазала по тарелкѣ. Подала и подбиваетъ: «покушай, мой голубчикъ-куманѣкъ! сама стряпала.» Журавль хлопъ-хлопъ

1) *Вариантъ:* «лишниця и размазала по сковородѣ».

несомъ, стучалъ-стучалъ, ничего не попадаетъ! а лисица въ это время лижетъ себя да лижетъ кашу ¹⁾, такъ всю сама и скушала. Каша ²⁾ съѣдена; лисица и говоритъ: «не безсудь, любезный кумъ! больше подчивать нечѣмъ.»—Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости. На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклавъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «кушай, кумушка! право больше нечѣмъ подчивать.» Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и эдакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ-то, все ничего не достанетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себя да клюетъ, пока все поѣлъ. «Ну, не безсудь, кума! больше угощать нечѣмъ.» Взяла лису досада, думала, что набѣтся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлеба. Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ — врозь ³⁾.

(Записана въ тверской губерніи.)

7.

ЛИСА—ЛЪКАРКА.

Бывалъ-живалъ старикъ со старухой. Старикъ посадилъ кочешокъ ⁴⁾ въ подпольцо, а старуха въ попелушку ⁵⁾. У

1) Вар: «лишницу.» 2) Вар: «лишница.»

3) Начало этой общезнаѣстной басни передается еще такъ: Захотѣлось лисѣ, чтобъ журавль ее угостилъ, и вздумала завести съ нимъ знакомство и причестъся ему въ родню. Увидала разъ, что журавль гуляетъ по полю, подошла къ нему и говоритъ: «Здравствуй, журавль!» — Здравствуй, премудрая лиса! что тебѣ? «Ходила я . . . справлялась по книгамъ и розыскала, что ты доводишься мнѣ троюроднымъ братомъ: надо намъ другъ друга знать и почитать, другъ къ другу въ гости ходить.» 4) Кочень (кочанъ). 5) Куда собирается зола, пепель.

старухи въ понелужкѣ совсѣмъ завлаъ кочешокъ, а у старина росъ, росъ, до полу доросъ. Старикъ взялъ топоръ и вырубилъ на полу прямо ¹⁾ кочешка дыру. Кочешокъ опять росъ, росъ, до потолка доросъ; старикъ опять взялъ топоръ и вырубилъ на потолку прямо кочешка дыру. Кочешокъ росъ, росъ, до неба доросъ. Какъ старину поглядѣть на верхушку кочешка? Полѣзъ по корешку ²⁾, лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ лѣзъ, долѣзъ до неба, просѣкъ на небѣ дыру и залѣзъ туда. Смотритъ: стоятъ жорновцы ³⁾; жорновцы повернутся — пирогъ да шаньга ⁴⁾, навѣрхъ каши горшокъ. Старикъ наѣлся, напился и спать повалился. Выспался, слѣзъ на землю и говорить: «старуха! а старуха! какое житье-то на небѣ! тамъ есть жорновцы, какъ повернутся — пирогъ да шаньга, навѣрхъ каши горшокъ!»—Какъ-бы мнѣ, старичокъ, тамъ побывать? «Садись, старуха, въ мѣшокъ; я тебя унесу.» Старуха подумала и сѣла въ мѣшокъ. Старикъ взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ на небо; лѣзъ-лѣзъ, долго лѣзъ; старухѣ стало скучно, она и спрашиваетъ: «далеко ли, старичокъ?» — Далече, старуха! Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ. «Далеко ли, старичокъ?»— Еще половина! Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ. Старуха снова спрашиваетъ: «далеко ли, старичокъ?» Только старикъ хотѣлъ сказать: «не далече» ⁵⁾—мѣшокъ у него изъ зубовъ вырвался, старуха на землю свалилась и вся разшиблась ⁶⁾. Старикъ спустился внизъ по кочешку ⁷⁾, подвѣлъ мѣшокъ, а въ мѣшкѣ одно костье, и то примельчалось. Пошелъ старикъ изъ дому и горько плачетъ. На встрѣчу ему лиска: «о чемъ, старичокъ,

1) Противъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 183). 2) *Вариантъ*: «Старикъ взялъ кушлъ вершичу, навозилъ и выкалалъ лѣстницу до самаго неба, и полѣзъ.» 3) Жернова или ручная мельница. 4) Ватрушка или хлѣбъ изъ пшевичной муки, обмазанный сметаной и масломъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 263). 5) *Вар*: «последнія ступеньки.» 6) *Вар*: «покатилась старуха по лѣстницѣ, только костье т; ещитъ.» 7) *Вар*: «по лѣстницѣ.»

плачешь?»—Какъ не плакать! старуха разшиблась. «Могчи, я выльчу.» Старикъ налъ лисицѣ въ ноги: «выльчи, что угодно заплачу». —Ну, вытопи баньку, снеси туда толконца жѣшочекъ, маслаца горшочекъ, да старуху, а самъ стань за двери и не смотри въ баньку. Старикъ вытопилъ баню, принесъ что надо и сталъ за двери; а лиса зашла въ баню, двери на крѣкъ, стала мыть старухины кости, моетъ-не моетъ, а все оглаживаетъ. Старикъ спрашиваетъ: «каково старушка?» — Пошевеливается! говоритъ лиска, а сама дѣла старуху, собрала кости и сложила въ уголокъ, и принялась жѣсить саламату. Старикъ постоялъ-постоялъ и спрашиваетъ: «каково старушка?»—Посиживаетъ! говоритъ лиска, а сама саламату дохлебываетъ. Съѣла и говоритъ: «старичокъ! отвори двери шире.» Онъ отворилъ, а лиса прыгъ изъ баньки и убѣжала домой. Старикъ вошелъ въ баню, поглядѣлъ: только старухины кости подъ лавкой и тѣ оглоданы! толконцо и маслацо съѣдено. Остался старикъ одинъ въ бѣдности ¹⁾.

(Записана въ архангельской губерніи, шенкурскомъ уѣздѣ.)

1) *Вариантъ 1:* Жилъ старикъ и старуха. Старикъ каталъ-каталъ одну горошину. Она и упала на землю; искали-искали, не могли найти съ недѣлю. Минула недѣля, и увидѣли старикъ да старуха, что горошина дала ростокъ; стали ее поливать, горошина взяла роста выше избъ. Горохъ поспѣлъ, и полъзъ старикъ по горохъ, нащипалъ большой узелъ и сталъ слѣзать по китикѣ. (Китикъ—стволъ травы, на которой растутъ стручки. См. Омтъ обл. великор. словаря, стр. 83.) У старика узелъ упалъ и старуху убилъ; тѣмъ и кончилось.

(Записана въ вологодской губерніи.)

Вариантъ 2: Жилъ дѣдъ да баба, и была у нихъ хата. Посадила дѣдъ бобынку, а баба горошнику подъ столъ. Горошнику поклевала курица, а бобынка выросла подъ самымъ столъ; приняла столъ, она еще выше выросла; смали накатъ, крышу, — все ростеть, и выросла подъ самое небо. Дѣдъ полъзъ на небо, лѣзъ, лѣзъ — стоитъ хатка, стѣны изъ блиновъ, лавки изъ калачей, печка изъ творогу, вымазана масломъ. Онъ принялся ѣсть; найлся и легъ за печку отдыхаться. Приходить двѣнадцать сестеръ-козъ: у одной

СНѢГУРУШКА И ЛИСА.

Жилъ да былъ старикъ со старухой, у нихъ была внучка Снѣгурушка. Собрались ея подружки идти въ лѣсъ по ягоды, и пришли еѣ звать съ собой. Старики долго не соглашались, но послѣ многихъ просьбъ отпустили Снѣгурушку и приказали ей не отставать отъ подругъ. Ходя по лѣсу и собирая ягоды, деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ, Снѣгурушка отстала отъ своихъ подругъ. Онѣ аукали ее, аукали, но Снѣгурушка не слышала. Ужъ стало темно, подружки пошли домой, Снѣгурушка, видя, что она осталась одна, взлѣзла на дерево, стала горько плакать, припѣваячи: «ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка! у дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка! ея дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули.» Идетъ медвѣдь и спрашиваетъ: «о чемъ ты, Снѣгурушка, плачешь?»— Какъ мнѣ, батюшка медвѣдюшка, не плакать! я одна у дѣдушки, у бабушки внучка Снѣгурушка; меня дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули. «Сойди, я тебя отнесу.»— Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь! Медвѣдь ушелъ отъ нея. Она опять заплакала, припѣваячи: «ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка!...» Идетъ волкъ, спрашиваетъ: «о чемъ ты, Снѣ-

---

однѣмъ глазъ, у другой два, у третьей три, и такъ дальше, у послѣдней двѣнадцати. Увидали, что кто-то попробовалъ ихъ хатку, выправили ее, и уходя оставили стеречь одноглазую. На другой день дѣдъ опять полѣлъ туда-же, увидѣлъ одноглазую и сталъ приговаривать: «спи, очко, спи!» Коза заснула, онъ навѣся и ушелъ. На слѣдующій день сторожила двуглазая, потомъ трехглазая, и такъ дальше. Дѣдъ приговаривалъ: «спи, очко, спи другое, спи третье! и проч.» Но на двѣнадцатой козѣ сбился, заговорилъ только одиннадцатъ глазъ; коза увидела его двѣнадцатымъ и поймала.

Сличн также съ началомъ сказки подъ № 9.

гурушка, плачешь?» Она отвѣчаетъ ему тоже, что и медвѣдю. «Сойди, я тебя отнесу.»—Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съешь! Волкъ ушелъ, а Сибѣгурушка опять заплакала, причитаючи: «ау! ау! Сибѣгурушка, ау! ау! голубушка!...» Идетъ лисица, спрашиваетъ: «чего ты, Сибѣгурушка, плачешь?»—Какъ мнѣ, лисынька, не плакать! меня дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши поклянули. «Сойди, я тебя отнесу.» Сибѣгурушка сошла, сѣла на спину къ лисицѣ, и та помчалась съ нею; приближала къ дому и стала хвостомъ стучаться въ калитку. — Кто тамъ? Лисица отвѣчаетъ, что она принесла къ старикъ и старухѣ ихъ внучку Сибѣгурушку. «Ахъ, ты наша дорогая, такая-сякая, неизванная! Войди къ намъ въ избу. Гдѣ намъ тебя посадить и чѣмъ угостить?» Принесли молока, яицъ, творогу, и стади лисицу подбивать за ея услугу. А лисица просить, чтобъ въ награду дали ей курицу и пустили бы ее въ поле. Старикъ простился съ лисицею, посадили въ одинъ мѣшокъ курицу, а въ другой собаку, и понесли за нею на указанное мѣсто. Выпустили курицу; только было лисица бросилась за нею, выпустили и собаку. Увида собаку, лисица какъ припустить въ лѣсъ, такъ и ушла.

(Записана въ калужской губерніи.)

9.

ЛИСА-ПЛАЧЕЯ ¹⁾.

Жилъ былъ старикъ со старухою, была у нихъ дочка. Разъ ѣла она бобы и уронила одинъ на землю. Бобъ росъ-росъ и выросъ до неба. Старикъ ползѣлъ на небо; взлѣзъ туда, хо-

1) См. выпускъ I, № I, д.

дилъ-ходилъ, любовался-любовался, и говорить собі: «дай
 принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!» Слѣзъ на землю,
 посадилъ старуху въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ
 опять на верхъ; лѣзъ, лѣзъ, усталъ да и выронилъ мѣшокъ.
 Спустился поскорѣе, открылъ мѣшокъ, посмотреть — лежитъ
 старуха, оскаливъ зубы. Онъ и говорить: «что ты, старуха
 зубы-то оскалила?» да какъ увидѣлъ, что она уже мертвая,
 такъ и залился слезами. Жили они один-одинёхоньки, среди
 пустыря: некому и поплакать-то по старухѣ. Вотъ старикъ
 взялъ мѣшокъ съ тремя парами бѣленькихъ курочекъ и пошелъ
 искать плачем. Видитъ — идетъ медвѣдь, онъ и говорить:
 «поплачь-ко, медвѣдь, по моей старухѣ! я дамъ тебѣ двѣ бѣ-
 яенькихъ курочки.» Медвѣдь заревѣлъ: «ахъ, ты моя родимая
 бабушка! какъ тебя жалко.» — Нѣтъ, говорить старикъ, ты
 не умѣешь плакать. И пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и повстрѣ-
 чалъ волка; заставилъ его причитать, и волкъ не умѣетъ. По-
 шелъ еще и повстрѣчалъ лису, заставилъ ее причитать за пару
 бѣленькихъ курочекъ. Она и зацѣла: «туру-туру, бабушка!
 убилъ тебя дѣдушка.» Мужичку понравилась пѣсня, онъ заста-
 вилъ лису пѣть въ другой, третій и четвертой разъ; хватъ, а
 четвертой пары курочекъ и не достаетъ. Старикъ говорить:
 «лиса, лиса! я четвертую пару дома забылъ; пойдешь ко мнѣ.»
 Лиса пошла за нимъ слѣдомъ. Вотъ пришли домой; старикъ
 взялъ мѣшокъ, положилъ туда пару собакъ, а сверху зало-
 жилъ лисанькиными шестью курочками, и отдалъ ей. Лиса
 взяла и побѣжала; немного погода остановилась около пня и
 говорить: «сяду на пенёкъ, съѣмъ бѣлую курочку.» Съѣла и
 побѣжала впередъ; потомъ еще на пенёкъ съѣла и другую ку-
 рочку съѣла, затѣмъ третью, четвертую, пятую и шестую.
 А въ седьмой разъ открыла мѣшокъ, собаки на нее и вы-
 скачали. Лиса ну бѣжать, бѣжала бѣжала, и спряталась подъ
 колоду, спряталась и начала спрашивать: ушки, ушки! что вы

дѣлали? — Мы слушали да слушали, чтобъ собаки лисаньку не скушали. Глазки, глазки! что вы дѣлали? — Мы смотрѣли да смотрѣли, чтобъ собаки лисаньку не съѣли. Ножки, ножки! что вы дѣлали? — Мы бѣжали да бѣжали, чтобъ собаки лисаньку не поймали. А ты, хвостнице, что дѣлалъ? — Я не знаю, по кустамъ, по колодамъ зацѣплялъ, чтобъ собаки лисаньку поймали да разорвали. А, ты такой! такъ вотъ-же, нате, собаки! ѣште мой хвостъ! — и высунула хвостъ, а собаки ухватили за хвостъ, и самоё лисицу вытащили и разорвали ¹⁾.

10.

СКАЗКА О БУХТАНѢ БУХТАНОВИЧѢ ²⁾.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ живалъ-бывалъ нѣкто Бухтанъ Бухтановичъ; у Бухтана Бухтановича была выстроена среди поля печь на столбахъ. Онъ лежитъ на печи *по полу-локоть въ тараканьемъ мольку* (?). Приходила къ ѣму лисица и говорила: «Бухтанъ Бухтановичъ! хощь ли я тебя женю у царя на дочери?» — Что ты, лиска! «Есть ли у тебя сколько-нибудь денегъ?» — Да есть: всего одинъ пятакъ. «Подай и тотъ сюда.» Лисица пошла, развѣяла пятакъ на мелкія деньги — на копѣйки, денешки и полушки; пошла къ царю и говорить: «царь, вольный человекъ! дай четверникá, у Бухтана Бухтановича деньги сѣирать.» Онъ говорить: «возьми». Она привнесла домой; деньги, копѣйку захватила за обручъ и отнесла къ царю и говорить:

1) Сличъ съ окончаніемъ сказки: «Музыкъ, медвѣдь и лиса» (Вып. I, стр. 9—10; вып. II-я, стр. 111). 2) Была напечатана въ Москвитинѣ 1844 г., № I, стр. 122—4.

«царь, вольный человек! четверик мало; дай полшеры, деньги у Бухтана Бухтановича сбирать.» — Возьми. Она взяла, принесла домой; деньги, коняку записала за обруч и отнесла къ царю: «царь, вольный человек! полшеры мало, дай шэру.» — Возьми шэру. Она взяла, принесла домой и остальное отъ пятака записала за обручъ и отнесла къ царю. Царь говорить: «сбирала ли, лиска?» Лиска сказала: «всё вцѣль ¹⁾. Ну, царь, вольный человек! я пришла къ тебѣ за добрымъ дѣломъ: отдай дочь свою за Бухтана Бухтановича.» — Ну, ладно, покажи же ты мѣ жениха ²⁾. Она побѣгла домой.

1) Цѣло.

2) *Вариантъ 1:* Въ одной деревнѣ была жила вдова, у нея былъ сынъ Ванька Голой. Жили они въ большой бѣдности: изба на бокъ свалилась; окно худымъ сарафанишкомъ затыкалось; ни сѣней, ни двора—кругомъ чисто! Пошелъ сынъ въ городъ работы искать, денегъ наживать; жилъ такъ годъ и два, и выжилъ десять рублей. Нѣтъ, думаетъ, отъ работы не будешь богатъ, а развѣ горбатъ! Веротился домой и говорить матери: «поди къ богатому мужику, проси четверикъ, а станешь спрашивать: зачѣмъ? — скажи: деньги шэрить.» Пришла баба къ богатому мужику и просить четверика: сынъ де прѣхалъ изъ города, такъ деньги надо сбирать. — Возьми. Приносить домой: Ванька Голой и началъ побрякивать десятью рублями. А богатому мужику не терпится, пошелъ подслушивать. Баба увидела его и спрашиваетъ у сына: «что, сколько четвериковъ?» А онъ говорить: «двадцать». Только богатой мужикъ воротился домой, Ванька Голой будъ догадливъ, позасунулъ въ четверикъ за обручъ пятачокъ да гривенничковъ и отнесъ къ нему. Посмотрѣлъ мужикъ на свой четверикъ, какъ увидѣлъ серебро — и думаетъ себѣ: «и впрямь онъ деньги шэрилъ!» На другой день Ванька Голой посылаетъ свою мать: «поди, сватай за меня дочь у богатого мужика.» Пошла сватать, а мужикъ тому в радъ; веселымъ пиромъ да за свадебку! Взялъ Ванька большое приданое, и сталъ жить-поживать съ своею молодою женою въ богатостѣй, и теперь живутъ да хлѣбъ жуютъ. И у нихъ на свадьбѣ былъ, недѣ-шнѣ былъ; дали мѣ блины, что три года гнилъ, а кто-то былъ сѣлъ, выхватилъ да сѣлъ.

Вариантъ 2: Жилъ себѣ купецъ, у него былъ сынъ. Вотъ отецъ померъ, а сынъ остался одинъ, прогулялъ все имѣнiе, и задумалъ жениться. Пошелъ онъ на базаръ, выкупилъ горшковъ, поразбивалъ въ черепки и наколотилъ полной погребъ. Недалеко жилъ другой купецъ, у него была дочь красавица.

«Бухтанъ Бухтановичъ! есть ли у тебя какое-нибудь платье?» надъвай.» Бухтанъ Бухтановичъ оболокся ¹⁾ и пошелъ съ ласкою къ царю. Идутъ по ряду, и привелось имъ идти по мостику — грязной такой! Ласка пихнула его, и Бухтанъ Бухтановичъ валялся ²⁾ въ грязь. Она прибѣгла къ нему: «что ты, что ты, Бухтанъ Бухтановичъ?» А сама грязью-то всего его замарала. «Постой же, Бухтанъ Бухтановичъ! я къ царю ебѣтаю.» Ласка прибѣгла къ царю и говорить: «царь, вольный человекъ! мы шли съ Бухтаномъ Бухтановичемъ по мостику — мостикъ скверный такой! — мы какъ-то не постереглись, валялись; Бухтанъ Бухтановичъ весь замарался; идти-то не хорошо въ городъ; нѣтъ ли у тебя платья вжидёнова?» ³⁾ — На, возьми. Ласка побѣгла. Прибѣгла. «Бухтанъ Бухтановичъ, на — переболокись ⁴⁾ да пойдешь.» Пришелъ къ царю. У царя было уже налажено ⁵⁾ на столъ. Бухтанъ Бухтановичъ никуда не глядитъ, какъ на себя, — отъ роду не видалъ онъ такого платья! Царь и моргонулъ ласкѣ: «ласка, что это Бухтанъ Бухтановичъ-то никуда не глядитъ, какъ на себя?» — Царь, вольный человекъ! ему стыдно кажится, что на немъ эво платье; Бухтанъ Бухтановичъ эво платье-то отроду не нашивалъ дряннова. Царь, вольный человекъ! дай ему платьѣ то, которое носишь! ты въ Пасху. — А сама и шепнула Бухтану Бухтановичу: «не гляди на себя!» Бухтанъ Бухтановичъ опять глядитъ *некуда*—

Приходить къ нему купеческой смнѣ и проситъ: «дай, пожалуй, четверника.» — На что тебѣ? «Да купилъ овса, такъ эй ночь хочу переобрѣть.» — Бери, говоритъ купецъ, а самъ думаетъ: «что такое хочетъ онъ ночью мѣрять? дай разузнаю!» И пошелъ подслушивать, а купеческій смнѣ сидитъ въ погребѣ, да черепки пересыпаетъ. «Ишь грамоты! думаетъ купецъ, вѣрь послѣ людямъ, сказываютъ, что промотался, а онъ по ночамъ деньги мѣрять.» Наутро купеческій смнѣ набилъ въ щели четверника мелкии денегъ съ рубль серебра, понесъ и отдалъ купцу. Потомъ заслалъ къ нему сваху и женился на его дочери, да и сталъ жить приживаючи. 1) Облокался. 2) Свалился. 3) Ежедневно. 4) Переоблакался. 5) Приготовлено.

шшо на стуль: стуль былъ вызолоченный. Царь шепнулъ лиска: «лиска, что это Бухтанъ Бухтановичъ никуда не глядитъ, что на стуль?»—Царь вольный человекъ! у нхъ эково стулья-та по банямъ много. Царь хлопъ стуль за дверь. Лиска шепнула Бухтану Бухтановичу: «не гляди въ одно мѣсто; гляди туды да вьнуды.» 1) Ну тутъ стали толковать о добромъ дѣлѣ, о сватаньѣ. Ну, свадьбу сыграли; долго ли у царя? ни нива варить, ни вина курить, всё готово. Бухтану Бухтановичу три корабля нагрузили и поѣхали домой на корабляхъ. ъдутъ домой: Бухтанъ Бухтановичъ ъдетъ на корабляхъ съ жонкою, а лиска по берегу ѡбжить. Бухтанъ Бухтановичъ увидаваъ свою печь и скрычалъ: «лиска, лиска! эводе моя-то печь!» — Молчи, Бухтанъ Бухтановичъ; стыдно! — Бухтанъ Бухтановичъ ъдетъ, а лиска напередъ ѡбжить по берегу; прибѣгла напередъ, вызнялась на угорь 2): стоитъ на угорѣ домъ каменный пребольшущий и царство явилось преогромное. Она въ избу — нѣту никомо въ избѣ, забѣгла въ палату — въ большомъ углу лежитъ-протянулся Змѣй Змѣѣвичъ, сидитъ на печномъ столбѣ Воронъ Вороновичъ, сидитъ на престолѣ Кокоть Кокотовичъ 3). Лиска говорить: «што вы тутъ сидите! царь ъдетъ съ огнемъ, царица съ маланьѣй 4), сожгутъ и спалатъ васъ.»—Лиска! куда мы? «Кокоть Кокотовичъ, поди ты въ бочку!» Лиска заперла въ бочку Кокота Кокотовича. «Воронъ Вороновичъ, поди ты въ ступу, давай!» 5) Ворона Вороновича въ ступу заперла; Змѣя Змѣѣвича въ солому за-вертъла и вынесла на улану 6). Корабли пришли. Лиска при-казала въ воду свезти всѣхъ нхъ, казакъ 7) сейчасъ свезли въ воду. Бухтанъ Бухтановичъ въ тотъ домъ всё житейской

1) И туды, и сюды. 2) Поднялась на гору. 3) Кочеть Кочетовичъ?
4) Молнѣй. 5) *Давай* употребляется въ шенкурскомъ уѣздѣ почти въ каж-
дой рѣчи: *давай-иди туды-то; давай-сдѣлай то-то; давай возьми*
у боо. 6) Улану. 7) Работники, слуги.

своей переозы; тамъ жилъ-поживалъ, добра наживалъ, царствъ-
властвовалъ, да тамъ и животъ скончалъ.

(Записана въ архангельской губерніи, шенкурскомъ уездѣ, г. Борисовкѣ.)

О КОЗЬМЪ СКОРОВОГОТОМЪ.

Жилъ-проживалъ Кузенька, одинъ-одишибенекъ въ темномъ
лѣсу; у него былъ худой домишко, да одинъ пѣтушокъ да пять
курочекъ. Къ этому Кузенькѣ повадилась ходить лисичка; по-
шелъ онъ разъ на охоту, и только изъ дому, а лисичка какъ
тутъ; прибѣжала, заколола одну курочку, изжарила и скушала.
Воротился Кузенька, хватъ—нѣтъ курочки! и думаетъ: вѣрно
коршунъ утащилъ. На другой день пошелъ опять на охоту.
Понадается ему на встрѣчу лисичка и спрашиваетъ: «куда,
Кузенька, идешь?»—На охоту, лисичка! «Ну, прощай!»—и
тотчасъ же побѣжала къ нему въ избу, заколола курочку,
изжарила и скушала. Пришелъ домой Кузенька, хватился ку-
рочки—нѣту! Пало ему въ догадку: «ужь не лисичка ли ку-
шаветъ моихъ курочекъ?» Вотъ на третій день онъ крѣпко-
накрѣпко заколотилъ у себя въ избѣ окна и двери, а самъ
пустился на промыселъ. Неоткуда взялась лисичка и спраши-
ваетъ: «куда идешь, Кузенька?»—На охоту, лисичка! Лисичка
тутъ-же и побѣжала къ дому Кузеньки, а онъ поворотилъ да
вслѣдъ за нею. Прибѣжала лисичка, обошла кругомъ избу,
видитъ: окна и двери заколочены крѣпко-накрѣпко, какъ по-
пасть въ избу? взяла да и спустилась въ трубу. Тутъ Кузенька
и поймалъ лисичку; «ба! говорить, вотъ какой воръ ко мнѣ
жалуется. Постой-ка, сударушка, я тебя теперь живу изъ
рукъ не выпущу!» Лисичка стала просить Кузеньку: «не

убивай меня! а тебя съѣлаю Козьмою Споробогатышъ. только изжарь для меня одну курочку съ маслечкомъ пожирѣе.» Кузенька согласился, а лисанька, накушавшись такого жирнаго обѣда, побѣжала на царскіе заповѣдныя луга и стала на тѣхъ заповѣдныхъ лугахъ кататься. Бѣжить волкъ и говорить: «экъ ты, проклятая лиса! гдѣ такъ жирно обтрескалась?» 1) — Ахъ, любезный волченёкъ-куманёкъ! вѣдь я была у царя на пиру. Неужли тебя, куманёкъ, не звали? а насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо-невидимо! Волкъ и проситъ: «лисанька, не сведешь ли и меня къ царю на обѣдъ?» Лисичка общалась и велѣла собрать сорокъ сороковъ стрыхъ волковъ и привести съ собою. Волкъ согналъ сорокъ сороковъ стрыхъ волковъ. Лиса повела ихъ къ царю; какъ привела, сейчасъ же вошла къ бѣлокаменные палаты и поклонилась царю сорокомъ сороковъ стрыхъ волковъ отъ Козьмы Споробогатаго. Царь весьма тому обрадовался, приказалъ всѣхъ волковъ загнать въ ограду и запереть накрѣпко. А лисичка бросилась къ Кузенькѣ; побѣжала, велѣла зажарить еще одну курочку; пообедала сытно и пустилась на заповѣдныя луга, и стала кататься по травѣ. Бѣжить медвѣдь мимо, увидѣлъ лисаньку и говоритъ: «экъ вѣдь ты, проклятая хвостомоля, какъ обтрескалась!» Она отвѣчаетъ: «я была у царя въ гостяхъ; насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо-невидимо! да и теперь еще остались — пируютъ волки. Ты знаешь, любезный куманёкъ, какіе они обѣдали! по сю пору всё обѣдаютъ.» Мишка и проситъ: «лисанька! не сведешь ли и меня на царской обѣдъ?» Лисичка согласилась и велѣла ему собрать сорокъ сороковъ черныхъ медвѣдей; «для одного тебя царь де и безпокоиться не захочетъ.» Мишка собралъ сорокъ сороковъ черныхъ медвѣдей. Лиса

---

1) Объялась.

повела ихъ къ царю; привела и поклонилась ему сорокомъ сороковъ черныхъ медвѣдей отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь тому и радъ, приказалъ загнать ихъ и запереть накрѣпко. А лисичка отправилась къ Кузинькѣ; приѣхала и велѣла зажарить послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ. Кузинька не пожалѣлъ, зажарилъ ей послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ; лисичка скушала на здоровье и пустилась на заповѣдныя луга, и стала валяться по зеленой травѣ. Бѣжить мимо соболь съ куницей и спрашиваетъ: «зкъ ты, лукавая лиса! гдѣ такъ жирно накушалась?» — Ахъ, вы соболь и куница! а у царя въ превеликомъ почетѣ. У него нынче пиръ и обѣдъ на всякихъ звѣрей: а что-то порадыла, таки много жирнаго повѣла; а что звѣрей на обѣдъ-то было, видимо-невидимо! только васъ тамъ и не доставало. Вы сами знаете волковъ, какъ они завистливы, будто съ роду жирнаго не ѣдали, о сю пору трескають у царя! А про косолапаго Мишку и говорить нечего: онъ потуль ѣсть, что чуть дышетъ! — Соболь и куница стали лису упрашивать: «кумушка, своди ты насъ къ царю: мы хотъ посмотримъ.» Лиса согласилась и велѣла имъ согнать къ себѣ сорокъ сороковъ соболей и куницъ. Согнали; лиса привела ихъ во дворецъ и поклонилась царю сорокомъ сороковъ соболей и куницъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь не можетъ надвинуться богатству Козьмы Скоробогатаго, съ радостью принялъ даръ, и приказалъ всѣхъ звѣрей перебить и снимать съ нихъ шкуры.

На другой день лисичка опять приѣхала къ царю и говоритъ: «ваше царское величество! Козьма Скоробогатой приказалъ тебѣ низко кланяться и попросить пудовки ¹⁾; нужно развѣривать серебряныя деньги. Свои-то пудовки всѣ запростаны ²⁾ у него золотомъ.» Царь безъ отказа далъ лисѣ пу-

1) Четверика (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 183). 2) Закрыты, наполненны (ibidem, стр. 66).

довку. Она приближала къ Кузникъ и велѣла шёрить пудовою несокъ, чтобы высвѣтлить у ней бочокъ. Какъ высвѣтлело, она заткнула въ зауторы ¹⁾ сколько-то мелкихъ денегъ, и повесла назадъ къ царю. Пришла и стала сватать у него прекрасную царевну за Козьму Скоробогатаго. Царь не отказываетъ, велитъ Козьмѣ совсѣмъ изготавиться и приближать. Поѣхалъ Кузникъ къ царю, а лисичка забѣжала впередъ и подрядила работниковъ подпилить мостикъ. Кузникъ только что въѣхалъ на мостикъ — мостикъ вибѣстъ съ нимъ и рушился въ воду. Лисичка стала кричать: «ахти! пропалъ Козьма Скоробогатой!» Царь услышалъ и тотчасъ-же послалъ людей перехватить Козьму. Вотъ они перехватили его, переодѣли въ нарядное платье и привели къ царю. Обвѣнчался онъ на царевнѣ, ²⁾ и живетъ у царя недѣлю и двѣ. «Ну, го-

1) Уторъ — вырѣзка по внутренней поверхности четверика, около края, въ которую вставляются ребро дна (Словарь Акад. Росс., ч. VI, стр. 433).

2) *Вариантъ*: Былъ-жилъ мужикъ съ бабой, у нихъ былъ одинъ сынъ, да и тотъ не въ полномъ разумѣ. «Мужъ-муженёкъ! говоритъ баба, въ нашемъ сынѣ мало толку будетъ; давай отдѣлимъ его, пускай живетъ самъ по себѣ.» Вотъ и отдѣлили его, дали ему одну худую лошаденку да пѣтуха. Свѣзъ дуракъ на клячу, взялъ пѣтуха и поѣхалъ въ чистое поле; ѣхалъ долго ли, коротко ли, и приближалъ въ лѣсъ. Видитъ: стоитъ въ лѣсу глиняная избушка; входитъ туда, а въ избушкѣ пусто — нѣтъ никого! Вотъ пустилъ онъ лошадь въ лѣсъ, а самъ забрался въ избушку, и лежить себѣ голодный на печкѣ. Гдѣ не взялася лисица, вбѣжала въ избу и говоритъ: «здравствуй, дялюшка! какъ тебя зовутъ? скажешь — буду знать, какъ величать.» — Люди зовутъ: Никита Македонской. «Ну, Никита Македонской! подари мнѣ пѣтуха, и тебѣ невѣсту высватаю.» Онъ немного думалъ, слѣзъ съ печи, зарѣзалъ пѣтуха, оцципалъ и отдалъ лисицѣ: «на, кушай, лисанька! на здоровье.» — Спасибо, Никита Македонской! Есть царь Огонь и царица Грозная Маланья (молнія), у нихъ дочъ — прекрасная царевна; я еѣ за тебя высватаю. «Кто за меня, бѣднаго, пойдетъ?» — Молчи, не твоя забота. И побѣжала лисица къ царю Огню и царицѣ Маланьѣ. «Здорово, Лиса! что хорошенькаго скажешь?» — Здорово! пришла свахою. У васъ есть невѣста, у меня женихъ молодецъ, Никита Македонской царевичъ. «Гдѣ же онъ? что самъ не приближалъ?» — Ему нельзя; онъ одинъ на своемъ царствѣ. «Что-же онъ подѣлываетъ?» — Да всё

варить царь, пойдемъ теперь, любезный зять, къ тебѣ въ гости.» Козынь дѣлать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали. А лисичка отправилась впередъ. Бѣжала-

за зѣбрами охотится. «Ну, пускай пришлетъ намъ семьдесятъ зайцевъ; тогда повѣримъ тебѣ.» Лисица пустилась въ лѣсъ; попадается ей косою заяцъ: «Гдѣ была, лиса?» — На обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи. «Не слышала-ль чего про насъ, зайцевъ?» — Какъ-же, слышала; про васъ завтра будетъ у царя съ царицей большой обѣдъ. Соберитесь гуртомъ семьдесятъ зайцевъ, я васъ завтра туда проведу. Заяцъ бросился созывать своихъ товарищей; созывалъ. «Ну, лиса, веди!» Лиса привела ихъ къ царю, поставила рядкомъ и говоритъ: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья! нареченный зять прислалъ вамъ въ подарокъ семьдесятъ зайцевъ.» Ну, ихъ забрала и заперла въ клетъ. Царь и говоритъ лисѣ: «когда нареченный зять прислалъ зайцевъ, пусть пришлетъ еще семьдесятъ волковъ.» Лисица опять побѣжала въ лѣсъ; попадается ей на встрѣчу сѣрой волкъ. «Здорово, лиса!» — Здорово, кума, вѣкъ! «Гдѣ ты была?» — На обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи. «Не слышала-ль чего про насъ, волковъ?» — Какъ-же слышала; про васъ завтра будетъ у царя и царицы большой обѣдъ. Собери семьдесятъ волковъ, я васъ туда проведу. — Волкъ побѣжалъ скликать своихъ товарищей, скликнулъ и прямо къ лисѣ. «Ну, лиса, веди насъ!» Лисица привела къ царю, построила ихъ рядкомъ, и говоритъ: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья! извольте принять; нареченный зять прислалъ вамъ подарокъ.» — Ну, спасибо. Сейчас ихъ забрала и заперла въ сарай. «Скажи нареченному зятю: коли онъ прислалъ волковъ, то пусть пришлетъ еще семьдесятъ медвѣдей.» Лисица ударилась въ лѣсъ; попадается ей на встрѣчу медвѣдь: «куда, лиса, ходила?» — Была въ гостяхъ на обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи. «Не слышала-ль чего про насъ, медвѣдей?» — Какъ-же слышала; про васъ завтра будетъ у царя и царицы большой обѣдъ. Соберитесь семьдесятъ медвѣдей, я васъ проведу. — Косолапый медвѣдь пошелъ скликать своихъ товарищей, накликалъ — и къ лисицѣ: «ну, веди насъ, лиса!» Привела ихъ лисица, построила рядкомъ и говоритъ: «царь Огонь и царица Грозная Маланья! нареченный зять прислалъ вамъ подарокъ.» — Спасибо! пускай нареченный зять Никита Македонской придетъ самъ къ намъ; мы на него поглядимъ, а онъ на невѣсту посмотритъ. Лисица распрощалась и пустилась къ глиняной избушкѣ, гдѣ Никита Македонской на печи нячкомъ лежалъ. Прибѣжала и говоритъ: «что лежишь? Царь Огонь и царица Грозная Маланья зовутъ тебя въ гости; поѣдемъ, станемъ свадьбу играть.» — Ахъ, лиса! какъ я поѣду? мнѣ одѣться не во что. «Ничего! запрягай свою лошадь. Какъ поѣдешь черезъ городъ, в пробѣгу мимо лавокъ; купцы и прикащики бросятся за мною, а ты сестри

бѣжала, глядя: пастухи пасутъ стадо овецъ; она спрашиваетъ ихъ: «пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» Пастухи отвѣчаютъ: «стадо царя Змиулана.» Лисичка начала ихъ учить: «сказывайте всѣмъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго, а не Змиулана-царя; а то вѣдутъ царь Огонь да царица Маланьѣца; коли не скажете имъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго, — они всѣхъ васъ и съ овцами то сожгутъ и спалютъ.» Пастухи видятъ, что дѣло неминуемое, надо слушаться! — и общаются всякому сказывать про Козьму Скоробогатаго, какъ лиса учила. А лисичка пустилась впередъ; видитъ — пастухи стерегутъ свиней и спрашиваетъ: «пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» — Царя Змиулана. «Сказывайте, что стадо это Козьмы Скоробогатаго, а то вѣдутъ царь Огонь и царица Маланьѣца; они всѣхъ васъ сожгутъ и спалютъ, коли станете помянуть царя Змиулана.» Пастухи согласились. Лиса опять побѣжала

не плошай! Кушаки, шапки и разную одѣжу въ лавокъ хватай; да захвати котати и пилу. — Побѣхалъ Никита городомъ, а лиса ужь около лавокъ; всѣ мундцы и прикащики выбѣжали да за нею, а Никита Македонской беретъ въ лавокъ что надо, да грузитъ тележку: и одѣжу добыть, и пилу спроворить одноручную. Выѣхалъ за городъ, и видитъ, что лиса давно его дожидаетъ. Побѣхали. Попался на пути на дорогѣ мостикъ. — Пили мостъ! — говоритъ лиса. Никита Македонской и ну стараться, подпиралъ столбы; мостъ и рухнулъ. — Раздѣвайся до нага да кидай всю одѣжу въ воду-то, а самъ катайся по песку. — Сказала лиса и побѣжала къ царю и царицѣ: «ахъ! говорить, несчастье случилось.» — Какое несчастье? спрашиваетъ царь. — Да мостъ не вѣрники въ вашемъ царствѣ; зареченный зять вашъ Никита Македонской вѣхалъ къ вамъ въ гости, а мостъ и подломился; люди его всѣ потонули, да и самъ окъ еле живъ. — Поскакали къ мосту; смотреть: Никита Македонской голой вылетаетъ въ песку. Подняли его, одѣли въ царское платье, посадили въ карету и повезли во дворецъ. Вотъ пиркомъ да за свадьбу; у царя не пиво варить, не вино курить; обвинчали Никиту на царевнѣ и стали пить-ѣсть и прохладжаться. Нагулялись досыта. Молодая нянягина и говоритъ: «ну, Никита Македонской! пора къ тебѣ вѣхать, посмотрѣть твое царство. . . . (Продолженіе сказки такое-же, какъ и о Козьмѣ Скоробогатомъ. Вѣсто выраженій: царь Огонь и царица Грозная Молнія — ставить иногда Грома-батьку и Молнію матку.)

впередъ; добѣгаетъ до коровьяго стада царя Зміулана, потомъ до конскаго стада, и велитъ пастухамъ сказывать, что эти стада Козьмы Скоробогатаго, о царѣ же Зміуланѣ ничего не говорить. Добѣгаетъ лиса и до стада верблюжьяго. «Пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» — Царя Зміулана. Лиса строго запретила имъ сказывать о царѣ Зміуланѣ, а велѣла говорить, что это стадо Козьмы Скоробогатаго; а то царь Огонь и царица Маланьйца сожгутъ и спалатъ все стадо! Лисанька опять побѣжала впередъ, прибѣгаетъ въ царство царя Зміулана и прямо въ бѣлокаменные палаты. «Что скажешь, лисанька?» — Ну, царь Зміуланъ! теперь то надо тебѣ скоро-наскоро спрятаться. Ёдетъ грозный царь Огонь и царица Маланьйца, все жгутъ и палатъ. Стада твои и съ пастухами привзгли: сначала овечье, потомъ свинное; а тутъ коровье и конское. Я не стала жѣшкать, пустилась къ тебѣ сказать, и чуть отъ дыма не задохлась! Царь Зміуланъ закручинился-запечалился: «ахъ, лисанька! куда же я подѣваюсь?» — Есть въ твоемъ саду старой заповѣдной дубъ, середина вся повыгнила: бѣги и скоронись въ дупло, пока они мимо ни пробѣдутъ. Царь Зміуланъ вмѣгъ собрался и по сказанному, какъ по писанному, сдѣлалъ такъ, какъ лиса научила. А Козьма Скоробогатой ѣдетъ себѣ да ѣдетъ съ женою и тестемъ. Добѣзжаютъ они до стада овечьяго. Молодая княгиня и спрашиваетъ: «пастушій, пастушій! чье стадо пасете?» — Козьмы Скоробогатаго, отвѣчаютъ пастухи. Царь тому и радъ: «ну, любезный зять! много же у тебя овецъ.» Ёдутъ они дальше, добѣзжаютъ до стада свиннаго. «Пастушій, пастушій! спрашиваетъ молодая княгиня, чье стадо пасете?» — Козьмы Скоробогатаго. «Ну, любезный зять! много же у тебя свиней.» Ёдутъ они все дальше и дальше; тутъ пасется стадо коровье, тамъ конское, а тамъ и верблюжье. Спросить у пастуховъ: «чье стадо пасете?» Они знай себѣ отвѣчаютъ одно: «Козьмы Скоробогатаго». Вотъ пріѣхали

къ царскому дворцу; лисанька встрѣчаетъ и вводитъ ихъ въ палаты бѣлокаменные. Царь вошелъ и задивился: столь хорошо было убрано! Давай пировать, пить-ѣсть и веселиться! Живуть они день, живутъ и недѣлю. «Ну, Кузинька! говоритъ лисанька, перестань гулять, надо дѣло исправлять. Ступай съ тестемъ въ зеленый садъ; въ томъ саду стоитъ старый дубъ, а въ томъ дубѣ сидитъ царь Змиуланъ—отъ васъ спрячется. Разстрѣляйте дерево на мелкія части!» Тогда Кузинька по сказанному, какъ по писанному, пошелъ вмѣстѣ съ тестемъ въ зеленый садъ, и стали они въ тотъ дубъ стрѣлять, и убили царя Змиулана до смерти. Козьма Скоробогатой воцарился въ томъ государствѣ, и сталъ онъ съ царевною жить да поживать, и теперъ живутъ—хлѣбъ жуютъ. Лисаньку всякой день угощали они курочками, и она до тѣхъ поръ у нихъ гостила, докуда всѣхъ куръ не испакостила 1).

12.

ВОЛКЪ.

Жилъ-былъ старикъ да старушка, у нихъ была кошечка-судомочка, собачка-пустолаечка, овечка да коровушка. Дознался волкъ, что у старика много скотины; пошелъ просить себѣ. Пришелъ и говоритъ: «отдавай старуху!» Старикъ жаль отдать старушку; отдалъ вмѣсто ея кошечку-судомочку. Волку этого мало; съѣлъ и опять пришелъ къ старикъ: «подавай старуху!» Старикъ жаль отдавать старушку; отдалъ за нее со-

1) Извѣла (перевѣла). — Эту и предыдущую сказки слычи съ непечатанной въ «Деревенской забавной старушкѣ, по вечерамъ рассказывающей простонародныя веселыя сказочки» (М., 1804) подъ заглавіемъ: «О лисцѣ и дуркѣ».

бачку-пустолаечку. Съѣлъ волкъ, и опять идетъ за старухою. Старикъ не даетъ старушки; отдалъ за нее овечку, а потомъ и коровушку. А старушку себѣ оставилъ; и стали они вдвоемъ жить да быть, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

13.

ВОЛКЪ-ДУРЕНЬ.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ мужикъ, у него была собака; съ молоду сторожила она весь домъ, а какъ пришла тяжелая старость — и брехать ¹⁾ перестала. Надоѣла она хозяину; вотъ онъ собрался, взялъ веревку, зацѣпилъ собаку за шею и повелъ ее въ лѣсъ; привелъ къ осинѣ и хотѣлъ было удавить, да какъ увидѣлъ, что у стараго пса текутъ по мордѣ горькія слезы, ему и жалко стало; смиловался, привязалъ собаку къ осинѣ, а самъ отправился домой. Остался бѣдный песъ въ лѣсу и началъ плакать и проклинать свою долю. Вдругъ идетъ изъ-за кустовъ большущій волкъ, увидалъ его и говоритъ: «здравствуй, пестрой кобель! долгоенько поджидалъ тебя въ гостяхъ. Бывало, ты прогонялъ меня отъ своего дому; а теперь самъ ко мнѣ попался: что захочу, то надъ тобой и сдѣлаю. Ужь я тебѣ за все отплачу!» — А что хочешь ты, сѣрой волчокъ, надо мною сдѣлать? «Да немного: съѣмъ тебя со всей шкурой и съ костями.» — Ахъ ты, глухой сѣрой волкъ! Съ жиру самъ не знаешь, что дѣлаешь; такъ послѣ вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачѣмъ тебѣ понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? мое мясо теперь словно гнилая колода. А вотъ я лучше тебя нау-

---

1) Лаять.

чу: поди-ка да принеси мнѣ пудика три хорошей кобылатинки, поправь меня немножко, да тогда и дѣлай со мною что угодно. — Волкъ послушалъ кобеля, пошелъ и притащилъ ему половину кобылы: «вотъ тебѣ и говядника! смотри поправляйся.» Сказалъ и ушелъ. Собака стала прибирать мясо и все поѣла. Черезъ два дня приходитъ строй дуракъ и говоритъ кобелю: «ну, братъ! поправился али нѣтъ?» — Маленько поправился; колибъ еще принесть ты мнѣ какую-нибудь овцу, мое мясо сдѣлалось бы не въ пригѣрь слаже! — Волкъ и на то согласился, побѣжалъ въ чистое поле, легъ въ лошину и сталъ караулить, когда погонитъ пастухъ свое стадо. Вотъ пастухъ и гонитъ стадо; волкъ повысмотрѣлъ изъ-за куста овцу, которая пожирѣе да побольше, вскочилъ и бросился на нее; ухватилъ за шиворотъ и потащилъ къ собацѣ. «Вотъ тебѣ овца, поправляйся!» Стала собака поправляться, съѣла овцу и почувала въ себѣ силу. Пришелъ волкъ и спрашиваетъ: «ну что, братъ, каковъ теперъ?» — Еще немножко худъ. Вотъ когда-бъ ты принесть мнѣ какого-нибудь кабана, такъ я бы разжирѣлъ, какъ свинья! — Волкъ добылъ и кабана, принесть и говоритъ: «это моя послѣдняя служба! черезъ два дня приѣду къ тебѣ въ гости.» — Ну ладно, думаетъ собака, я съ тобою поправляюсь. Черезъ два дня идетъ волкъ къ откормленному псу, а песь завидѣлъ и сталъ на него брехать. «Ахъ ты, жеракой кобель! сказалъ строй волкъ, смѣешь ты меня бранить?» и тутъ-же бросился на собаку и хотѣлъ ее разорвать. Но собака собралась уже съ силами, стала съ волкомъ въ дыбки и начала его такъ подчинивать, что съ стѣраго только космы летать. Волкъ вырвался да бѣжать скорѣе; отбѣжалъ далече, захотѣлъ остановиться, да какъ услышалъ собачій лай — опять приустилъ. Прибѣжалъ въ дѣсь, легъ подъ кустомъ и началъ зализывать свои раны, что дался ему стъ собаки. «Ишь какъ обманулъ, жеракой кобель! говоритъ волкъ самъ съ собою. Постоѣ же,

теперь кого ни понаду, ужь тотъ изъ моихъ зубовъ не вырвется!»

Зализгалъ волкъ раны и пошелъ за добычей. Смотритъ на горѣ стоитъ большой козелъ; онъ къ нему, и говоритъ: «козелъ, а козелъ! я пришелъ тебя съѣсть.»—Ахъ ты, сѣрой волкъ! для чего станешь ты понапрасну ломать объ меня свои старыя зубы? а ты лучше стань подъ горою и разинь свою широкую пасть; я разбѣгусь да такъ прямо къ тебѣ въ ротъ, ты меня и проглотишь! Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ свою широкую пасть, а козелъ себѣ на умѣ, полетѣлъ съ горы какъ стрѣла, ударилъ волка въ лобъ да такъ крѣпко, что онъ съ ногъ свалился. А козелъ и былъ таковъ! Часа черезъ три очнулся волкъ, голову такъ и лошить ему отъ боли. Сталъ онъ думать: проглотилъ ли онъ козла, или нѣтъ? думалъ-думалъ, гадалъ-гадалъ. «Колн-бъ я съѣлъ козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись онъ бездѣльникъ меня обманулъ! Ну, ужь теперь я буду знать что дѣлать!»

Сказалъ волкъ и пустился къ деревнѣ, увидалъ свинью съ поросятами и бросился было схватить поросенка; а свинья не даетъ. «Ахъ ты, свиная харя! говорить ей волкъ, какъ смѣешь грубить? да я и тебя разорву, и твоихъ поросятъ за одинъ разъ проглочу.» А свинья отвѣчала: «ну, до сей поры не ругала я тебя; а теперь скажу, что ты большой дурачина!»—Какъ такъ? «А вотъ какъ! Самъ ты, сѣрой, посуди: какъ тебѣ ѣсть моихъ поросятъ? вить, они недавно родились. Надо ихъ обмыть...» Волкъ согласился. Вотъ хорошо, пришли они къ большой мельницѣ. Свинья говоритъ волку: «ты, любезный кумъ, становись по ту сторону заставки, гдѣ воды нѣту, а я пойду, стану поросятъ въ чистую воду окунать да тебѣ по одному подавать.» Волкъ обрадовался, думаетъ: вотъ когда попадетъ въ зубы добыча-то! Пошелъ сѣрой дуракъ подъ мостъ, а свинья тотчасъ схватила заставку зубами, подняла и пусти-

ла воду. Вода какъ хлынетъ и потащила за собой волка и начала его вертѣть. А свинья съ поросятами отправилась домой; пришла, наблась и съ дѣтками на мягкую постель спать повадилась.

Узнавъ сърой волкъ лукавство свиньи, наслуку кое-какъ выбрался на берегъ и пошелъ съ голоднымъ брюхомъ рыскать по лѣсу. Долго издыхалъ онъ съ голоду, не вытерпѣвъ, пустился опять къ деревнѣ, и увидѣвъ: лежить около гумна какая-то падла. «Хорошо, думаетъ, вотъ придетъ ночь, найтца хоть этой падлы.» Нашло на волка неурожайное время, радъ и падлою поживиться! Все лучше, чѣмъ съ голоду зубами пощелкивать да по волчьимъ пѣсенкамъ распѣвать. Пришла ночь; волкъ пустился къ гумну и сталъ уписывать падлу. Но охотникъ ужъ давно его поджидалъ и приготовилъ для пріятеля пару хорошихъ орѣховъ ¹⁾; ударилъ онъ изъ ружья, и сърой волкъ покотился съ разбитой головою. Такъ и скончалъ свою жизнь сърой волкъ!

14.

СВИНЬЯ И ВОЛКЪ. 2)

Жилъ былъ старикъ и при немъ старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери; было скота только одна свинья вострорылая. И повадилась та свинья ходить со двора въ заднія ворота. Чортъ ее понёсъ, да въ чужую полосу — въ овёсъ. Прибѣжалъ тутъ волкъ, да и приумолкъ: схватилъ, онъ свинку за щетинки, уволокъ ее за тынники и изорвалъ. Тѣмъ сказка и кончилась.

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уездѣ.)

1) Т. е. пуль. 2) См. ниже № 36, и в вып. III, № 21.

МЕДВѢДЬ. 1)

Жилъ-былъ старикъ да старуха, дѣтей у нихъ не было. Старуха и говорить старику: «старикъ! сходи по дрова.» Старикъ пошелъ по дрова; попалъ ему на встрѣчу медвѣдь и сказываетъ: «старикъ! давай бороться.» Старикъ взялъ да и отсѣкъ медвѣдю топоромъ лапу; ушелъ домой съ лапой ²⁾ и отдалъ старухѣ: «вари, старуха, медвѣжьё лапу.» Старуха сейчасъ взяла, содрала кожу, съела на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила въ печь вариться. Медвѣдь ревѣлъ-ревѣлъ, надумался и сдѣлалъ себѣ липовую лапу; идѣтъ къ старику на деревянкѣ и поетъ:

Скрипи, нога!
Скрипи, липовая!
По селамъ спать,
По деревнямъ спать;
Одна баба не спать,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ,
Мое мясо варитъ,
Мою кожу сушить!

Въспоры ³⁾ старикъ и старуха испугались. Старикъ спрятался на полати подъ корыто, а старуха на печь подъ черныя рубашки. Медвѣдь взомелъ въ набу; старикъ со страху крехтитъ

1) См. выпускъ III, № 17.

2) *Вариантъ*: Жилъ старикъ со старухой. Заболѣлось старухѣ медвѣжьёго мяса. «Ступай, старикъ, за медвѣжьимъ мясомъ.» Старикъ взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Приходить; глянулъ: лежитъ подъ колодомъ старой медвѣдь и крѣпко спитъ. Старикъ недолго думалъ, отрубилъ у медвѣды ногу и понесъ домой. 3) Тогда.

подъ корытомъ, а старуха закашляла. Медвѣдь нашелъ ихъ, взялъ да и съѣлъ ¹⁾.

(Записана въ пермской губерніи, осеннемъ уездѣ.)

16.

КОЗА ²⁾.

Сидитъ козѣль да плачетъ: онъ послалъ козу за орѣхами; она пошла и пропала. Вотъ козѣль и заговѣлъ:

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калѣнными!

Добро же, коза! пошлю на ты волки.
Волки не ѣдутъ козы гнать:

Нѣтъ козы съ орѣхами!
Нѣтъ козы съ калѣнными!

Добро же, волки! пошлю на васъ медвѣдь(а).
Медвѣдь не ѣдетъ волковъ драть,
Волки не ѣдутъ козы гнать:

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калѣнными!

Добро же, медвѣдь! пошлю на ты люди.
Люди не ѣдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не ѣдетъ волковъ драть,
Волки не ѣдутъ козы гнать:

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калѣнными!

Добро же, люди! пошлю на васъ дубьѣ.
Дубьѣ не ѣдетъ людей бить,
Люди не ѣдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не ѣдетъ волковъ драть,
Волки не ѣдутъ козы гнать.

1) *Вариантъ*: Увидалъ старуха медвѣдь. «Ну, старикъ! поймай въ кузовъ, я тебя повѣшу надъ дверьми, а сама залѣзу на печь и за дрова спрячусь.» Только медвѣдь въ избу, кузовъ съ старикомъ оборвался и упалъ. Медвѣдь испугался, вонъ изъ избы да бѣжать . . . 2) См. выпускъ II-й, стр. 130.

Нѣтъ козы съ орѣхами,

Нѣтъ козы съ казѣнными!

Добро же, дубьё! пошлю на тя топорь.

Топорь не йдетъ дубьё рубить.

Дубьё не йдетъ людей бить,

Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять.

Медвѣдь не йдетъ волковъ драть.

Волки не йдутъ козы гнать:

Нѣтъ козы съ орѣхами,

Нѣтъ козы съ казѣнными!

Добро же, топорь! пошлю на тя камень.

Камень не йдетъ топорь тупить,

Топорь не йдетъ дубьё рубить.

Дубьё не йдетъ людей бить,

Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять.

Медвѣдь не йдетъ волковъ драть.

Волки не йдутъ козы гнать;

Нѣтъ козы съ орѣхами,

Нѣтъ козы съ казѣнными!

Добро же, камень! пошлю на тя огонь.

Огонь не йдетъ камень палить,

Камень не йдетъ топорь тупить.

Топорь не йдетъ дубьё рубить.

Дубьё не йдетъ людей бить,

Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять.

Медвѣдь не йдетъ волковъ драть.

Волки не йдутъ козы гнать:

Нѣтъ козы съ орѣхами,

Нѣтъ козы съ казѣнными!

Добро же, огонь! пошлю на тя воду.

Вода не йдетъ огонь лить.

Огонь не йдетъ камень палить,

Камень не йдетъ топорь тупить.

Топорь не йдетъ дубьё рубить.

Дубьё не йдетъ людей бить.

Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять.

Медвѣдь не йдетъ волковъ драть.

Волки не йдутъ козы гнать:

Нѣтъ козы съ орѣхами,

Нѣтъ козы съ казѣнными,

Добро же, вода! пошлю на тя бурю.

Буря пошла воду гнать,

Вода пошла огонь лить,
 Огонь пошелъ камень палить,
 Камень пошелъ топоръ тупить,
 Топоръ пошелъ дубѣ рубить,
 Дубѣ пошло людей бить.
 Люди пошли медвѣдь стрѣлять,
 Медвѣдь пошелъ волковъ драть,
 Волки пошли козу гнать:

Вотъ коза съ орѣхами,
 Вотъ коза съ калѣными!

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

17.

ВОЛКЪ И КОЗА ¹⁾.

Жила-была коза, сдѣлала себѣ въ лѣсу избушку и нарожала дѣтокъ. Часто уходила коза въ боръ искать корму; какъ только уйдетъ, козлятки запрутъ за нею избушку, а сами никуда не выходятъ. Вернется коза, постучится въ дверь и запоетъ: «козлятушки, дѣтатушки! отойдите, отойдите! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковѣю, пила воду студенѣю. Бѣжить молоко по вымячку, изъ вымячка въ копытчко, изъ копытчка въ сыру землю!» ²⁾ Козлятки тотчасъ отойдутъ двери и впустятъ мать. Она покормитъ ихъ и опять уйдетъ въ боръ, а козлятки запрутся крѣпко-накрѣпко. Волкъ все это и подслушалъ; выждалъ время, и только коза въ боръ, онъ подошелъ къ избушкѣ и закричалъ своимъ тол-

1) См. П-в, № 4. 2) *Вариантъ*:

Охъ вы, дѣтушки, мои батюшки,
 Отойдите, отойдите;
 Ваша мать пришла — молока принесла,
 Полны бока молока, полны рога творога,
 Полны копытцы водички!

стыжь голосомъ: «вы, дѣтушки! вы, батюшки! отопритесь, отворитесь! ваша мать пришла, молока принесла, полны копытцы — водицы!» А козлятки отвѣчаютъ: «слышимъ, слышимъ не матушкинъ голосокъ! Наша матушка поетъ тонкимъ голоскомъ и не такъ причитаетъ.» Волкъ ушелъ и спрятался. Вотъ приходитъ коза и стучится: «козлятушки, дѣтатушки! отопритесь, отворитесь! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковую, пила воду студеную. Бѣжить молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытчко, изъ копытчка въ сыру землю!» Козлятки впустили мать и рассказали ей, какъ приходилъ къ нимъ бѣрюкъ и хотѣлъ ихъ поѣсть. Коза покорила ихъ, и уходя въ боръ, строго-вѣстрога наказала: коли придетъ кто къ избушкѣ и станетъ проситься толстымъ голосомъ и не переберѣтъ всего, что она имъ причитываетъ, — того ни за что не впускать въ двери. Только что ушла коза, волкъ приближалъ къ избѣ, поступался и началъ причитывать тоненькимъ голоскомъ: «козлятушки, дѣтатушки! отопритесь, отворитесь! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковую, пила воду студеную. Бѣжить молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытчко, изъ копытчка въ сыру землю!» Козлятки отперли двери, волкъ вбѣжалъ въ избу и всѣхъ поѣлъ, только одинъ козлёночекъ схоронился, въ печь улизъ. Приходитъ коза; сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе къ дверямъ и видитъ, что все отворено; въ избу — а тамъ все пусто; заглянула въ печь и нашла одного дѣтища. Какъ узнала коза о своей бѣдѣ, сѣла она на лавку, зачала горько плакать и припѣвать: «охъ вы, дѣтушки мои, козлятушки! на что отпиралися-отворалися, злому волку доставалися? оиъ васъ всѣхъ поѣлъ, и меня, козу, со великимъ горемъ, со кручиной сдѣлалъ.» Услышалъ это волкъ, входитъ въ избушку и говоритъ козѣ: «ахъ ты, кума, кума! что ты на меня грѣшишь? неужли таки я сдѣлаю это! пойдешь въ лѣсъ погуляемъ.» — Нѣтъ, кумъ, не до гулянья.

«Пойдемъ!» уговариваетъ волкъ. Пошли они въ лѣсъ; нашли яму, а въ этой ямѣ разбойники кашмицу недавно варили, и оставалось въ ней еще довольно таки огня. Коза говоритъ волку: «кумъ! давай попробуемъ, кто перепрыгнетъ черезъ эту яму?» Стали прыгать. Волкъ прыгнулъ да и ввалился въ горячую яму; брюхо у него отъ огня лопнуло, и козлятки выбѣжали оттуда да прыгъ къ матери. И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

(Записана въ саратовской губерніи г. А. Гуськовымъ.)

18.

КОЛОБОКЪ ¹⁾.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Проситъ старикъ: «испекни, старуха, колобокъ.» — Изъ чего печь-то? муки нѣту. «Э, эхъ, старуха! по коробу ²⁾ поскреби, по сусѣку ³⁾ помети; авось муки и наберется.» Взяла старуха крылашко, по коробу поскребла, по сусѣку помела, и набралось муки пригоршни съ двѣ. Зашѣсила на сметанѣ, изжарила въ маслѣ и положила на окошечко простудить. Колобокъ полежалъ-полежалъ, да вдругъ и покатился, съ окна на лавку, съ лавки на полъ, по полу да къ дверямъ, перепрыгнулъ черезъ порогъ въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота, дальше и дальше. Катится колобокъ по дорогѣ, а на встрѣчу ему заяць: «колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ.» — Не ѣшь меня, косой зайчикъ! я тебѣ пѣсеньку спою, сказалъ колобокъ и запѣлъ:

¹⁾ Слобная, прѣсная лепѣшка (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 87).
²⁾ Ящикъ съ замкомъ для поклажи (*ibidem*, стр. 90). ³⁾ Засѣкъ, закрокъ.

Я по коробу скребѣнь,
 По сусѣку метѣнь,
 На сметанѣ мѣшонъ,
 Да въ маслѣ прижонъ,
 На окошкѣ стужонъ;
 Я у дѣдушки ушелъ,
 Я у бабушки ушелъ,
 У тебя, зайца, не хитро уйти!

И покатился себѣ дальше; только заяцъ его и видѣлъ! . . .
 Катится колобокъ, а на встрѣчу ему волкъ: «колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ.» — Не ѣшь меня, сврой волкъ! я тебѣ пѣсеньку спою:

Я по коробу скребѣнь,
 По сусѣку метѣнь,
 На сметанѣ мѣшонъ,
 Да въ маслѣ прижонъ,
 На окошкѣ стужонъ;
 Я у дѣдушки ушелъ,
 Я у бабушки ушелъ,
 Я у зайца ушелъ,
 У тебя, волка, не хитро уйти!

И покатился себѣ дальше; только волкъ его и видѣлъ! . . .
 Катится колобокъ, а на встрѣчу ему медвѣдь: «колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ.» — Гдѣ тебѣ, косоланому, съѣсть меня!

Я по коробу скребѣнь,
 По сусѣку метѣнь,
 На сметанѣ мѣшонъ,
 Да въ маслѣ прижонъ,
 На окошкѣ стужонъ;
 Я у дѣдушки ушелъ,
 Я у бабушки ушелъ,
 Я у зайца ушелъ,
 Я у волка ушелъ,
 У тебя, медвѣдь, не хитро уйти!

И опять укатился; только медвѣдь его и видѣлъ! . . . Катится-катится колобокъ, а на встрѣчу ему лиса: «здравствуй, колобокъ! какой ты хорошенькой.» А колобокъ запылъ:

Я по коробу скребёвъ,
 По суську метёвъ,
 На сметанѣ мѣшонъ,
 Да въ маслѣ пряжонъ,
 На окошкѣ стужонъ;
 Я у дѣдушки ушелъ,
 Я у бабушки ушелъ,
 Я у зайца ушелъ,
 Я у волка ушелъ,
 У медвѣдя ушелъ,
 У тебя, лиса, и недавно уйду!

— Какая славная пѣсенка! сказала лиса, но вѣдь я, колобокъ, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разокъ погромче. Колобокъ вскочилъ лисѣ на мордочку и запѣлъ ту-же пѣсню. «Спасибо, колобокъ! славная пѣсенка, еще бы послушала! сядь-ка на мой язычокъ да пропой въ послѣдній разокъ.» Сказала лиса и высунула свой языкъ; колобокъ съ-дуру прыгъ ей на языкъ, а лиса — амъ его, и скушала.

19.

МЕДВѢДЬ, ЛИСА, СЛѢПЕНЬ И МУЖИКЪ.

Жилъ-былъ мужикъ, у него была пѣганя лошадь. Мужикъ запрѣгъ её въ телегу и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Только пріѣхалъ въ лѣсъ, а на встрѣчу ему идётъ большой медвѣдь. Поздоровался съ мужикомъ и спрашиваетъ: «скажи, мужичокъ, кто твою лошадку пѣжилъ ¹⁾? Ишь какая рябенъкая да славная!» — Эхъ, братъ Мишка! говоритъ мужикъ, я самъ её вынестригъ. «Да развѣ ты умѣешь пѣжить?» — Кто? я-то? Да еще какой мастакъ! Коли хочешь, я пожадуй сдѣлаю тебя

1) Сдѣлалъ пѣгою.

пестрѣ шоей лошади. Медвѣдь обрадовался: «сдѣлай милость, пожалуста! я тебѣ за работу цѣлой улей притащу.» — Ну чтожъ! хорошо. Только надо тебя, стараго чорта, связать веревками; а то тебѣ не улежать, какъ стану пѣжить. Медвѣдь согласился. «Погоди, думаетъ мужикъ; я тебя спеленаю!» Взявъ возжи и веревки, и такъ скрутилъ, опуталъ медвѣдя, что тотъ зачалъ реветъ на весь лѣсъ, а мужикъ ему: «постой, братъ Мишка! не шевелись, пора пѣжить.» — Развяжи, мужичокъ! просится медвѣдь. Я ужъ не хочу быть пѣгимъ; пожалуста, отпусти! «Нѣтъ, старой чортъ! самъ напросился, такъ тому и быть.» Нарубилъ мужикъ дровъ, наклаалъ цѣлой ворохъ и развелъ огонь жарко-жарко, да взявъ топоръ и положилъ его прямо на огонь. Какъ накалился топоръ до-красна, мужикъ вытащилъ его и давай пѣжить медвѣдя; только заверещало²⁴⁾! Медвѣдь заревѣлъ что есть мочи, понатужился, перервалъ всѣ веревки и возжи и ударился бѣжать по лѣсу безъ оглядки — только лѣсъ трещить. Рыскалъ-рыскалъ медвѣдь по лѣсу, изъ силы выбился, хочеть лечь—нельзя: все брюхо и бока выжжены; какъ заревѣтъ, заревѣтъ! «Ну, только попадись мнѣ мужикъ въ лапы, ужъ будетъ меня помнить!»

На другой день мужикова жена пошла въ поле рожь жать и взяла съ собою краюшку хлѣба да кувшинъ молока. Пришла на свою полосу, поставила къ сторонкѣ кувшинъ съ молокомъ и стала жать. А мужикъ думаетъ: «дай провѣдаю жену.» Запрѣгъ лошадь, подѣзжаетъ къ своей полосѣ и видитъ, что воржи бродить лиса. Подобралась плутовка къ кувшину съ молокомъ, кое-какъ всунула въ него свою голову, да назадъ-то ужъ никакъ её и не вытащить; ходитъ по жнивѣ да головою жетаетъ, и говоритъ: «ну, кувшинъ, алошутилъ да и будетъ!...

1) Верещать — трещать, шипѣть, какъ масло или вода на огнѣ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 23).

ну, полно же баловать: отпусти меня!... кувшинушко! голубчикъ! полно тебѣ дурачиться, поигралъ да и довольно!...» А сама всё головою жogaетъ. Вотъ покудова лиса уговаривалась съ кувшиномъ, мужикъ досталъ полѣно, подошелъ да какъ урѣжетъ ее по ногамъ. Лиса бросилась вдругъ въ сторону да головой прямо объ камень, и кувшинъ въ мелкіе черепки разбила. Видить, что за ней гонится мужикъ съ полѣномъ, лиса какъ прибавить рыси! — даромъ что на трѣхъ ногахъ, а не догонишь и съ собаками — и скрылась въ лѣсу.

Воротился мужикъ и сталъ накладывать на телегу снопы. Откуда нѣ взялся слѣпень, сѣлъ ему на шею и больно его укусилъ. Мужикъ хватился за шею и поймалъ слѣпня. «Ну, говорить, что съ тобой шнѣ дѣлать? да хорошо, постой, будешь и ты меня помнить.» Взялъ мужикъ соломинку и воткнулъ ее слѣпню въ задъ. «Лети теперь, какъ знаешь!» Бѣдный слѣпень полетѣлъ и соломинку за собой потащилъ. «Ну, думаетъ себѣ, попался я въ руки! Еще отъ роду эдакой ноши я не таскивалъ, какъ теперь!» Вотъ летѣлъ онъ, летѣлъ, прилетѣлъ въ лѣсъ и совсѣмъ ужъ изъ силъ выбился. Захотѣлъ сѣсть на дерево — отдохнуть, думалъ повыше подняться, а соломинка тянетъ его къ низу. Бился-бился, насилу кое-какъ присѣлъ, зашыхался и такъ тяжело началъ дышать, что даже дерево зашаталось. А подъ стѣмъ деревомъ лежалъ тотъ самый медвѣдь, котораго мужикъ пестрилъ. Медвѣдь испугался: отъ чего такъ шибко зашаталось дерево? Глянулъ вверхъ, а на деревѣ сидитъ слѣпень. Онъ и закричалъ ему: «эй, братъ! родня! слѣзай пожалуста долой, а то, пожалуй, вѣдь ты и дерево повалишь.» Слѣпень послушался и слетѣлъ внизъ. Медвѣдь посмотрѣлъ на него и спрашиваетъ: «кто, братъ, тебѣ такую соломинку въ задъ забилъ?» А слѣпень посмотрѣлъ на медвѣда и самъ спрашиваетъ: «а тебя, братъ, кто науродовалъ? вишь у тебя гдѣ шерсть, а въ другомъ мѣстѣ

и кости выдать.» — Ну, братъ слѣпень! это меня мужикъ обработалъ. «Ну, братъ медвѣдь! и мнѣ отъ мужика досталось.» Смотрятъ они: лиса на трёхъ ногахъ скачетъ. «Кто тебѣ ногу-то сломалъ?» спрашиваетъ медвѣдь. — Ахъ, куманѣкъ! и сама хорошенько не видала, а не кому кромѣ мужика; онъ за мной съ полѣвомъ гнался. «Братцы, пойдемте все трое губить мужика!» Тотчасъ все трое собрались и пошли на поле, гдѣ мужикъ убиралъ снопы. Вотъ стали они подходить; мужикъ увидалъ, испугался и не знаетъ, что ему дѣлать.....

20.

СКАЗКА ПРА АННАВО АННАБОКАВА БАРАНА.

У анनावо барина была многа животсины ¹⁾. Тольки што юнъ принилъ ²⁾ пять барашковъ, изъ шкуркъ ихнихъ выдѣлалъ звчники и сталъ сибѣ шубу шить. Призвалъ партнова: «ну, баятъ, шшей мнѣ шубу.» Тотъ намѣрилъ, намѣрилъ; видзить, што не хватантъ јимѹ полъавчинки на шубу. «Мало, баятъ, звчницъ — не хватантъ на клань.» — Этому дѣлу можна пасабить, баятъ баринъ, и выглѣлъ лакею свашѹ у анनावо барана садрать шкурку съ анनावо боку. Лакей такъ и сладлалъ, какъ баринъ баялъ. Тольки шко јетотъ баранъ разсерчалъ на барина, надазвалъ къ сибѣ казлѣ: «пайдземъ, баятъ, отъ эдакава лихадаѣя; въ лѣсу пакѣ можна житъ, травка естъ, вадзѹцу найдземъ, сѹтси бѹдземъ». Вотъ јанѹ и пашлѣ Пришли въ лѣсъ, сладзили шалашѹ, и ну по ноцамъ начевать. Живутъ сибѣ да паживаютъ, да травку паядають.

1) Скота. 2) Принять — бить в свѣжевать скотину (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 178).

Тольки што у таво барыня житъ не палюбились ни јинѣ аннымъ. Ушло съ таво со двара карова да свинья, питухъ да гусакъ. Вотъ јаны, пакà была тешпаб, жили сябѣ на воли, а какъ пришла змужка-змиа, и јаны стали прятатцы ать жароза. Вотъ хадзили, хадзили по лесу, да и нашли шалашу-та барана и стали јаны праситца къ јини: «пустен, бають, намъ вѣдъ халадно.» А јаны и знатъ не хатятъ, никаво не пускають. Вотъ карова надходитъ: «пустейтсе, бантъ, а ни то всю вашу шалашу на бокъ сварачу!» Баранъ видатъ плоха дѣла пуст-смя јив. Надходитъ свинья: «пустейтсе, бантъ, а пѣтъ — такъ я всю землю изрою, да такъ падроюсь къ вамъ; матрѣтсе, вамъ же будзетъ халаднѣя.» Дѣлать нечиво, и јету пустелин. Гладъ — и гусакъ тоже бантъ: «пустейтсе, а ни то я дыру праклюю, матрѣтсе, вамъ же будзетъ халаднѣя.» — «Пустейтсе, бантъ и пѣтуй 1), а ни то всю крышу вашу абс...!» Што дѣлать, пустелин и јѣтыхъ, да и стали всѣ јаны житъ вмѣстяхъ.

Долга-ль, каротка-ль јаны жили, а знажды шли нѣма јихъ разбойники, и услыхали крикъ да гамъ, падашлѣ, паслухали; ни знаютъ, што такое естъ, и пасылають аннавò свабо таварища: «ступай, бають, а ни то — веревку на шею да и въ воду!» Дѣлать нечиво, тотъ и пашолъ. Какъ тольки взашолъ, какъ началъ јивò са всѣхъ старонъ. Вотъ јонъ дѣлать нечиво, на-задъ... «Ну, братчи! бантъ, што хотейтсе — дѣлайтсе, а я ужь не за шта не пайду. Эдакаво страха сродзясъ не видывалъ! тольки штоваа шолъ, гдѣ ни възьмисъ баба да миня ухватамъ-та, да миня ухватамъ-та; а тутъ ницо барыня, да такъ и серчантъ; а тутъ гладъ — чиботарь 2) да миня шьламъ-та, да миня шьламъ-та въ задъ; а тутъ ницо партиной да ножни-цани; а тутъ ницо салдатъ со шпорами, да такъ на миня снѣ-

1) Пѣтухъ. 2) Сапожникъ.

нулся, што волосы у нивѣ лыбомъ стали: вотъ я те! баятъ. А тамъ ищѣ знатъ јихной набольшой: ужѣ-ка я-та јиво! Братчи, баятъ, сръбилъ.» — Ну, баяютъ разбойники, дѣлается нечиво, уйдзаетсе, а то пожалуй и насъ-та всѣхъ иривяжутъ! — Ушли.

А јины живутъ пакѣ, да живутъ сибѣ складно. Вдругъ приходзятъ къ јихной шалаши звѣрьѣ ¹⁾, да по духу и узнали, што тамъ ётся(ь). «Нутка, баяютъ волку, падзи-ка ты напирѣлъ!» Тольки што тотъ взошолъ, какъ теѣ начали јивѣ кататъ; на-сѣлу ноги аттуда вынесъ. Ни знають што и дѣлается. А тута былъ съ ними ёжъ; во јонъ: «постойте-ка, баятъ; вотъ ужѣ-ка я папытаюсъ, авось лучше будзетъ!» Вишь јонъ зналъ, што у барана-та аннаво бока нѣту. Вотъ јонъ и подкатился да и кал(ь)ни барана; какъ тотъ черезъ всѣхъ да какъ прыгнетъ, да и дрѣла. За нимъ и всѣ, да такъ и разбѣжались. А наместо нѣхъ звѣрьѣ тута и астались.

(Записана въ тверской губерніи И. И. Лажечниковымъ.)

21.

ЗИМОВЬЕ ЗВѢРЕЙ.

Шелъ быкъ лѣсомъ; попадаетея ему на встрѣчу баранъ. «Куды, баранъ, идешь?» спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищѣ, говоритъ баранъ. «Пойдемъ со мною!» Вотъ пошли вмѣстѣ; попадаетея имъ на встрѣчу свинья. «Куды, свинья, идешь?» спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищѣ, отвѣчаетъ свинья. «Иди съ нами!» Пошли втроемъ дальше; на встрѣчу имъ попадаетея гусь. «Куды, гусь, идешь?» спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта

1) Волки (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 60).

ищу, отвѣчаетъ гусь. «Ну, иди за нами!» Вотъ гусь и пошелъ за ними. Идутъ, а на встрѣчу имъ пѣтухъ. «Куды, пѣтухъ, идешь?» спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ пѣтухъ. «Иди за нами!» Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежъ себя: «какъ-же, братцы-товарищи! время приходитъ холодное; гдѣ тепла искать?» Быкъ и сказываетъ: «ну, давайте избу строить; а то и впрямь зимою позамерзнемъ.» Баранъ говоритъ: «у меня шуба тепла—вишь какая шерсть! я и такъ прозимую.» Свинья говоритъ: «а по мнѣ хоть какіе морозы — я не боюсь: зароюся въ землю и безъ избы прозимую.» Гусь говоритъ: «а я сяду въ середину ели, одно крыло постелю, а другимъ одѣнуся,—меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую.» Пѣтухъ говоритъ: «и я тоже!» Быкъ видитъ — дѣло плохо, надо одному хлопотать. «Ну, говоритъ, вы какъ хотите; а я стану избу строить.» Выстроилъ себѣ избушку и живетъ въ ней. Вотъ пришла зима холодная, стали пробарать морозы; баранъ — дѣлать нечего — приходитъ къ быку: «пусти, братъ, погрѣться.» — Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба тепла; ты и такъ перезимуешь. Не пушу! «А коли непустишь, то я разбѣгуся и вышибу изъ твоей избы бревно ¹⁾; тебѣ же будетъ холодно.» Быкъ думалъ-думалъ: «дай пушу, а то, пожалуй, я меня заморозитъ» — и пустилъ барана. Вотъ и свинья прозябла, пришла къ быку: «пусти, братъ, погрѣться.»—Нѣтъ, не пушу; ты въ землю зароюся, и такъ прозимуешь! «А непустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою да твою избу уроню.» Дѣлать нечего, надо пустить; пустилъ и свинью. Тутъ пришелъ къ быку гусь и пѣтухъ: «пусти, братъ, къ себѣ погрѣться.» — Нѣтъ; не пушу. У васъ по два крыла; одно постелишь, другимъ одѣнешься; я такъ прозимуете! «А непустишь, говоритъ гусь, такъ я весь мохъ

1) *Вариантъ*: «и сшибу дверь съ крыльцомъ».

изъ твоихъ стѣнъ повыщилю; тебѣ же холоднѣе будетъ.» — «Не пустишь? говоритъ пѣтухъ, такъ я взлечу на верхъ 1), всю землю съ потолка сгребу; тебѣ же холоднѣе будетъ.» Что дѣлать быку? пустилъ жить къ себѣ и гуся. и пѣтуха.

Вотъ живутъ они себѣ да поживаютъ въ избушкѣ 2). Отогрѣлся въ теплѣ пѣтухъ и зачалъ пѣсеньки распѣвать. Услышала лиса, что пѣтухъ пѣсеньки распѣваетъ, закотѣлось пѣтушкомъ полакомиться, да какъ достать его? Лиса подумалась на хитрости, отправилась къ медвѣдю да волку и сказала: «ну, любезные куманьки! я нашла для всѣхъ поживу: для тебя, медвѣдь, быка; для тебя, волкъ, барана; а для себя пѣтуха.» — Хорошо, кумушка! говорятъ медвѣдь и волкъ, мы твоихъ услугъ никогда не забудемъ! пойдешь же, приколимъ да поведемъ! Лиса привела ихъ къ избушкѣ. «Кумъ, говоритъ она медвѣдю, отвори дверь, я напередъ пойду, пѣтуха съѣмъ.» Медвѣдь отворилъ дверь, а лисица вскочила въ избушку. Быкъ увидалъ ее и тотчасъ прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ зачалъ осаживать по бокамъ; изъ лисы и духъ вонь. «Что она тамъ долго съ пѣтухомъ не можетъ управиться? говоритъ волкъ. Отнирай, братъ Михайло Ивановичъ! я пойду.» — Ну, ступай.

1) На чердакъ.

2) Сказка эта оланчивается и такъ: Спознали про то волкъ и медвѣдь. «Пойдемъ, говорятъ, въ избушку, всѣхъ поведемъ, а сами станемъ тамъ жить.» Собрались и пришли къ избушкѣ. Медвѣдь говоритъ волку: «види ты впередъ!» А волкъ говоритъ: «ниѣ не управится, види ты впередъ!» — Ну, смотри же, не выдавай меня, сказалъ медвѣдь и пошелъ въ избушку. Только вошелъ, быкъ и припѣръ его рогами къ стѣнѣ, а баранъ разбѣжался да какъ бацнетъ (ударить) медвѣдя въ бокъ и шиби его съ ногъ, а спинья рветъ и нечетъ въ клочки, а гусь подлетѣлъ — глаза щиплетъ, а пѣтухъ сидитъ на брусу и кричитъ: «подайте сюда, подайте сюда!» Волкъ услышалъ крикъ, да бѣжать. Вотъ медвѣдь рвался, рвался, насплу вырвался, прибѣжалъ и рассказываетъ волку: «ну, что мнѣ было, до смерти чуть не вабналъ, да еще одинъ на брусу сидѣлъ да все кричалъ: подайте сюда, подайте сюда! ну, еслибъ подали къ нему, кажись бы и смерти было!»

Медвѣдъ отворилъ дверь, а волкъ вскочилъ въ избушку. Быкъ и его прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ ну осаживать по бокамъ, и такъ его приняли, что волкъ и дышать пересталъ. Вотъ медвѣдъ ждалъ-ждалъ: «что онъ до сихъ поръ не можетъ управиться съ бараномъ! дай я пойду.» Вошелъ въ избушку; а быкъ да баранъ и его также приняли. Насилу вонъ вырвался, и пустился бѣжать безъ оглядки.

22.

МѢДВѢДЬ И ПѢТУХЪ.

Былъ у старика сынъ дуракъ. Просить дуракъ, чтобы отецъ его женилъ: «а если не женишь — всю печку разломаю!» — Какъ я тебя жению? у насъ денегъ нѣту. «Денегъ нѣту, да есть волъ; продай его на бойню.» Волъ услышалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ опять пристаётъ къ отцу: «жени меня, не то всю печку разломаю!» Отецъ говоритъ: «радъ бы женить, да денегъ нѣту.» — Денегъ нѣту, да есть баранъ; продай его на бойню. Баранъ услышалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ отъ отца не отходить: жени меня, да и только. «Я же тебѣ говорю, что денегъ нѣтъ!» — Денегъ нѣту, да есть пѣтухъ; заколи его, испеки широгъ и продай. Пѣтухъ услышалъ, въ лѣсъ улеталъ. Волъ, баранъ и пѣтухъ сошлись все вѣсты и выстроили себѣ въ лѣсу избушку. Медвѣдъ узналъ про то, захотѣлъ ихъ съестъ и пришелъ къ избушкѣ. Пѣтухъ увидалъ его и запрыгалъ по настѣти; машетъ крыльями и кричить: «куда-куда-куда! да подайте мнѣ его сюда: я ногами стопчу, топорошъ срублю! и ножнишко здѣсь, и гушишко здѣсь, и заръ-жемъ здѣсь, и повѣсимъ здѣсь!» Медвѣдъ испугался и пустился назадъ, бѣжалъ-бѣжалъ, отъ страха упалъ и умеръ. Дуракъ

пошелъ въ лѣсъ, нашелъ медвѣдя, снялъ съ него шкуру и продалъ; на эти деньги и женил дурака. Волъ, баранъ и пѣтухъ изъ лѣсу домой пришли.

23.

КОТЪ И ЛИСА ¹⁾.

Жилъ былъ мужикъ, у него былъ котъ, только такой шкодливой ²⁾, что бѣда! Надоѣлъ онъ мужику. Вотъ мужикъ думалъ-думалъ, взялъ кота, посадилъ въ мѣшокъ, завязалъ и понесъ въ лѣсъ. Принесъ и бросилъ его въ лѣсу: пускай пропадаетъ! Котъ ходилъ-ходилъ, и набрелъ на избушку, въ которой лѣсникъ жилъ; залѣзъ на чердакъ и полеживаетъ себя, а захочетъ ѣсть — пойдетъ по лѣсу птичекъ да мышей ловить, набѣдетъ досыта и опять на чердакъ, и горя ему мало! Вотъ однажды пошелъ котъ гулять, а на встрѣчу ему лиса, увидала кота и дивится: «сколько лѣтъ живу въ лѣсу, а такого звѣря не видывала.» Поклонилась коту и спрашиваетъ: «скажись, доброй молодець, кто ты таковъ? какимъ случаемъ сюда зашелъ и какъ тебя по имени величать?» А котъ вскинулъ шерсть свою и говоритъ: «я изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ къ вамъ бурмистромъ, а зовутъ меня Котомъ Ивановичъ.» — Ахъ, Котомъ Ивановичъ! говоритъ лиса, не знала про тебя, не вѣдала; ну, пойдемъ-же ко мнѣ въ гости. Котъ пошелъ къ лисицѣ; она привела его въ свою нору и стала подчивать разной дичинкою, а сама выспрашиваетъ: «что, Котомъ Ивановичъ, женатъ ты али холостъ?» — Холостъ, говоритъ котъ. «И я лисица—дѣвица, возьми меня замужъ.» Котъ согласилъ-

1) См. выпускъ III, № 18, и ниже въ этомъ IV-мъ выпускѣ № 26.

2) Шкода — убытокъ, вредъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 266).

си, и начался у них пирь да веселье. На другой день отпра-
вилась лиса добывать припасовъ, чтобъ было чѣмъ съ моло-
дымъ мужемъ жить; а котъ остался дома. Бѣжить лиса, а на
встрѣчу ей попадется волкъ и началъ съ нею заигрывать:
«гдѣ ты, кума, пропадала? мы всё норы обыскали, а тебя не
выдали.» — Пусти, дуракъ! что заигрываешь? я прежде была
лисица-дѣвица, а теперь замужняя жена. «За кого же ты вы-
шла, Лизавета Ивановна?» — Развѣ ты не слыхалъ, что къ
намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ бурмистръ Котофей
Ивановичъ? Я теперь бурмистрова жена! «Нѣтъ не слыхалъ,
Лизавета Ивановна. Какъ-бы на него посмотрѣть?» — У!
Котофей Ивановичъ у меня такой сердитой: коли кто не по
немъ, сейчасъ съѣсть! ты смотри, приготовь барана да при-
неси ему на поклонъ; барана то положи, а самъ схоронись,
чтобъ онъ тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придѣтся! Волкъ
побѣжалъ за бараномъ. Идетъ лиса, а на встрѣчу ей медвѣдь
и сталъ съ нею заигрывать. «Что ты дуракъ, косоланый
Мишаа, трогаешь меня? я прежде была лисица-дѣвица, а те-
перь замужняя жена.» — За кого же ты, Лизавета Ивановна,
вышла? «А которой присланъ къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ
бурмистромъ, зовутъ Котофей Ивановичъ, — за него и вы-
шла.» — Нельзя ли посмотрѣть его, Лизавета Ивановна? «У!
Котофей Ивановичъ у меня такой сердитой: коли кто не по
немъ, сейчасъ съѣсть! ты ступай, приготовь быка да принеси
ему на поклонъ; волкъ барана хочетъ принести. Да смотри,
быка-то положи, а самъ схоронись, чтобъ Котофей Ивановичъ
тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придѣтся!» Медвѣдь пота-
щился за быкомъ.

Принёсъ волкъ барана, ободралъ шкуру, и стоитъ въ раз-
думья; смотреть — и медвѣдь лѣзетъ съ быкомъ. «Здравствуй,
братъ Михайло Ивановичъ!» — Здравствуй, братъ Левонъ! что
не видалъ лисицы съ мужемъ? «Нѣтъ, братъ, давно дожи-

даю.» — Ступай, зови. «Нѣтъ, не пойду, Михайло Ивановичъ! самъ иди, ты посмѣлѣй меня.» — Нѣтъ, братъ Левонъ! и я не пойду. Вдругъ откуда нѣ взялся — бѣжить заяцъ. Медвѣдь какъ крикнетъ на него: «поиди-ка сюда, косою чортъ!» Заяцъ испугался, прибѣжалъ. «Ну что, косою пострѣлъ! знаешь, гдѣ живетъ лисица?» — Знаю, Михайло Ивановичъ! «Ступай же скорѣе да скажи ей, что Михайло Ивановичъ съ братомъ Левономъ Ивановичемъ давно ужъ готовы, ждутъ тебя-де съ мужемъ, хотять поклониться бараномъ да быкомъ.» Заяцъ пустился къ лисѣ во всю свою прыть. А медвѣдь и волкъ стали думать, гдѣ бы спрятаться. Медвѣдь говоритъ: «я ползу на сосну.» — А мнѣ что-же дѣлать? я куда дѣнусь? спрашиваетъ волкъ. Вить я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Ивановичъ! схо-рони пожалуста куда-нибудь, помоги горю. Медвѣдь положилъ его въ кусты и завалилъ сухимъ листьемъ, а самъ залѣзъ на сосну, на самую таки макушку, и поглядываетъ: не идетъ ли Котофей съ лисою? Заяцъ межъ тѣмъ прибѣжалъ къ лисицыной норѣ, постучался и говорить лисѣ: «Михайло Ивановичъ съ братомъ Левономъ Ивановичемъ прислали сказать, что они давно готовы, ждутъ тебя съ мужемъ, хотять поклониться вамъ быкомъ да бараномъ.» — Ступай, косою! сейчасъ будемъ ¹⁾.

1) *Вариантъ 4:* Жилъ старикъ и старуха. У старика, у старухи не было ни смна, ни дочерн, былъ только одинъ сѣрой котъ. Онъ ихъ помл-корнилъ, носилъ имъ кунюк и бѣлокъ, рябчнковъ, тетеревои и всякихъ звѣркомъ. Сдѣлался старъ сѣрой котъ. Старуха и говорить старикю: «изъ чего мы, старикъ, котъ держимъ? только даромъ на печи мѣсто занялъ!» — Да куда его дѣвать-то? «Посади въ котину и отнеси въ островъ (отъемный гѣсъ, удобный по своему положенію для охотниковъ); пускай тамъ свою жизнь рѣшитъ.» Старикъ отнесъ. Котъ остался въ острову, день голодалъ, другой и третій, и сталъ плакать. Идетъ лиса, и спросила кота: «о чемъ ты плачешь, Котай Ивановичъ?» — Ахъ, лиса! какъ мнѣ не плакать? жилъ я у старика и старухи, помл-корнилъ ихъ; сталъ старъ, они и прогнали меня. А лиса говорить: «давай, Котай Ивановичъ, женися!» — Куда мнѣ жениться! только бы свою голову пропитать; а у тебя чай дѣтки есть, кормить-помтъ надо.

Вот идет котъ съ лисою. Медвѣдь увидалъ ихъ и говорить волку: «ну, братъ Левонъ Ивановичъ, идетъ лиса съ мужемъ; какой же онъ маленькой!» Пришелъ котъ и сейчасъ-же бросилъ ея на быка, шерсть на немъ взъерошилась, и началъ онъ рвать

«Ничего, какъ-нибудь прокормимся.» Вотъ и вышла лиса за Котай Ивановича. Однажды медвѣдь и зайць шли мимо лисичиной норы. Увидала ихъ лиса и закричала: «ахъ ты, толстопапый медвѣдь, и ты, косой зайць! какъ была я вдовой, бывало на одинъ изъ васъ не проходилъ мимо моей норы, а какъ вышла замужъ, то блаженный день шлетесь; ишь какія дороги проторили! Смотрите, какъ-бы васъ Котай Ивановичъ по шеѣ не проводилъ!» Вотъ идучи дорогой, медвѣдь и сказалъ зайцу: «что, братъ, у нея за мужъ такой—Котай Ивановичъ? ужъ больше мена!» А зайць: «ужъ притче меня? пойдешь-ка завтра, посмотримъ на него.» Пришли на другой день къ лисичиной норѣ и видятъ: котъ гложеть цѣлый стягъ быка, а самъ мурычетъ: «мало, мало!» Ну, братъ, сказалъ медвѣдь зайцу, бѣда наша; Котай все говоритъ: мало, мало! Спрячемся, ты ляжешь подъ хворостъ, а я залѣзу на дерево. Только усѣлись они по своимъ мѣстамъ, какъ выбѣжала изъ-подъ хвороста мышь. Котъ увидалъ ее и въ ту-жъ минуту бросился за ней къ хворосту. Заяць испугался, кинулся бѣжать; а медвѣдь услышалъ тревогу, хотѣлъ повернуться да со страстей упалъ съ дерева, и убился до смерти. Лиса съ котомъ и донынѣ паживаютъ, да медвѣдя поѣдаютъ

(Записана въ вологодской губерніи.)

Вариантъ 2: Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жаль въ дремучихъ лѣсахъ могучій котъ. Медвѣдь, волкъ, олень, лиса и зайць собрали совѣтъ держать, какъ-бы могучаго, сильнаго кота къ себѣ на пиръ позвать. Наготовили всякаго добра, и стали думать: кому идти за котомъ. «Ну, ступай ты, медвѣдь!» Медвѣдь началъ отговариваться: «я мохнатъ и ко-соланъ, куда мнѣ пуская волкъ поидеть.» А волкъ говоритъ: «я неповоротливъ, онъ меня не послушаетъ; лучше пусть олень идетъ!» Олень тоже отка-зывается: «я цуглавъ—боязливъ, не служю отвѣтъ держать; котъ, пожалуй, за то меня смерти предастъ. Иди ты, шустрая (бойкая)! говорить лисѣ; ты и собой хороша и оборотлива. — У меня хвостъ длиненъ, не смогу скоро бѣжать; пуская идетъ зайць! отвѣчаетъ лиса. Тутъ всѣ стали складывать на зайца: «ступай, косой! не бойся. Ты поворотливъ и на ногу скоръ; коли онъ на тебя вскинется, ты сейчасъ отъ него уйдешь.» Заяць — дѣлать нечего — побѣжалъ къ коту; приближалъ, поклонился пониже ногъ котовыхъ и сталъ звать его на пиръ, на бесѣду. Исправилъ все по названу, и пустился назадъ

мясо и зубами. и лапани, а самъ мурчитъ, будто сердится: «мало, мало!» А медвѣдь говоритъ: «невеликъ да прожорливъ! намъ четвернымъ не съѣсть, а ему одному мало; пожалуй, и до насъ доберется!» Захотѣлось волку посмотрѣть на Котофея Ивановича да сквозь листья не видать! и началъ онъ прокашываться надъ глазами листья, а котъ услышалъ, что листъ шевелится, подумалъ, что это—мышь, да какъ кинется и прямо волку

бѣжать, сколько силъ хватаетъ. Явился къ своимъ товарищамъ и говоритъ: «ну, набрался страху! самъ-то котъ бурой, шерсть на немъ стоитъ дыбомъ, а хвостъ такъ по землѣ и волочится!» Тутъ звѣри стали прятаться, кто куда: медвѣдь взобрался на дерево, волкъ залѣзъ въ кусты, лиса зарылась въ землю; а олень съ зайцемъ совсѣмъ ушли... (Окончаніе — тоже.)

Вариантъ 3: Лиса вышла замужъ за Котонайла Ивановича. Разъ побѣжала она привасти мужу обѣдъ; бѣгала-бѣгала и поймала утку. Несетъ домой, а на встрѣчу ей лѣсной кабанъ. «Стой, лиса! говоритъ; отдай утку.» — «Цѣть, не дамъ. «Ну, я самъ отниму.» — А я скажу Котонайлу Ивановичу; онъ тебя смерти предастъ! — Что такой за звѣрь? думаетъ кабанъ, и пошелъ своею дорогою. Лиса побѣжала; вдругъ повстрѣчался ей медвѣдь: «куда, лиса, бѣжишь, кому утку несешь? отдай ее мнѣ.» — «Ступай-ка по добру; а то скажу Котонайлу Ивановичу; онъ тебя смерти предастъ! Медвѣдь побоялся и пошелъ своею дорогою. Лиса дальше бѣжить; попадаетъ ей волкъ. «Отдавай, говоритъ, утку!» — Какъ-же не такъ! я вотъ скажу Котонайлу Ивановичу, онъ тебя самого съѣстъ! Волкъ оробѣлъ и пошелъ себѣ дорогою; а лиса побѣжала домой. Вотъ кабанъ, медвѣдь и волкъ сошлись выѣсть и стали думать да гадать, что за звѣрь такой Котонайло Ивановичъ? напередъ того его не видывали, и въ лѣсахъ его не бывало! Положили сдѣлать большой пиръ и позвать къ себѣ Котонайла Ивановича въ гости. Изготовились. «Ну, говоритъ, кому-жъ идти за Котонайломъ?» и присудили идти волку. Волкъ собрался и побѣжалъ къ лѣсичиной норѣ. Прибѣжалъ. А котъ выглядываетъ изъ норы, усы повисли, а глаза такъ и сибтятся. Затрясся волкъ со страху, отдалъ коту низкой поклонъ, поздравилъ его съ молодою женою и сталъ просить въ гости. Котъ сидитъ да мурчитъ У, какой сердито! думаетъ волкъ и не знаетъ, какъ уйти... Вернулся и сказалъ кабану и медвѣдю: «ну, да и страшной же Котонайло Ивановичъ! глаза такъ и горятъ! только посмотрѣлъ на меня — и то дрожь проняла...» Вотъ оробѣли они и стали прятаться: медвѣдь взлѣзъ на дерево, кабанъ затесался въ болото, а волкъ закопался въ стогъ сѣна....

въ корду вѣсплелся когтиши. Волкъ вскочилъ да давай Богъ ноги! и былъ таковъ. А котъ самъ испугался и бросился прямо на дерево, гдѣ медвѣдь сидѣлъ. «Ну, думаетъ медвѣдь, увидалъ меня!» Слѣзаетъ-то некогда, вотъ онъ положился на божью волю да какъ шмякнется съ дерева объ земь, все печенки отбилъ: вскочилъ да бѣжать! А лисица вслѣдъ кричить: «вотъ онъ вамъ задастъ! погодите!» Съ той поры все звѣри стали кота бояться; а котъ съ лисой записелся на цѣлую зиму мясомъ, и стали себѣ жить да поживать, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

24.

МЕДВѢДЬ, СОБАКА И КОШКА.

Жилъ себѣ мужикъ, у него была добрая собака, да какъ устарѣла—перестала и лаять и оберегать дворъ съ анбарами. Не захотѣлъ мужикъ кормить ее хлѣбомъ, прогналъ со двора. Собака ушла въ лѣсъ и легла подъ дерево издыхать. Вдругъ идетъ медвѣдь ¹⁾ и спрашиваетъ: «что ты, кобель, улегся здѣсь?»—Пришелъ околѣвать съ голоду! Видишь нынче какая у людей правда: покуда есть сила — кормятъ и поятъ, а какъ пропадетъ сила отъ старости—ну и погонять со двора! «А что, кобель! хочется тебѣ ѣсть?»—Еще какъ хочется-то! «Ну, пойдемъ со мною; я тебя накормлю.» Вотъ и пошли. Попадается имъ на встрѣчу жеребецъ. «Гляди на меня!» сказалъ медвѣдь собацѣ

1) *Вариантъ:* Идетъ строй волкъ. «А, попался! говорить онъ кобелю. Зачѣмъ ты не подпустилъ меня близко къ деревнѣ?» — Прости, Григорій Ивановичъ! Впередъ не стану, буду тебѣ первый другъ! Тутъ волкъ и подружился съ собакою. (Вся сказка имѣетъ тоже содержаніе, только мѣсто медвѣдя заступаетъ волкъ.)

и сталъ лапаша рвать землю. «Кобель, а побель!»—Ну, что? «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?»—Красны, медвѣдь! Медвѣдь еще сердитѣе началъ рвать землю. «Кобель, а кобель! что шерсть взъерошилась?» — Взъерошилась, медвѣдь! «Кобель, а кобель! что хвостъ поднялся?» — Поднялся! Вотъ медвѣдь схватилъ жеребца за брюхо; жеребецъ упалъ на землю. Медвѣдь разорвалъ его и говоритъ: «ну, кобель! ѣшь, сколько угодно. А какъ приберешь все, приходи ко мнѣ.» Живетъ себѣ кобель, ни о чемъ не тужить; а какъ съѣлъ все да проголодался опять, побѣжалъ къ медвѣдю. «Ну что, братъ, съѣлъ?» — Съѣлъ; теперича опять пришлось голодать. «Зачѣмъ голодать! Знаешь ли, гдѣ ваши бабы жнутъ?» — Знаю. «Ну, пойдѣмъ; я подкрадусь къ твоей хозяйкѣ и ухватчу изъ зыбки ¹⁾ ея ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Какъ отнимешь, и отнеси назадъ; она за то станетъ тебя по старому кормить хлѣбомъ.» Вотъ ладно, приближалъ медвѣдь, подкрался и унёсъ ребенка изъ зыбки. Ребенокъ закричалъ, бабы бросились за медвѣдемъ, догоняли-догоняли и не могли нагнать, такъ и воротились; мать плачетъ, бабы тужать. Откуда нѣ взялся кобель, догналъ медвѣдя, отнял ребенка и несетъ его назадъ. «Смотрите, говорятъ бабы, старой-то кобель отнял ребенка!» Побѣжали на встрѣчу. Мать ужъ такъ рада-рада; «теперича, говоритъ, я этого кобеля ни-за-что не покину!» Привела его домой, налила молочка, покрошила хлѣбца и дала ему: «ва, покушай!» А мужику говоритъ: «нѣтъ, муженѣкъ, нашего кобеля надо беречь да кормить; онъ моего ребенка у медвѣдя отнял. А ты сказывалъ, что у него силы нѣтъ!» Поправился кобель, отѣлся: «дай Богъ, говоритъ, здоровья медвѣдю! не давай помереть съ голоду» — и сталъ медвѣдю первой другъ.

---

1) Люльки, колыбели.

Разъ у мужика была вечерника. На ту пору медвѣдъ пришелъ къ собацѣ въ гости. «Здорово, кобель! ну, какъ поживаешь-хлѣбъ поѣдаешь?» — Слава Богу! отвѣчаетъ собака; не житье, а масляница. Чѣмъ же тебя подчивать? пойдѣмъ въ избу. Хозяева загуляли и не увидать, какъ ты пройдешь; а ты войди въ избу да поскорѣй подь печку. Вотъ я что добуду, тѣмъ и стану тебя подчивать. — Ладно, забрался въ избу. Кобель видить, что гости и хозяева порядкомъ перепились, и ну угощать пріятеля. Медвѣдъ выпилъ стаканъ, другой, и поразобрало его. Гости затянули пѣсни, и медвѣдю захотѣлось, сталъ свою заводять; а кобель уговариваетъ: «не пой, а то бѣда будетъ!» Куды! медвѣдъ не утѣшаетъ, а все громче заводять свою пѣсню. Гости услышали вой, схватили колья и давай бить медвѣдя; онъ вырвался да бѣжать, еле-еле живъ ушлѣся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей, и ну провазить: куда ни ползаетъ, а что-нибудь разобьетъ или наъ кушнва прольетъ. Мужикъ прогналъ кошку изъ дому, а собака видить, что она бѣдствуетъ безъ ѣды, и начала потихоньку носить къ ней хлѣба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала присматривать; какъ узнала про это, принялась кобеля бить. била-била, а сама приговаривала: «не таскай кошке говядины, не носи кошке хлѣба!» Вотъ дня черезъ три, вышелъ кобель со двора и видить, что кошка совсѣмъ съ голоду надыхаетъ. «Что съ тобой?» — Съ голоду умираю; потуда и сыта была, покуда ты меня кормилъ. «Пойдешь со мною.» Вотъ и пошла. Приходить кобель къ табуну, и началъ копать землю лапами, а самъ спрашиваетъ: «кошка, а кошка! что глаза красны?» — Ничего не красны. «Говори, что красны!» Кошка и говоритъ: «красны.» — «Кошка, а кошка! что шерсть оцетинилась?» — Нѣтъ, не оцетинилась. «Говори, дура, что оцетинилась.» — Ну, оцетинилась. «Кошка, а кошка! что хвостъ поднялся?» — Ничего не поднялся. «Говори, дура, что поднялся!» — Ну, поднялся. Ко-

бель какъ бросается на кобылу, а кобыла какъ ударить его задомъ: у кобеля в духъ вошь! А кошка и говоритъ: «вотъ теперича и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась, и хвостъ завился. Прощай, братъ кобель! и я пойду помирать.»

25.

СОБАКА И ДЯТЕЛЬ.

а. Жили мужикъ да баба и не знали, что есть за работа; а была у нихъ собака, она ихъ и кормила и поила. Но пришло время, стала собака стара; куда ужъ тутъ кормить мужика съ бабой! чуть сама съ голоду не пропадаетъ. «Послушай, старикъ! говоритъ баба; возьми ты эту собаку, отведи за деревню и прогони: пусть влетъ, куда хочетъ. Теперича она намъ нѣ надобна! Было время, кормила насъ, ну и держала ее.» Взялъ старикъ собаку, вывелъ за деревню и погналъ прочь. Вотъ собака ходитъ себѣ по чистому полю, а домой идти боится: старикъ со старухой стануть бить-колотить. Ходила-ходила, съела на земь и завыва вѣскимиъ голосомъ. Летѣлъ мимо дятель и спрашиваетъ: «о чемъ ты воешь?»—Какъ не выть мнѣ, дятель! Была я молода, кормила-поила старика со старухой; стала стара, они меня и прогнали. Не знаю, гдѣ вѣкъ дожидать. «Пойдемъ ко мнѣ, караулъ моихъ дѣтушекъ, а я кормить тебя стану.» Собака согласилась и побѣжала за дятломъ. Дятель прилетѣлъ въ лѣсъ къ старому дубу, а въ дубѣ было душло, а въ душлѣ дятлово гнѣздо. «Сядишь около дуба, говоритъ дятель, ни кого не пушай, а я полечу разыскивать корму.» Собака усѣлась возле дуба, а дятель полетѣлъ. Летѣлъ-летѣлъ и увидалъ: идутъ по дорогѣ бабы съ горшечницами, несутъ мужьями въ поле обѣдать; пустился назадъ къ дубу, при-

летѣлъ и говорить: «ну, собака, ступай за мною; по дорогѣ бабы идутъ съ горшечками, несуть мужьямъ въ поле обѣдать. Ты становись за кустомъ, а я окунусь въ воду да вываляюсь въ песокъ и стану передъ бабами по дорогѣ низко порхать, будто залетѣть, повыше не могу. Онѣ начнутъ меня ловить, горшечки свои постаноятъ на землю, а сами за мною. Ну, ты поскорѣе къ горшечкамъ-то бросайся да наѣдайся до сыта.» Собака побѣжала за дятломъ и, какъ сказано, стала за кустомъ; а дятель вывалялся весь въ песокъ и началъ передъ бабами по дорогѣ перепархивать. «Смотрите-ка, говорятъ бабы, дятель-то совѣтъ мокрой, давайте его ловить!» Покинули на землю свои горшки, да за дятломъ, а онъ отъ нихъ дальше да дальше, отвелъ ихъ въ сторону, поднялся вверхъ и улетѣлъ. А собака межъ тѣмъ выбѣжала изъ-за куста и все, что было въ горшечкахъ, прѣла и ушла. Воротялись бабы, глянули, а горшки катаются порожніе; дѣлать нечего, забрали горшки и пошли домой.

Дятель нагналъ собаку, и спросилъ: «ну, что сыта?» — Сыта, отвѣчаетъ собака. «Пойдешь же домой.» Вотъ дятель летитъ, а собака бѣжитъ, попадается имъ на дорогѣ лиса. «Лови лису!» говоритъ дятель. Собака бросилась за лисою, а лиса припустила изъ-за свѣтъ. Случись на ту пору ѣхать мужику съ бочкою дегтю. Вотъ лиса кинулась черезъ дорогу, прямо къ телегѣ, и проскочила сквозь спицы колеса; собака было за нею да завязла въ колесѣ; тутъ изъ нея и духъ вонъ. «Ну, мужикъ! говоритъ дятель, когда ты задавилъ мою собаку, то и я причиню тебѣ великое горе!» Сѣлъ на телегу и началъ долбить дыру въ бочкѣ, стучить себѣ въ самое дно. Только отгонить его мужикъ отъ бочки, дятель бросится къ лошади, сядетъ промежду ушей и долбить ее въ голову. Сгонитъ мужикъ съ лошади, а онъ опять къ бочкѣ; такъ продолжалъ въ бочкѣ дыру и весь деготь выпустилъ. А самъ гово-

рять: «еще не то тебе будет!» и стал долбить у лошади голову. Мужик ваял большое полвно, засыл за телегу, выждав время и как хватит изо всей мочи; только въ дятла не попалъ, а со всего маху ударилъ лошадь по головѣ и ушибъ ее до смерти. Дятель полетѣлъ къ мужиковой избѣ, прилетѣлъ и прямо въ окошко. Хозяйка тогда печь топела, а малый ребенокъ сидѣлъ на лавкѣ; дятель сѣлъ ему на голову и ну долбить. Баба прогоняла-прогоняла его, не можетъ прогнать: злой дятель все клеуетъ; вотъ она схватила палку да какъ ударить: въ дятла-то не попала, а ребенка зашибла....

б. Мужикъ прогналъ со двора старую собаку: она придунала идти въ чистое поле и кормиться полевыми мышами. Попала въ поле; увидѣлъ ее дятель и ваялъ къ себѣ въ товарищи. «Я голодна», говоритъ собака.—Пойдемъ въ деревню, отвѣчаетъ дятель; тамъ свадьбу справляютъ, будетъ чѣмъ поживиться. Птица влетѣла въ избу, гдѣ свадьбу справляли, и зачала бѣгать по столамъ, а гости стали кидать въ нее, кто чѣмъ попало, всё перебили и подъ столъ перебросали; а собака въ такой суматохѣ незамѣтно пробралась въ эту-же избу, затесалась подъ столъ, наѣлась, сколько душѣ угодно, и ушла. «Ну, что сыта?» спрашиваетъ дятель. — Сыта-то сыта, да пить хочю! говоритъ собака. «Ступай въ другую избу, тамъ старикъ вино цѣдитъ изъ бочки.» Дятель влетѣлъ въ окошко, сѣлъ на бочку и ну долбить въ самое дно. Старикъ хотѣлъ ударить дятла, кинулъ въ него воронкой, да не попалъ; воронка куда-то закатилась: старикъ и туда и сюда, не можетъ найти, а изъ бочки вино себѣ льется на землю. Собака пробралась въ избу, напилась и назадъ. Сошлась съ дятломъ и говоритъ ему: «я теперь и сыта и пьяна, хочю вдоволь насмѣяться!»—Ладно, отвѣчаетъ дятель. Вотъ увидали они, что работники хлѣбъ колотятъ. Дятель тотчасъ сѣлъ къ одному работнику на плечо и сталъ клевать его въ затылокъ; а другой паронъ схватилъ

палку, хотѣлъ ударить итину, да и свалилъ съ ногъ работника. А собака отъ смѣху такъ и катается по землѣ! После того дятель съ собакою пустился въ чистое поле и повстрѣчали лисичку. Дятель началъ манить лисичку: чуть-чуть подыметса вверхъ и опять опустится внизъ; лиса ну гоняться за нимъ по полю, а собака подиралась сзади къ лисичкѣ, подползла на брюхѣ, хватъ ее и начала грызть. На ту пору ѣхалъ въ городъ мужикъ съ возомъ, горшки продавать, увидѣлъ, что собака лису давить, прибѣжалъ къ нимъ съ полѣномъ, ударилъ со всего размаху, убилъ и ту и другую. Озлился дятель на старика; сѣлъ его лошади на голову и сталъ выклеивать ей глаза. Мужикъ бѣжить съ полѣномъ, хочеть убить дятла; прибѣжалъ, какъ хватить—лошадь тутъ-же и повалилась мертвая. А дятель увернулся, перелетѣлъ на возъ и пошелъ бѣгать по горшкамъ, а самъ такъ и бьетъ крыльями. Мужикъ за нимъ, и ну полѣномъ по возу-то, по возу-то. Перебилъ всѣ горшки и пошелъ домой ни съ чѣмъ, а дятель улетѣлъ съ лѣсъ.

26.

БАРАНЪ, КОЗЕЛЬ, ВОЛКИ И МЕДВѢДЬ 1).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужичокъ, у него были козель да баранъ 2). Полѣнился

1) Смотри вып. III, № 18. 2) *Вариантъ 1:* Козель говоритъ: «пойдемъ, баранъ, странствовать.»—Куда? спрашиваетъ баранъ. «Извѣстно—куда! въ лѣсъ.»—Зачѣмъ? «Извѣстно—зачѣмъ! волковъ да медвѣдей пугать.»—Какъ-бы на свою шею не напугать? «Ничего! пойдемъ.» Вотъ и пошли въ лѣсъ.

Вариантъ 2: Жилъ мужикъ, у него былъ козель да такой бѣдовой: погонять пастухъ стадо, козель бѣжить впереди да прямо въ хлѣбъ. Пастухъ за нимъ, а онъ въ сторону; бился-бился съ нимъ, и свилъ себѣ кнутъ аршинъ въ тридцать. Только козель въ хлѣбъ, а пастухъ его кнутомъ по лашмажъ. Собрался козель бѣжать.

мужикъ накосить сѣна; пришла зима, нечего ѣсть козлу и барану, стали они на весь дворъ ревѣть, а мужикъ схватилъ кнутъ и ну колотить ихъ. Вотъ козелъ и сказалъ барану: «давай, братъ, уйдемъ въ лѣсъ; найдемъ стогъ сѣна и станемъ жить.» — Пойдемъ, братъ Козьма Микитичъ! хуже не будетъ. Козелъ стащилъ у хозяина ружье, а баранъ кулъ, и пошли вавосемъ; идутъ путемъ-дорогою и нашли старую волчью голову. «Братъ баранъ! сказалъ тутъ козелъ, возьми эту голову и положи въ кулъ.» — На чорта она нашъ? и такъ тяжело нати! «Возьми! придемъ на мѣсто, сваримъ себѣ студень.» Баранъ поднялъ волчью голову, положилъ въ кулъ и повѣсь. Шли они, шли, и наконецъ пришли въ лѣсъ. «И совѣсьмъ иззябъ», сказалъ баранъ. А козелъ увидалъ, что въ сторонѣ огонь свѣтится, и говоритъ: «вонъ гдѣ-то огонь горитъ; пойдемъ туда!» Пошла на огонь, и прамехонько таки наткнулся на волковъ: сидятъ крутомъ огня да грѣются. Баранъ напугался, еле душа въ тѣлѣ держится. А козелъ говоритъ ему: «не робѣй, баранъ!» а самъ подошелъ къ волкамъ: «здорово, ребята!» Здравствуй, Козьма Микитичъ! Вотъ, думаютъ волки, славная будетъ пожива: козелъ да баранъ сами пришли, сами въ ротъ просятся. Только козелъ себѣ на умѣ. «Ну-ка, братъ баранъ! давай, говоритъ, сюда волчью голову; сваримъ да съѣлаемъ студень. Да смотри, выбирай, чтобъ былъ старой волкъ!» Баранъ вынулъ изъ куля волчью голову и несетъ козлу. «Не та! говоритъ козелъ, тамъ въ кулю есть другая голова, съ самаго стараго волка, — ту и притащи.» Баранъ сталъ копаться въ своемъ кулѣ, копался-копался и несетъ опять ту-же голову. «Ахъ, ты дуранъ! закричалъ козелъ и ногами затопалъ; не та!... посмотри, на самомъ исподѣ лежитъ.» Баранъ опять копался-копался и несётъ ту-же самую голову. «Ну, вотъ теперь такъ! сказалъ козелъ. Эту самую голову мнѣ и надобно.» А волки поглядываютъ, да раздумываютъ: «кинь сколько нисколько»

тилъ нашей брати! однихъ головъ цѣлой муль.» — Нѣтъ ли у васъ, братцы! спрашиваетъ козелъ, въ чемъ намъ ужанъ из-готовить? Тутъ волки повскакивали и побѣжали кто за дровами, кто за водою, кто за посудю, а у самихъ на умѣ какъ-бы уйти по добру, по здорову. Бѣгутъ, а на встрѣчу имъ медвѣдь. «Куда вы, сѣрые волки?» — Ахъ, Михайло Ивановичъ! ты не знаешь нашего горя: пришли къ намъ козелъ да баранъ, принесли съ собою цѣлый кулъ волчьихъ головъ, хотятъ студень варить; мы убоились, чтобъ они и до насъ-то не добрались и убѣжали. «Ахъ вы, дурачье! сказалъ медвѣдь. Козелъ да баранъ сами къ вамъ пришли, только бери да кушай; а вы убоились! Пойдемте-ка со мною.» — Пойдемъ.

Козелъ и баранъ увидали, что волки назадъ идутъ, засуетились, забѣгали. Козелъ взобрался на дерево, изловчился и усѣлся, а баранъ лѣзъ-лѣзъ, никакъ не можетъ высоко подняться, ухватился кое-какъ за сукъ передними ногами и повисъ на немъ. Вотъ пришелъ и медвѣдь съ волками, смотритъ: куда бы дѣвались козелъ да баранъ? нигдѣ не видать. «Ну, братцы! сказалъ медвѣдь волкамъ, собирайте жолудей, стану ворожить: куда запропастился козелъ съ бараномъ?» Волки набрали жолудей; а медвѣдь сѣлъ подъ дерево, сталъ выкидывать жолудями и ворожить, какъ бабы на бобахъ гадаютъ. Баранъ говоритъ козелу: «ахъ, козелъ! унаду; ночи нѣтъ — ногамъ больно!» — Держись! отвѣчаетъ козелъ, а то ни за грошъ пропадѣшь; они зайдутъ насъ! Баранъ крѣпился-крѣпился, да какъ пошатнется на-земь. Козелъ видитъ бѣду неминуемую, выстрѣлилъ въ ту-жъ минуту изъ ружья и закричалъ во всю глотку: «схватай ворожею-то! держи его!» ¹⁾ Медвѣдь испугался,

1) *Вариантъ*: Напуганные козломъ волки не долго бѣжали, а пораздумали-поразсудили и поворотили назадъ. Приходитъ, а козла и барана нѣтъ. Козелъ залѣзъ на дерево, а баранъ повисъ на сукѣ. Слышать волки по духу, что они близко, а гдѣ—не найдутъ, и послали за медвѣдемъ-по-

накъ бросится бѣжать безъ оглядки, а волки за ними. Такъ все и разбѣжались. Тогда козель слѣзъ съ дерева, и не захотѣлъ оставаться въ лѣсу. Воротился онъ вмѣстѣ съ бараномъ домой, и стали себѣ жить-поживать да лица избывать. 2)

стоимѣтомъ. Пришелъ медвѣдь, сталъ метать на косталь и отгадывать, гдѣ спрятались козель да баранъ. Пока медвѣдь ворожилъ, баранъ не удержался, какъ брякнется на землю, и кричать: «вотъ они! вотъ они!» А козель за ними вслѣдъ упалъ и реветъ: «держи, пожалуйста, костомѣта!»...

2) *Баранты*: Жили старикъ да старуха, у нихъ былъ баранъ да козель, только такіе блудливые: совсѣмъ отъ стада отбились, бѣгаютъ себѣ по сторонамъ—ищи гдѣ хочешь. «Знаешь что, старуха! говоритъ старикъ, давай заколемъ козла и барана, а то они съ жиромъ бѣсятся! Пожалуй туда забѣгутъ, что и не найдешь; все равно пропадутъ даромъ.» — Ну, чтожь? заколемъ. А баранъ съ козломъ стояли подъ окошккомъ, подслушали эти рѣчи, и убѣжали въ густой-густой лѣсъ. Прибѣжали и говорятъ: «надо развести теперь огонь, а то холодно будетъ; вишь, какая роса холодная!» Стали они таскать хворосту; набрали цѣлую кучу. Надо огню добыть. Недалеко мужики жгли уголья. Вотъ козель съ бараномъ утащили у нихъ голо-вешку, развели огонь и сѣли грѣться. Вдругъ прибѣжали три медвѣди и усѣлись около костра. Что дѣлать! Козель сталъ спрашивать: «что, баранъ, ѣсть хочешь?» — Хочу. «А что ружье у тебя заряжено?» — Заряжено. «А топоръ востѣръ?» — Востѣръ. «Ну поди, добывай ни ужинъ.» — Нѣтъ, брать козель, я сейчасъ только пришелъ; не пойду. «Наушто-жь намъ голодными спать? Ступай, убей вотъ этого медвѣдя; мы ихъ не звали, они сами къ намъ пришли! зажаримъ да поужинаемъ.» Медвѣдь оробѣлъ и говоритъ: «ахъ, братцы козель и баранъ! гдѣ станете меня жарить? вамъ у васъ какой малой огонь! пустите меня, я наломаю вамъ дровъ, разведу побольше костеръ, тогда убейте меня и жарьте.» — Хорошо, ступай за дровами. Медвѣдь вскочилъ и давай Богъ ноги. «Кто себѣ врагъ! думаетъ онъ про себя. Ни за что не ворочусь назадъ.» Другой медвѣдь видитъ, что посланный за дровами не ворочается, и взяло его раздумье: пожалуй, они за меня теперь прижмутся. «Пойду, говоритъ, помогу тому медвѣдю; вѣрно онъ такъ много наломалъ, что и притящить не въ силу.» — Ну ступай, помоги. Вотъ и другой медвѣдь убѣжалъ; остался еще одинъ. Козель обождалъ немножко, и говоритъ: «ну, братъ медвѣдь! приходится тебя бить. Самъ видишь, очередные-то ушли!» — Ахъ, братцы! на чемъ-же станете меня жарить; огню-то какое нѣтъ. Лучше пойду я да погоню очередныхъ назадъ. «Да и ты, пожалуй, не коротышиса?» — Ну право, ворочусь, да и тѣхъ съ собой приведу! «Ступай да поскорѣй приходи; не умирай же намъ съ голоду. Коли

КУРИЦА И ПЪТУХЪ.

Ходятъ курица съ пѣтухомъ на поповомъ гумнѣ. Подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ. Курочка сжагѣлась, пошла къ рѣчкѣ просить воды. Рѣчка говоритъ: «поди къ липкѣ, проси лѣста, тогда и дамъ воды!» — Липка, липка! дай лѣсту: лѣсть нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ: ни слышѣть ¹⁾, ни слышѣть, ровно мертвый лежитъ! Липка сказала: «поди къ дѣвкѣ, проси нитки; въ тѣ-порѣ дамъ лѣста!» — Дѣвка, дѣвка! дай нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѣсту, лѣсть нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ: ни слышѣть, ни слышѣть, ровно мертвый лежитъ! — Дѣвка говоритъ: «поди къ коровѣ, проси молока; въ тѣ-порѣ дамъ нитки.» Пришла курочка къ коровѣ: «корова, корова! дай молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѣсту, лѣсть нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣр-

---

самъ за вами пойду — всѣмъ худо будетъ!» И послѣднѣй медвѣдь со всѣмъ ногъ пустился бѣжать, и убѣжалъ далеко-далеко. «Славно, братъ, надуми! говорить козель. Только вышь, здѣсь надо каждому шороху болѣться. Пойдемъ-ка домой; за одно пропадать! а можетъ старикъ-то и скажется.» Вотъ и воротились домой. Старикъ обрадовался; «накорми-ка их!» говоритъ старухѣ. Козель и баранъ зачали ласкаться; старухѣ жалко ихъ стало. Она и говоритъ старикъ: «неужто намъ ѣсть нечего! не станемъ колоть козла и барана, пусть еще поживутъ!» — Ну, ладно! сказалъ мужикъ. Стали они жить себѣ, поживать, да добра наживать; а козель съ бараномъ баловство свое совсѣмъ оставили, сдѣлались смиренны да послушныи.

1) Пышѣть — дышать (Опытъ обл. волжгор. словаря, стр. 185).

няткомъ: ни слышѣтъ ни слышѣтъ, ровно мертвый лежитъ!» Корова говоритъ: «поди, курочка, къ сѣнокосамъ ¹⁾, попроси у нихъ сѣна; въ тѣ-порѣ дамъ молока.» Пришла курочка къ сѣнокосамъ: «сѣнокосы, сѣнокосы! дайте сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѣсту, лѣсть нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ: ни слышѣтъ, ни слышѣтъ, ровно мертвый лежитъ!» Сѣнокосы говорятъ: «поди, курочка къ кузнецамъ, чтобы сковали косу.» Пришла курочка къ кузнецамъ: «кузнецы, кузнецы! скуйте мнѣ косу, косу нести къ сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѣсту, лѣсть нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ: ни слышѣтъ, ни слышѣтъ, ровно мертвый лежитъ!» Кузнецы сказали: «иди, курочка, къ Ляанамъ ²⁾, проси у нихъ уголья; въ тѣ-порѣ скуютъ тебѣ косу.» Пришла курочка къ Ляанамъ: «Ляана, Ляана! дайте уголья, уголье нести къ кузнецамъ, кузнецы скуютъ косу, косу нести къ сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѣсту, лѣсть нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѣрняткомъ: ни слышѣтъ, ни слышѣтъ, ровно мертвый лежитъ!»

Дали Ляана уголья; свесла курочка уголье къ кузнецамъ, кузнецы сковали косу; свесла косу къ сѣнокосамъ, сѣнокосы

---

1) Т. е. косцамъ. 2) Ляана — жители деревни Лян, которая стоитъ при рѣчкѣ того же имени (Лян), впадающей въ Сѣверную Двину. Они занимаются приготовленіемъ угля для портовыхъ кузницъ.

накосила сѣна; снесла сѣно къ коровѣ, корова дала молока; снесла молоко къ дѣвкѣ, дѣвка дала нитки; снесла нитки къ лншкѣ, лншка дала лнсту; снесла лнсть къ рѣчкѣ, рѣчка дала воды; снесла воду къ пѣтушку: онъ лежитъ, ни спышнѣть, ни сдышнѣть, подавился на поповомъ гумнѣ бобовымъ зѣрняткомъ!

(Записана въ архангельскомъ уѣздѣ г. А. Харитоновымъ.)

КУРОЧКА.

а. Жилъ-былъ старикъ со старушкою, у нихъ была курочка-татарушка, снесла яичко въ кутѣ подѣ окошкомъ: пестро, остро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостикомъ трахнула, полочка упала, яичко разбилось. Старикъ плачетъ, старуха возрыдаетъ, въ печи пылаетъ, верхъ на избѣ шатается, дѣвочка-внучка съ горя удавилась ¹⁾ Идетъ просвири-ня, спрашиваетъ: что они такъ плачутъ? Старики начали пересказывать: «какъ намъ не плакать? есть у насъ курочка-татарушка, снесла яичко въ кутѣ подѣ окошкомъ: пестро, остро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостикомъ трахнула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старикъ, плачу, старуха возрыдаетъ, въ печи пылаетъ, верхъ на избѣ шатается, дѣвочка-внучка съ горя удавилась.» Просвири-ня какъ услышала — всѣ просвиры изломала и побросала. Подходитъ дьячокъ и спрашиваетъ у просвири-ни: зачѣмъ она просвиры

1) *Вариантъ:* Жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ была курочка-ряба; снесла подѣ полочкѣ яичко. Дѣдъ; билъ — не разбилъ, баба била — не разбила, а мышка прибѣгла да хвостикомъ раздавила. Дѣдъ плачетъ, баба плачетъ, курочка кокудачетъ, ворота скрипятъ, съ двора щепки летятъ! . . . (Записано въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

побросала? Она пересказала ему всё горе; дьячокъ побѣжалъ на колокольню и перебилъ всё колокола. Идетъ пошъ, спрашиваетъ у дьячка: зачѣмъ колокола перебилъ? Дьячокъ пересказалъ всё горе пошу, а пошъ побѣжалъ, всё книги изорвалъ.

в. Какъ у нашей бабушки, въ задворенкѣ,
 Была курочка-рябучечка;
 Посадила курочка яичушко,
 Съ полки на полку,
 Въ осиновое дубѣлко 1),
 Въ куть подъ лавку.
 Мышка бѣжала,
 Хвостомъ вернула —
 Яичко приломала!
 Объ этомъ яичкѣ строй 2) сталъ плакать,
 Баба рыдать, веревъ хохотать,
 Курицы летать, ворота скрипеть;
 Соръ подъ порогомъ закурлся,
 Двери побутусились 3), тынь разсыпался;
 Попови дочери шли съ водою,
 Ушатъ приломали, —
 Поповдѣ сказали:
 -Ничего ты не знаешь, матушка!
 Вѣдь у бабушки, въ задворенкѣ,
 Была курочка-рябучечка;
 Посадила курочка яичушко,
 Съ полки на полку,
 Въ осиновое дубѣлко.
 Въ куть подъ лавку.
 Мышка бѣжала,
 Хвостомъ вернула—
 Яичко приломала!
 Объ этомъ яичкѣ строй сталъ плакать,
 Баба рыдать, веревъ хохотать,
 Курицы летать, ворота скрипеть;
 Соръ подъ порогомъ закурлся,
 Двери побутусились. тынь разсыпался;

1) Кадочка, выдолбленная изъ дѣльнаго дерева, (изъ пня. 2) Нищій, на лѣна (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 247). 3) Покривились.

Мы шли съ водою — ушаты приломали! —
 Попадья квашню мѣсила —
 Все тѣсто по полу разметала;
 Пошла . . . . . попу сказала:
 «Ничего ты незнаешь . . . . .
 Въдь у бабушки, въ задворенкѣ,
 Была курочка-рябушечка . . . . .
 (Снова повторяется тотъ-же рассказъ).
 . . . . . тмъ разыскался;
 Наши дочери шли съ водою —
 Ушаты приломали, мнѣ сказали:
 Я тѣсто мѣсила —
 Все тѣсто разметала! —
 Попъ сталъ книгу рвать —
 Всю по полу разметалъ!

(Последняя записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ.

Летала сова-веселая голова; вотъ она летала, летала и съ-ла, да хвостикомъ повертѣла да по сторонамъ посмотрѣла, и опять полетѣла; летала, летала и съла, хвостикомъ повертѣла да по сторонамъ посмотрѣла. . . . . Это присказка, сказка вся впе-реди.

Жили-были на болотѣ журавль да цапля, построили себѣ по концамъ избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумалъ онъ жениться. «Дай пойду, посватаюсь на цаплѣ!» Пошелъ журавль — тяпъ, тяпъ! семь верстѣ болото мѣсилъ; приходитъ и говорить: «дома ли цапля?» — Дома. «Въдь за меня замужъ. — Нѣтъ, журавль, не йду за ты замужъ: у тебя ноги долги, платье коротко, самъ худо летаешь и кормить то меня тебѣ нечѣмъ! Ступай прочь, долговазой! — Журавль, какъ не соломо поклябалъ, ушелъ домой. Цапля пос-

лѣ раздумалась и сказала: «чѣмъ жить одной, лучше пойду замужъ за журавля» 1). Приходить къ журавлю и говорить: «журавль, возьми меня замужъ!»—Нѣтъ, цапля, мнѣ тебя не надо! не хочу жениться, не беру тебя замужъ. Убирайся!—Цапля заплакала со стыда и воротилась назадъ. Журавль раздумался и сказалъ: «напрасно не взялъ за себя цаплю; вѣтъ одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замужъ.» Приходить и говорить: «цапля! я вадумалъ на тебѣ жениться; пооди за меня.»—Нѣтъ, журавль, не йду за ти замужъ! Пошелъ журавль домой. Тутъ цапля раздумалась: зачѣмъ отказала? что одной-то жить? лучше за журавля пойду! Приходить свататься, а журавль не хочетъ. Вотъ такъ-то и ходять они по сю пору одинъ на другомъ свататься, да никакъ не женятся.

(Записана въ вологодской губерніи, вимольскомъ уездѣ.)

ОРЕЛЪ И ВОРОНА.

Жила-была на Руси ворона, съ няньками, съ мамками, съ маленькими дѣтками, съ блежними сосѣдками. Прилетѣли гуси-лебеди, нанесли яичекъ; а ворона стала ихъ забижать, стала у нихъ яички таскать. Случилось летѣть мимо сычу; видитъ онъ, что ворона большихъ птицъ забижаетъ, и полетѣлъ къ своему орлу. Прилетѣлъ и проситъ: «батюшка сизой орелъ! дай намъ праведной судъ на шельму ворону.» Сизой орелъ по-

1) *Варианты:* Повзвдился журавль къ цаплѣ въ гости ходить. Пришелъ разъ, долбитъ носомъ въ ворота; а цапля спрашиваетъ: «кто тутъ у воротъ?» Журавль отвѣчаетъ: «я, цапанька, пришелъ тебя сватать.» — О долгоногой жульбеда (уменьшительное отъ «журавль») не пойду я за тебя. Пошла журавль домой; а цапля стосковалась и думаетъ: что я не пошла за такого молодца! думала-думала, пошла его искать . . . .

слалъ за вороной легкаго посла воробья. Воробей тотчасъ полетѣлъ, захватилъ ворону; она была упираться, воробей давай ее пинками, и привелъ таки къ низкому орлу. Орелъ сталъ судить. «Ахъ ты, шельма ворона, шалавая ¹⁾ голова, непотребной носъ, г. . . . . хвостъ! про тебя говорятъ, что ты на чужое добро ротъ разтвасешь, у большихъ птицъ яички таскаешь.»—Напраслиня, батюшка сизой орелъ, напраслиня! «Про тебя же сказываютъ: выйдетъ мужичокъ сѣять, а ты выскочишь со всѣмъ своимъ содомомъ, и ну разгребать.»—Напраслиня, батюшка сизой орелъ, напраслиня! «Да еще сказываютъ: стануть бабы жать, нажнутъ и покладутъ снопы на полѣ, а ты выскочишь со всѣмъ содомомъ и опять-таки ну разгребать да ворошить.»—Напраслиня, батюшка сизой орелъ, напраслиня! — Осудили ворону въ острогъ посадить.

31.

ТЕРЕМЪ МУХИ ²⁾.

а. Построила муха теремъ; пришла вошь-поползуха: «кто, кто въ терему? кто, кто въ высокомъ?» — Муха-горюха; а ты кто? «Я вошь-поползуха.» Пришла блоха-попрудуха ³⁾: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ?»— Я муха-горюха да вошь-поползуха. Пришелъ комаръ долгоногой: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ?»— Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрудуха. Пришла мышечка-тютюрюшечка: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ?» — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрудуха, я комаръ долгоногой. Пришла ящерица ⁴⁾ ше-

1) Глухая (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 262). 2) См. выпускъ III, № 16. 3) Отъ слова «прядать» — прыгать, скакать. 4) Ящерица.

рошёрочка: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокѣмъ?»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрудуха, я комаръ долгоногой, я мышечка — тютюрюшечка. Пришла лиса Патрикѣвна: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто кто въ высокѣмъ?»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрудуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошёрочка. Пришелъ зайшко изъ-подъ кустышка: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокѣмъ? — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрудуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошёрочка, я лиса Патрикѣвна. Пришелъ волчище-сѣрое хвостыще: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокѣмъ?»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрудуха, я комаръ долгоногой, я мышечка тютюрюшечка, я ящерка шерошёрочка, я лиса Патрикѣвна, я зайшко изъ-подъ кустышка. Пришелъ медвѣдь толстоногой: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокѣмъ?»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрудуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошёрочка, я лиса Патрикѣвна, я зайшко изъ-подъ кустышка, я волчище-сѣрое хвостыще. Всѣ изъ терема: «а ты кто?» — Я тѣпшыш-лѣпшышъ, всѣмъ подгнѣтышъ!—сказалъ медвѣдь, спустился ланой по терему и разбилъ его.

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

в. Бѣгалъ мужикъ съ горшками, потерялъ большой кувшинъ. Залетѣла въ кувшинъ муха и стала въ немъ жить поживать. День живетъ, другой живетъ. Прилетѣлъ комаръ и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха; а ты кто? «А я комаръ-пискунъ.»—Иди ко мнѣ жить. Вотъ и стали вдвоемъ жить. Прибѣжала къ нимъ мышь и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха да комаръ-пискунъ; а ты кто? «Я изъ-за угла хмыстень.»—Иди къ намъ

жить. И стало ихъ трое. Прискакала лягушка и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комарь-пискунь, да изъ-за угла хмыстень; а ты кто? «Я на водѣ балагта 1).» — Иди къ намъ жить. Вотъ и стало ихъ четверо. Пришелъ заяцъ и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комарь-пискунь, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта; а ты кто? «Я на полѣ свертень 2).» — Иди къ намъ. Стало ихъ теперь пятеро. Пришла еще лисица и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комарь-пискунь, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень; а ты кто? «Я на полѣ краса.» — Ступай къ намъ. Прибрела собака и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комарь-пискунь, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень да на полѣ краса; а ты кто? «А я гамъ-гамъ!» — Иди къ намъ жить. Собака влѣзла. Прибѣжала еще волкъ и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комарь-пискунь, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень, на полѣ краса да гамъ-гамъ! А ты кто? «Я изъ-за кустовъ хапъ 3).» — Иди къ намъ жить. Вотъ живутъ себѣ все вмѣстѣ. Спозналъ про эти хоромы медвѣзь, приходитъ и стучится — чуть хоромы живы: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комарь-пискунь, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень, на полѣ краса, гамъ-гамъ, да изъ-за кустовъ хапъ; а ты кто? «А я лѣсной гнѣтъ!» Съелъ на кувшинъ и всѣхъ раздавилъ.

---

1) «Хмыстень» можетъ быть отъ глагола хмыстить — красть, похищать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 247), а «балагта» отъ балагать — болтать.
 2) Въ другомъ спискѣ (см. вып. III) заяцъ названъ: на горѣ *увертымъ*, вѣроятно — въ смыслѣ «увертываго». 3) *Вариантъ*: «я волкъ, что дѣлалъ ласъ къ долгъ.»

СКАЗКА ОБЪ ЕРШЪ ЕРШОВИЧЪ, СЫНЪ ЩЕТИННИКОВЪ ¹⁾.

а. Ершишко-кропачишко ²⁾, ершишко-пагубнишко, склался на дровнишки ³⁾ со своимъ маленькимъ ребятишкамъ ⁴⁾; пошелъ онъ въ Камъ-рѣку, изъ Камъ-рѣки въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Ростовское озеро, и въ этомъ озерѣ выпросился остаться одну ночку, отъ одной ночки двѣ ночки, отъ двухъ ночекъ двѣ недѣли, отъ двухъ недѣль два мѣсяца, отъ двухъ мѣсяцевъ два года, а отъ двухъ годовъ жить тридцать лѣтъ. Сталъ онъ по всему озеру показывать, мелкую и крупную рыбу подь добало(?) подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во единъ кругъ, и стали выбирать себѣ судью праведную(аго), рыбу-сомъ съ большимъ усомъ: «будь ты, говорятъ, нашимъ судьей.» Сомъ послалъ за ершомъ-добрымъ человѣкомъ и говорить: «ершь, добрый человѣкъ! почему ты нашимъ озеромъ завладѣлъ?» — Потому, говорить, я вашимъ озеромъ завладѣлъ, что ваше озеро Ростовское горѣло съ низу и доверху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно съ низу и доверху и запустило. «Не во вѣкъ, говорить рыба-сомъ, наше озеро не гарывало! есть ли у тебя въ томъ свидѣтели, московскія крѣпости, письменныя грамоты?» — Есть у меня въ тотъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: сороба-рыба ⁵⁾ на пожарѣ была, глаза запалила и поныче у нея красны. И по-

---

¹⁾ См. выпускъ III, № 15. ²⁾ Кропотливой, безпокойной. ³⁾ Сани. ⁴⁾ Теоретический надежъ множественнаго числа. ⁵⁾ Плетница (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 244).

сылаеть сомъ-рыба за сорóгой-рыбой. Стрѣлецъ, боець, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей ¹⁾, туды же понятыхъ, зовуть сорóгу-рыбу: «сорóга-рыба! зоветь теба рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» ²⁾ Сорóга-рыба, не дошедчи рыбы-сомъ, кланялась. И говорить ей сомъ: «здравствуй, сорóга-рыба, вдова честная! гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — Не во вѣкъ-то, говорить сорóга-рыба, не гарывало наше озеро! — Говорить сомъ-рыба: «слышишь, ершь, добрый человекъ! сорóга-рыба въ глаза обвинила.» А сорóга тутъ же примолвила: «кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершь не унываетъ, на Бога уповаеть; «есть же у меня, говорить, въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: окунь-рыба на пожарѣ была, головешки носилъ, и понынче у него крылья красны.» Стрѣлецъ, боець, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же повятыхъ, — это государскіе посыльщики — приходятъ и говорятъ: «окунь-рыба! зоветь теба рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» И приходитъ окунь-рыба. Говорить ему сомъ-рыба: «скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — Не во вѣкъ-то, говорить, наше озеро не гарывало! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ! — Ершь не унываетъ, на Бога уповаеть; говорить сомъ-рыбѣ: «есть же у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: щука-рыба, вдова честная, притомъ не жотыга, скажетъ истинную правду. Она на пожарѣ была, головешки носила, и понынче черна.» Стрѣлецъ, боець, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ, — это государскіе посыльщики—приходятъ и гово-

1) Моль — мелкая рыба разнаго рода, сытитъ насекомыхъ (иѣдетъ, стр. 115). 2) Въ рукоп. прибавлено: «предъ ершино величество».

рять: «щука рыба! зоветь рыба-сомъ съ большими усомъ предъ свое величество.» Щука-рыба, не допечен рыбы-сомъ, кланялась: «здравствуй, ваше величество!»—Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притомъ же ты и не мотыга! говорить сомъ; гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня? Щука-рыба отвѣчаетъ: «не во вѣкъ-то не гарывало наше озеро Ростовское! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершь не унываетъ, а на Бога уповаешь; «естъ же, говоритъ, у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: налими-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и понынче онъ чорень.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачь, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понатылъ—это государскіе посыльщики—приходятъ къ налими-рыбѣ и говорятъ: «налими-рыба! зоветь тебя рыба-сомъ съ большими усомъ предъ свое величество.»—Ахъ, братцы! нате вамъ гривну на труды и на волокиту; у меня губы толстыя, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, предъ судьями не ставалъ, говорить не умѣю, кланяться право не могу. Эти государскіе посыльщики пошли домой; тутъ поймали ерша и посадили его въ петлю... Пошелъ дождь и сбѣжалась слякоть. Ершь изъ петли-то да и выскочилъ; пошелъ онъ въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Трость-рѣку, изъ Трость-рѣки въ Камь-рѣку. Въ Камь-рѣкѣ идуть щука да осетръ. «Куда васъ чортъ понесъ?» говорить имъ ершь. Услыхали рыбаки ершовъ голосъ тонкой, и начали ерша ловить. Иловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришелъ Бродья — бросилъ ерша въ лодку, пришелъ Петрушка — бросилъ ерша въ плетунку. «Наварю, говоритъ, ухи да и скушаю.» Тутъ и смерть ершова!

в. Жилъ былъ ершишка въ барскомъ домишкѣ — брюханшишка ¹⁾, ибедничшика! Проскудалось ²⁾ ершу, приближалось

¹⁾ Обвѣдало; брюханить — много ѣсть (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 16). ²⁾ Скудаться—скупиться, представляется бѣдничъ (ibidem, стр. 206).

ему; поѣхалъ ершишка въ Ростовское озеро на худенькихъ саннѣхъ объ трехъ копн(ы)лишкахъ ¹⁾. Закричалъ ершишка своимъ громкимъ голосникомъ: «рыба севрюга, калуга, язи, головли, послѣдняя рыбка плотичка-сиротичка! пустите меня ерша въ озеро погулять. Мнѣ у васъ не годъ годовать, а хотя одинъ часъ попровать, хлѣба-соли покушать да рѣчей послушать.» Согласилась вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли, маленькая рыбка плотичка-сиротичка пустить ерша въ озеро на одинъ часъ погулять. Ершъ прогулялъ одинъ часъ, и сталъ всю рыбу обижать, къ тнѣ, плотнѣ прижимать. Живой рыбѣ въ обиду то показалось, пошла на ерша просить къ Петру-осетру ²⁾ праведному: «Петръ-осетръ праведный! за что насъ ершъ обижаетъ? выпросился онъ на одинъ часъ въ наше озеро побывать, да всѣхъ насъ съ озера и сталъ выгонять. Разбери и разсуди, Петръ-осетръ праведный, вѣрою и правдою.» Петръ-осетръ праведный послалъ малую рыбу пискаря искать ерша. Пискарь искалъ ерша въ озерѣ, да не могъ сыскать. Петръ-осетръ праведный послалъ среднюю рыбу щуку искать ерша. Щука въ озеро нырнула, хвостомъ плеснула, ерша въ коргахъ ³⁾ нашла: «здоровъ, ершишка?»—Здравствуй, щучишка! зачѣмъ ты пришла? «Къ Петру-осетру праведному звать на честь, не посадить ли тебя на цѣпь; на тебя есть просители.»—Кто же тамъ просить? «Вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли, и послѣдняя рыба плотичка-сиротичка—и та на тебя просить, да еще сомъ, мужикъ простой, губы толстыя и говорить не умѣетъ—и тотъ на тебя челобитную подалъ; пойдѣмъ-ка ершъ,

1) Перекладнахъ? *копыль* — дровни; дно у правдильнаго гребня, на которое садится пряха, и колодка, на которой плетутъ ланги (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 89). 2) Въ рукописи вездѣ: «Петръ-сетръ». 3) Корга — гряда камней въ водѣ; корга—камень или пень, лежащій на днѣ рѣки; плотное песчаное или каменистое дно озера и рѣкъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 89).

раздвинулся, что на судъ по правдѣ скажутъ. — Истѣ, шучиника! не лучше ли дѣло такъ будетъ: пойдешь со мною погуляемъ. Щука не соглашается съ ершомъ гулять, а хочетъ ерша на судъ праведный тащить, какъ-бы поскорѣй его осудить. «Ну, щука! хоть ты съ рыла и востра, да не возьмешь ерша съ хвоста! А вотъ нынче суббота, у моего отца двининить — ширь да веселье; пойдешь лучше, пошьемъ, погуляемъ вечеркомъ, а завтра, хоть и воскресенье, пойдешь — тапъ и быть — на судъ праведный; но крайней мѣрѣ не голодные будемъ.» Щука согласилась и пошла съ ершомъ гулять; ершъ накомил ее пьяномъ, за полѣку ¹⁾ засадилъ, дверью затворилъ и кольемъ заколотилъ. Долго ждали на судъ щуку и не дождались. Петръ-осетръ праведный послалъ за ершомъ большую рыбу-сомъ. Сомъ въ озере нырнулъ, хвостомъ плеснулъ, ерша въ коргахъ нашелъ. «Здравствуй, зятюшка!» — Здоровъ, тещишка! «Пойдемъ, ершъ, на судъ праведный; на тебя есть просители.» — Кто же просить? «Вся рыба севрюга, калуга, всѣ язв, голован и малюшкая рыбна плотичка-сиротичка!» Ершъ-то сому зять; съумѣлъ его сомъ въ руки взять, и самолично привелъ на судъ праведный. «Петръ-осетръ праведный, зачѣмъ меня требовалъ на-скаро?» спросилъ ершъ. — Какъ тебя было не требовать? ты въ Ростовское озеро выпросился одинъ часъ погулять, а потомъ всѣхъ съ озера и сталъ выжижать. Живой рыбъ то за досаду показалося; вотъ собралась рыба севрюга, калуга, язв, голован и малая рыбна плотичка-сиротичка, и самолично подалиши на тебя челобитную: разбери де, Петръ-осетръ, это дѣло правдою!» — Ну, послушай же, отвѣчаетъ ершъ, и мою челобитную: они сами обидчики, межя борозды вытерлись ²⁾, а берега водою подмыло, а я ѣхалъ

1) Пелѣда — передній нагѣсъ крыши между двумя избами; покрывка на скрдахъ. Пелѣдъ — мѣсто подлѣ снота овина, которое покрывается соломою. Пелѣвня — сарай для соломы (Одессъ обл. великор. словарь, стр. 454).

2) Сгладились, уничтожились.

тѣмъ берегошъ вечеромъ поздно, торопился, рѣзко ¹⁾ гналъ, да съ берега въ озеро попалъ, такъ и свалился съ землею! Петръ-осетръ праведный, прикажи собрать государевыхъ рыбаковъ да раскинуть неводы тонкіе, погони рыбу въ одно устье; тогда узнаешь, кто правъ, а кто виноватъ: правой въ неводъ не останется, а всё выскочитъ.—Петръ-осетръ праведный выслушалъ его челобитную, собралъ государевыхъ рыбаковъ и погналъ всю рыбу въ одно устье. На починѣ ершишка попалъ въ неводнишка, шевельнулся, ворохнулся, глазѣнки вытарачилъ и съ неводу впередъ всѣхъ выскочилъ. «Видишь, Петръ-осетръ праведный! кто правъ, кто виноватъ?»—Вижу, ерши! что ты правъ; ступай въ озеро да гулай. Теперь никто тебя не обидитъ, развѣ озеро высохнетъ да ворона тебя изъ грязи вытащитъ. Пошелъ ершишка въ озеро, при всѣхъ похваляется: «добро же, рыба севрюга, калуга! достанется вамъ и всѣмъ язьмъ, головлямъ! да не прощу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! да достанется и сому толстобрюхому: вшь говорить не умѣетъ, губы толсты, а зналъ какъ челобитную подавать! Всѣмъ отплачу.» Шель Любимъ, ершовой похвалы не возлюбилъ; шель Сергій, вѣсь оханку жердей; пришелъ бѣсъ, заколотилъ вѣз ²⁾; пришелъ Перша, поставилъ на ерша вершу; пришелъ Богданъ, ерша въ вершу Богъ далъ; пришелъ Устинъ, сталъ вершу тащить да ерша упустилъ.

с. 1729 года мѣсяца сентября 16 числа

Зародился ершишко-плутишко,
Худая головнишко,
Шиловатый ³⁾ хвостъ,
Слюноватый носъ,
Киловатая ⁴⁾ брюшина,

1) Очень, много (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 198). 2) Заколъ рыбный (ibidem, стр. 271). 3) Увертливой плутоватой. 4) Киловатъ — бражное слово (Опытъ области. великор. словаря, стр. 82).

Лихая образина,
 На рожѣ кожа, какъ елова кора.
 Пришлося, присудалось ершишко-платишко
 Въ своемъ славномъ Кубинскомъ озерѣ,
 Собрался на ветхихъ 1) дровнишкахъ
 Съ женою и дѣтишками,
 Поѣхалъ въ Бѣлозерское озеро,
 Съ Бѣлозерскаго въ Корбозерское,
 Съ Корбозерскаго въ Ростовское:
 -Здравствуйте, лещи,
 Ростовскіе жильцы!
 Пустите ерша пообѣдать
 И коня покормить.»
 Лещи распространились 2),
 Ерша къ ночи пустили.
 Ершъ гдѣ ночь ночевалъ,
 Тутъ и годъ годовалъ;
 Гдѣ двѣ ночевалъ,
 Тутъ два года годовалъ;
 Сыновой поженилъ,
 А дочерей замужъ повывдалъ,
 Изогналъ лещовъ,
 Ростовскихъ жильцовъ,
 Во мхи и болота,
 Пропасти земныя.
 Три года лещи
 Хлѣба-соли не ѣдали,
 Три года лещи
 Хорошей воды не пивали,
 Три года лещи
 Блага свѣту не видали;
 Съ того лещи
 Съ голоду помирали.
 Сбѣралися лещи въ земскую избу
 И думали думу заедино,
 И написали просьбу
 И подавали Бѣлозерь-Палтось-рыбѣ:
 -Матушка Бѣлозерь-Палтось-рыба!
 Почему ершишко-платишко,

1) Въ рукописи: «на вельмей» (?) 2) Разступились, дали мѣсто.

Худая головшино,
 Разжился, распоселился
 Въ нашемъ Ростовскомъ озерѣ
 И изогнѣлъ насъ лещювъ,
 Ростовскихъ жельцовъ,
 Во мхи и болота
 И пропасти земныя:
 Три года мы лещи
 Хлѣба-соли не выдали,
 Три года лещи
 Хорошей воды не пивали,
 Три года лещи
 Свѣту блага не выдали;
 Съ того мы лещи
 И съ голоду помирали.
 Есть ли у него на это дѣло
 Книжки, отписки и паспорта какіе?
 И думали думу зедивно
 Щука ярославская,
 Другая пере(я)славская,
 Рыба-сомъ съ большимъ усомъ.
 Кого послать ерша позвать?
 Менька 1) послать —
 У него губы толстыя,
 А зубы рѣдкіе,
 Рѣчь не умильна(я),
 Говорить съ ершомъ не съумѣть!
 Придумала рыба-сомъ
 Съ большимъ усомъ:
 Послать или итъ за ершомъ гарьюса 2);
 У гарьюса губки тоненьки,
 Плятьцо бвленько,
 Рѣчь московская,
 Походка господская.
 Дали ему окуня разсылнымъ,
 Карася патисотскимъ,
 Семь желей, понятѣхъ людей.
 Взяли ерша,
 Сковали, связали

1) Нежила. 2) Харіусъ — родъ лососей.

И на судъ представили.
 Ершь предъ судомъ стоять
 И съ повадкой 1) говорить:
 «Матушка Бѣлозеръ-Палтось-рыба!
 Почему меня на судъ повѣщали?»
 — Ахъ, ты, ершничко-плутничко,
 Худая головничко!
 Почему ты разжился и расселился
 Почему меня на судъ повѣщали?»
 Въ здѣшнемъ Ростовскомъ озерѣ,
 Изогналъ лещовъ,
 Ростовскихъ жильцовъ,
 Во мхи и болота
 И пропасти земныя?
 Три года лещи
 Хлѣба-соли не видали.
 Три года лещи
 Хорошей воды не пивали,
 Три года лещи
 Слѣту бѣлаго не видали,
 И съ того лещи
 Съ голоду помирають.
 Есть ли у тебя на это дѣло
 Книжки, отписки и паспорта: какіе?
 «Матушка Бѣлозеръ-Палтось-рыба!
 Въ память или кѣтъ тебѣ пришло:
 Когда горѣло наше славное Кубинское озеро,
 Тамъ была у ершишка избинка,
 Въ избинкѣ были сѣняшка,
 Въ сѣняшкахъ клѣтчишко,
 Въ клѣтчишкѣ ларцышко,
 У ларцышка замчишко,
 У замчышка ключишко —
 Тамъ-то были книжки и отписки
 И паспорта, и все пригорѣло!
 Да не то одно пригорѣло:
 Былъ у батюшки дворець
 На семи верстахъ,
 На семи столбахъ
 Подъ полетями бобры,

---

1) Въ рукоп. — не съ упадкой.

На полатах ковры —
 И то все пригорело!
 А рыба-семга позади стояла
 И на ерша злымъ голосомъ кричала:
 - Ахъ ты, ершишко-плутышко,
 Худая головиншко!
 Тридцать ты лѣтъ
 Подъ порогомъ стоялъ
 И сорокъ человѣкъ
 Разбою держалъ,
 И много головъ погубилъ
 И много живота 1) притопилъ!
 И ершу стало завтарно:
 Какъ съ рыбою-семгою не отговориться?
 - Ахъ ты, рыба-семга, бока твои салны!
 И ты, рыба-селыдь, бока твои кислы!
 Васъ ѣдятъ господа и бояра,
 Меня мелкая чета крестьяна —
 Бабы штей наварить
 И блиновъ напекуть,
 Шти хлебаютъ, подхваляють:
 Рыба костлива, да уха хороша!
 Тутъ ершь съ семгой отговорился.
 Говоритъ Бѣлозеръ-Палтось-рыба:
 «Окунь-разсмыслий,
 Карась-пятисотской,
 Семь молей, понятнѣхъ людей!
 Возьмите ерша.»
 А ершь кисанихъ рыбъ не боится,
 Ото всѣхъ рыбъ боронится.
 Собрался онъ ершишко плутышко
 На свои на ветхія 2) дровнишки
 Съ женою и дѣтишками,
 И поѣзжаетъ въ свое славное
 Въ Кубинское озеро.
 Рыба-семга хотъ на ерша злымъ голосомъ кричала,
 Только за ершомъ въ слѣдъ подавалась:
 - Ахъ ты, ершишко-плутышко,
 Худая головиншко!
 Возьми ты меня въ свое славное

1) Имущества. 2) Въ рукописи: «вольные».

Въ Кубинское озеро;
 Кубинскаго озера поглядѣть
 И Кубинскихъ стѣновъ посмотрѣть. •
 Ершъ зла и лиха не помнить,
 Рыбу-семгу за собой поводитъ.
 Рыба-семга идуци устала,
 Въ Кубинскомъ устьѣ вздремала
 И мужику въ сѣть попала.
 Ершъ назадъ оглянулся,
 А самъ усмѣхнулся:
 «Слава тебѣ, Господи!
 Вчера рыба-семга
 На ерша злымъ голосомъ кричала,
 А сегодня мужику въ сѣть попала.»
 Ершъ семгѣ подивовалъ
 И самъ на утренней ворѣ вздремалъ,
 Мужику въ морду 1) попалъ.
 Пришелъ Николъ,
 Заколамъ приколъ 2);
 Пришелъ Перша
 Поставилъ вершу;
 Пришелъ Богданъ.
 И ерша Богъ далъ;
 Пришелъ Вавила,
 Поднял ерша на вила;
 Пришелъ Ниженъ,
 Ерша зашпиль 3)
 Пришелъ Обросимъ,
 Ерша о зель бросилъ;
 Пришелъ Антонъ
 Завертилъ ерша въ балахонъ;
 Пришелъ Амосъ,
 Ерша въ клѣтъ понѣсъ;
 Идетъ Спира(я),
 Около ерша стырить 4);
 Амосъ Спиру

1) Морда — рыболовная снасть, состоящая изъ жѣлана, сплетеннаго изъ
 новыхъ прутьевъ (См. Записки объ уженъ рыбѣ, С. Ансакова, издан. 3,
 стр. 301). 2) Т. е. сдѣлалъ заколъ(ѣзъ). 3) Т. е. зашпиль (шпнать,
 лнуть). 4) Стырить—дразнить, грубо говорить (Опытъ области великорус.
 словаря, стр. 218).

Да по рыму:
 -Ахъ ты, Спиря!
 Надъ эдакой рыбой стыришь;
 У тебя эдака рыба
 Вѣкъ въ дому не бывала!
 Пришелъ Вася,
 Ерша съ лѣвти сласилъ 1);
 Пришелъ Петруша,
 Ерша разрушилъ 2);
 Пришелъ Савва,
 Выналъ съ ерша полтора пуда сала;
 Пришелъ Юда
 Расклатал ерша на четыре блюда;
 Пришла Марина,
 Ерша помыла;
 Пришла Акулина,
 Ерша подварила;
 Пришелъ Антипа,
 Ерша стѣпалъ 3);
 Пришелъ Алуна,
 Ерша слупалъ;
 Пришелъ Елизаръ,
 Блюда облизалъ;
 Пришелъ Власъ,
 Попучилъ глазъ,
 Пришла Неняла,
 И блюда обчмыла!

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПоть.

Жили-были: пузырь, соломинка и лапоть; пошли они въ
 лѣсъ дрова рубить, дошли до рѣки, не знаютъ: какъ черезъ
 рѣку перейтти? Лапоть говоритъ пузырю: «пузырь, давай на

1) Сташилъ (лестить—лестить, хитрить); сласилъ и сласить—украсть (Оп.
 обл. велжор. словаря, стр. 217). 2) Т. е. разрушалъ, порушилъ. 3) Укралъ
 (Опытъ обл. велжорус. словаря, стр. 215).

тебѣ переплывемъ!» — Нѣтъ, лапоты! пусть лучше соломинка перетянется съ берега на берегъ, а мы перейдемъ по ней. Соломинка перетянулась; лапотъ пошелъ по ней, она и переложилась. Лапотъ упалъ въ воду, а пузырь хохоталъ-хохоталъ да и лопнулъ! ¹⁾

34.

РЪШКА.

Посылаеъ дѣдко ²⁾ рѣшку; пошелъ рѣшку рвать, захватился за рѣшку: тянетъ-потянетъ, вытянуть не можетъ! Сбавалъ дѣдко бабку; бабка за дѣдка, дѣдко за рѣшку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ! Пришла внучка; внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣшку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ! Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣшку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ! Пришла нога (?). Нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣшку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ! Пришла дрѹга ³⁾ нога; дрѹга нога за ногу, нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣшку, тянуть-потянуть, вытянуть не могутъ! (и такъ далѣе до пятой ноги). Пришла пята нога пять ногъ за четыре, четыре ноги за три, три ноги за двѣ, двѣ ноги за ногу, нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣшку, тянуть-потянуть: вытянули рѣшку ⁴⁾!

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

1) *Вариантъ*: Шли два старика по дорожкѣ и зашли въ пустую избушку согрѣться на печкѣ: пузырекъ да борода. Посылаеъ пузырекъ борода: «поди, добудь огонька!» Борода пошла, дунула на огонекъ и (вспыхнула); а пузырекъ хохоталъ да хохоталъ, палъ съ печи и лопнулъ. 2) Дѣдъ. 3) Другая. 4) *Вариантъ*: Былъ старикъ со старухою; послали рѣшку. «Старуха! зови старикъ; я ходилъ, смотри(т)ль: рѣшка чистая. Пойдемъ рвать.» Пришли

ГРИБЫ.

Вадумалъ грибъ , разгадалъ боровикъ ¹⁾; подъ дубочкомъ сидючи, на всѣ грибы гляючи, сталъ приказывать: «приходите вы, бѣлянки, ко мнѣ на войну.» Отказались бѣлянки: «мы грибовыя дворинки! не идемъ на войну.» — Приходите, рыжики, ко мнѣ на войну. Отказались рыжики: «мы богатые мужики, не повинны на войну идти!» — Приходите вы, волнушки, ко мнѣ на войну. Отказались волнушки: «мы господскіе стряпушки ²⁾! не идемъ на войну.» — Приходите вы, опенки, ко мнѣ на войну. Отказались опенки: «у насъ ноги очень тонки! мы не идемъ на войну.» — Приходите, грузди, ко мнѣ на войну. «Мы грузди — ребятушки дружны, пойдешъ на войну!»

Это было, какъ царь-горохъ воевалъ съ грибами.

(Записана въ оренбургской губерніи.)

ПРИБАУТКИ.

а. «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, много ли тебѣ отъ роду лѣтъ?» — Семьдесятъ, бабушка! семьдесятъ, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, когда ты уми-

---

къ рѣкѣ; посудили-посудили: какъ намъ рѣчку рвать? Бѣжить копка по дорожкѣ. «Ножка! пособи рѣчку рвать.» Рвали-рвали, не могли сырвать... (Записана въ вологодскомъ уѣздѣ).

1) Вар. Грибъ-грибъ-боровикъ, всѣмъ грибамъ полковникъ... или: Царь грибной сталъ звать грибовъ на войну... 2) Вар. «Мы старушки».

ратъ будешь?» — Въ среду, бабушка! въ среду, Пахомовна!
 «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, когда-жь тебя хоронить будутъ?» — Въ пятницу, бабушка! въ пятницу, Пахомовна!
 «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, чѣмъ тебя поминать будутъ?» — Блинами, бабушка! блинами, Пахомовна!
 «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, во что послѣ тебя позвонить будетъ?» — Въ скороду, бабушка! въ скороду, Пахомовна!
 «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, много ли у тебя дѣтушекъ?» — Семеро, бабушка! семеро, Пахомовна!
 «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, чѣмъ послѣ тебя поить-кормить будетъ?» — По міру, бабушка! по міру, Пахомовна!
 «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить—зима студена!» — Въ лапоткахъ, бабушка! въ лапоткахъ, Пахомовна!
 «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить—собаки съѣдятъ!» — Съ палочкой, бабушка! съ палочкой, Пахомовна!
 «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить — не во что милостыню класть!» — Въ сумочку, бабушка! въ сумочку, Пахомовна!

б. «Куда, миленькой, снаряжаешься?» — Не скажу. «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» — Въ городъ на ярманку. «Миленькой, возьми меня съ собой!» — Не возьму. «Возьми, мой дорогой, меня съ собой.» — Садись на самой краюшкѣ. «Что у тебя, миленькой, въ возу?» — Не скажу. «Что, мой дорогой, въ возу?» — Яблоки. «Дай мнѣ, миленькой, яблочко?» — Не дамъ. «Дай, дорогой, яблочко.» Возьми одно. «Гдѣ вы, миленькой, ночуемъ съ тобой?» — Не скажу. «Скажи, мой дорогой, гдѣ ночуемъ съ тобой?» — Въ большой деревнѣ у попа въ пеленѣ 1).

с. «Коза, коза, лубяные глаза! гдѣ ты была?» — Коней пасла. «А кони-то гдѣ?» — Николка увелъ. «А Николка-то гдѣ?» —

1) Пелѣня — сарай для соломы, пуня.

Въ клять ушелъ. «А клять-то гдѣ?» — Водой унесло 1). «А вода-то гдѣ?» — Быки выжили. «А быки-то гдѣ?» — Въ гору ушли. «А гора-то гдѣ?» — Черви сточили. «А черви-то гдѣ?» — Гуси выклевали. «А гуси-то гдѣ?» — Въ вереснякъ 2) ушли. «А вереснякъ-то гдѣ?» — Дѣвки выломали. «А дѣвки-то гдѣ?» — Замужъ выскокали. «А мужья-то гдѣ?» Въ примерли 3).

(Записана въ новгородской губерніи.)

д. «Галка-коналка! ты куды, галка, летала?» — На дѣвину полянку. «Чего дѣлають на дѣвиной полянкѣ?» — Грамоту пишутъ, на дѣвину задышуть 4). Дѣвица, дѣвица! сходи за водичей. — Рака боюся! — Ракъ на болотѣ, рубахи колотить, въ цѣтвомъ платьѣ; трои сани съ козырями, трои съ вычурами.

е. Гуси-лебеди летя(ѣ)ли, въ чисто поле залетели, въ полѣ банишку доспи(ѣ)ли. Воробей дрова кололъ, тараканъ баню топилъ, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася 5); бѣла гнида подхватила, на рогожку повадила; обра

1) *Вар.* Вода поняла. 2) Можжевальникъ (Опытъ области, великор. словаря, стр. 23).

3) *Вариантъ 1:* Какъ ударили въ доски, позвали въ гости. «А кони-то гдѣ? . . . . «А гора-то гдѣ?» — Въ соснякъ ушла. «А соснякъ-то гдѣ?» — Въ тростнякъ ушелъ. «А тростнякъ-то гдѣ?» — Дѣвки выломали. «А дѣвки-то гдѣ?» — По замужьямъ ушли. «А мужья-то гдѣ?» — Въ Питерь ушли. «А Питерь-то гдѣ?» — Питерь выгорѣлъ. «А огонь-то гдѣ?» — Огонь въ камень ушелъ. «А камень-то гдѣ?» — Камень въ землю ушелъ.

Вариантъ 2: «Боба (заяцъ) ты, боба! ты куды, боба ходила?» — Въ гости ходила. «Чего пила, ѣла?» — Сыръ да масло, нечисто ничко. «Мѣтъ принесла ли?» — Принесла, покинула (положила) на полку. «На полкѣ нѣту!» — Собачки съѣ(ѣ)ли. «Гдѣ собачни?» — Въ лѣсъ убѣжали. «Гдѣ лѣсъ?» — Огнѣмъ сгорѣлъ. «Гдѣ огонь?» — Водой залили . . . . «Гдѣ гора?» — Черви выточили. «Гдѣ черви?» — Гуси выклевали. «Гдѣ гуси?» — Стры(ѣ)лымъ пристри(ѣ)вали. «Гдѣ стрыльцы?» — Умерли. «Гдѣ душа?» — На небѣ. (Записана въ пермской губерніи, чердымскомъ уѣздѣ.) См. Владимирской сборникъ Тихоураова, М., 1857 года, стр. 40. 4) По дѣвицѣ вздыхають? 5) Устала.

блѣшка подсмочила, ножку подложила, въ передбанокъ вѣшку выносила...

Г. Котъ на печи сухари толчетъ, кошка въ окошкѣ ширинку ¹⁾ щеть, свинья въ огородѣ овесъ толчетъ, курочка въ сапожкахъ избушку метѣтъ; вымела избушку, положила голычокъ подъ порожекъ ²⁾.

г. Ходить курочка въ сапожкахъ, выронила перышко, изъ перышка-то ядрышко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановомъ селѣ-то собачка на лычкѣ потягивается, медведь ^(ѣ)дѣ на дѣночкѣ норывается, господи въ на печкѣ обузается, госпожа за печкой олады печеть, сухари толчетъ.

(Записаны въ пермской губерніи, чердынскомъ уѣздѣ.)

h. Слетались птицы стадами, садились малыми рядами, пѣли онѣ — воспѣвали, жалобно причитали: кто у насъ на морѣ бѣльшимъ? кто на синемъ-то меньше? На морѣ орелъ царемъ, на морѣ орлица царица, его голубушка перепелка, русской гусь торговой, сѣра утка попадья, воробышекъ дядечекъ, малые чирята крылошане, дикіе гуси дворяне, на морѣ филинъ водозомъ, на морѣ журавль перевозомъ: то-ли долгіе ноги, то-ли короткое платье! журавль по бережку ходитъ, людей перевозитъ, цвѣтно платье не мочитъ; галочки черноваты, малиновки штукваты ³⁾, синички молодницы, касаточки красны дѣвщцы; малая птица свицца сѣнушко косить не смогаетъ, по корму скотинушку пускаетъ; жаворонъ ⁴⁾ воспѣваетъ, слышитъ

1) Плясокъ.

2) Вар: Славала галка по ельничку, по хвошничкамъ (хвоць—растеніе). по березничкамъ; наѣхали на галку разбойнички, сжали съ галки сини вѣталь, не въ чемъ галкѣ по городу славать! Волкъ по дорогѣ въ три мѣли бьетъ, свинья въ озерекѣ (ожерѣлокъ—воротникъ у шубы) овесъ толчетъ. Былъ я у тещи, была мена теща въничкомъ; плакать я: хень, хень! угѣтали мена: тбрюнь, тбрюнь! 3) Хитры (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 268). 4) Жаворонокъ.

вёснѣ краснѣ, слышитъ лѣто тёпло: стала шать-рожь на колосѣ метаться, скотинушка въ лѣсъ убираться; ворона-то вшивая, понаплетка фальшивая, лѣтомъ ворона по суслонамъ 1), знойю ворона по дорогѣ, каждого слѣду перегребаеъ, каждого братомъ называеъ; сорока-то гостининая жена, хочетъ щепотно 2) ходити, съ денежки на денежку ступать, рублемъ ворота отпирать, полтиною замѣчать, безъ калача и(ѣ)сть не сядеть, безъ водки не изопьетъ 3).

к. Лежитъ зайко подѣ кустомъ; охотнички за нимъ взорать, зѣри жалаго ловать. Слочилъ зайко на ноги: вы, охотнички, идите — на мой хвостикъ посмотрите!

«Зайничко сѣринькой, гдѣ ты былъ-снѣбывалъ?» — Былъ я, побывалъ въ огородѣ-ельничкѣ, въ анбарчякѣ-спальничкѣ. «Кого видѣлъ-сповидалъ?» — Видѣлъ я, повидалъ три дѣвчины хороши, три любчины пригожи; Аннюшенька черноброва, черноглаза лучше воѣхъ. «Зайничко сѣринькой, онѣ звали ли тебя?» — Звали-звали, позывали: Катюша на часокъ, Марьюша на денёкъ; Аннюшенька удала, на недѣлку позвала. «Зайничко сѣринькой, кормили ли тебя?» — Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Аннюшенька удала, кашу съ масломъ поднесла. «Зайничко сѣринькой, помли ли тебя?» — Катюша-то пивцомъ, Марьюша-то винцомъ; Аннюшенька удала, стаканъ мѣду налила. «Зайничко сѣринькой, положили ли тебя?» — Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Аннюшенька удала, подушечку подала. «Зайничко сѣринькой, не били ли тебя?» — Катюша-то клюшкой, а Марьюша кочергой; Аннюшенька удала, за ушеньки подрала. «Зайничко сѣринькой, провожали

1) Суслонъ—вѣсколко сноповъ, складенныхъ въ кучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 221). 2) Чисто, богато. 3) Начинается и такъ: «Скажетьно про лѣто про тепло, про весну про красну, про зиму студѣну, про хлѣбы хлѣбисты, ярицы яристы, пшевицы пшеиисты, ржи колосисты. Прилетали пташки . . .

ли тебя?» — Катюша-то на сѣнецъ, а Марьюша на крылецъ; Аннюшенька удала, за ворота провела.

1. Тень-потетень! выше города плетень; на полицѣ трубица гороховая, на печи калачи, какъ огонь горячѣ, съ печки упали, въ горшечекъ попали. Кушайте, бояре, повѣрныхъ щей. Тетка-божатка! 1) сошей-на рубашку, тоненьку, бѣленьку, косою воротокъ. Побѣду я жениться, на сивкѣ, на буркѣ, на солóвой кобылкѣ. Кобылака, кобылака! не сдерни овина; въ овинѣ Ариня ткѣтъ полотно, перетыки-то 2) кладець, да не дотыкиваетъ. Шапка-татарка повѣхала по лавкамъ; бей въ доску да поминай Москву. Какъ на Вологдѣ вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка! глянча 3) долго не жила? Я боялась типуна. А типунъ-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыжны дѣти хотять улетѣти на Ивановъ городъ. Они по грамоткѣ пинуть, на дѣвицу дышуть. Дѣвица, дѣвица! поди по водицу. На дорогѣ-то волки горогъ молотили, поповы ребята пону-то сказали, попадья-то съ печи обломала плечи. Сѣмъ-пересѣмъ на лопаткѣ испеченъ; мужикъ нѣбеню сѣлъ, на капустяникъ сѣлъ, сѣлъ три короба блиновъ, три костра пироговъ, заулокъ рогулекъ, заходъ калачей, мякинницу сулôю 4), овинъ киселя, поваренку щей! 5)

1) Крестная мать (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 5). 2) Перѣтки — особеннаго рода нить, затканная въ полотно (*ibidem*, стр. 156). 3) Вѣсто: дя-ча(чего). 4) Сулôй — мутный квасъ и густое сусло, изъ котораго варятъ ржаной кисель (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 220).

5) *Вариантъ 1*: Тирушки, тирушки! въ городѣ вѣтушки, висятъ калачи, какъ огонь горячи; въ Питерѣ вино по три денежки ведро — хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся да поворачивайся! Тонъ-тонаны! съ овсомъ пироги, обалѣха (саламата — Опытъ обл. великор. словаря, стр. 131) съ киселемъ, а кашка съ молокомъ: это по зубамъ пришло!

Вариантъ 2: Господи помилуй! на коникѣ Данило, на лавкѣ Флоръ, на печи приговоръ, въ печи калачи — какъ огонь горячи, дѣро бояръ печены. Натѣхали бояре да собакъ навезли; собаки-то вѣдурили да поща укушали.

и. Нутко, лядюшка Коринло, запрягай-ко ты кобылу, у Макар'я на песку приразмычь горё-тоску: стоить бражка въ туяску ¹⁾, бражка пьяная пьяна, весела шмъльная голова! Бражка порнай ²⁾ выпивай!.....

п. Пошелъ полковникъ погулять, поймалъ птичку-перепёлочку; птичка-перепёлочка пить похотѣла, поднялась-полетѣла, пала-пропала, подъ ледъ попала, пона поймала, пона поповича, Петра Петровича.

о. Однажды говорила о себѣ рѣна: «я рѣна съ мѣдомъ хороша!» — Поди прочь, хвастуныя! ствѣчалъ ей мѣдъ. я и безъ тебя хороша.

(Два послѣднія записаны въ тверской губерніи.)

р. Была рѣна важная, дивилась старуха какная! однимъ днѣмъ кругомъ не обойдешь; и той рѣны половицу мы съ семьей цѣлую недѣлю ѣли, а другую половицу другую недѣлю; корку навалили да кобылу насадили и телегу обломали. Вотъ какая была мудрость недавно утро(ѣ)сь! ³⁾

г. Было два брата Хома да Ерѣна; сдумали-сгалаали честные братаны рыбу ловить. Лодка была у нихъ рѣзна ⁴⁾, ботникъ ⁵⁾ безо дна; три дни тонули, а потонуть не могли, добрые люди повыташили. Съли братаны на бережокъ, понюхиваютъ табачокъ. Вздумали они торговать: накупили холстовъ, съѣхали въ Ростовъ, и прогѣняли холсты на свинные хвосты, и тутъ неудача! Вздумали землю пахать: посѣяли рожь и овѣсь; рожь-то не выникла, а овѣсь-то не взомелъ, съ того они соху и борону въ огонь, лошадь по горлу ножомъ, а сами съ пашни бѣгомъ! ⁶⁾

1) Туесь — берестяной буракъ (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 233)

2) Порно — крѣпко, скоро, прытко (ibidem, стр. 171). 3) Утромъ.

4) Излопана, дырява (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 192). 5) Челнокъ, маленькая лодка, выдолбленная изъ одного дерева (ibidem, стр. 14).

6) См. № 49.

г. Стоит градъ пусть, а во градѣ кустъ; въ кустѣ сидитъ старецъ да варитъ изварецъ; и прибѣжалъ къ нему косою заяцъ и проситъ изварецъ. И приказалъ старецъ безоному бѣжать, а безоному хватать, а голому въ назуху класть.

(Эта прибаутка записана въ вологодской губерніи.)

с. Теща про зятя пироги некла, творила ¹⁾ да вытѣсла три осьминны муки, соли да крупы на четыре рубли, масла да яицъ на восемь рублей, окорокъ свиной да поросёнокъ годовой. Этого пирожка семерымъ не снестъ, а хоть семеро подымутъ, такъ десяткомъ не съѣсть. А зятёкъ съѣлъ, у присядку ²⁾ все съѣлъ. Теща по полу похаживаетъ, скѣса на зятя поглядываетъ: «ни лый зять! не одуло ли тебя?» — Ласкова теща! не прибавишь ли еще хоть сѣто блиновъ, рѣшето пироговъ? «Что тебя, зятюшко, не рѣзорвало?» Вотъ зять идетъ дорогой, а брюшина стороной; на встрѣчу ему — прохожій спрашиваетъ: «что это за диво? гдѣ я не бывалъ, нигдѣ не видалъ!» — Какое это диво! зятева брюшина.

т. «Бабушка Арина, куда ты ходила?» — Въ новую деревню. «Ну, что въ новой деревнѣ?» — Утка въ юбкѣ, селезень въ кафтанѣ, корова въ рогожѣ — нѣтъ ея дороже. Это присказка, сказка будетъ впереди. Кудель, кудель! куда ты летѣла, на кусточекъ съѣла, на кусточекъ съѣла — соловьемъ заглѣла? У насъ не такъ, какъ у васъ: и кудель поетъ соловьемъ!

и. Наташка, Наташка! сладенька кулажка ³⁾, сладка медо-вая, въ печи не бывала, жару не видала. Заиграли утки въ дуаки, жи(у)равли пошли плясать, долги ноги выставятъ, долги шеи протягать.

1) Существительное «творило» отъ глагола творить — разводить муку на теплой водѣ. 2) За присѣсть. 3) Кулажка — солодъ ржаной, смѣшанный съ ржаной же мукою и сваренный въ печкѣ (Этнограф. сбор., ч. 1, стр. 134).

х. Межь долами, межъ горами, сидитъ баба съ пирогами, недорого продаетъ: все по денежкѣ пироги. Она въѣхъ-отъ свой торгуетъ, ходитъ босикомъ: чулки новы, пяты голы, носки выпалади. Призакаалась молодка пирогами торговать, пироги печи, на базаръ везти.

Курошинскимъ-то ребятамъ нынѣ пожилося, прибогатилосъ; они съ торгу муку брали, муку на солодъ мѣняли, часто шумно варили, бражку пьяненькую, бражку хмельненькую. Они пили, пировали, сами всё проистощали ¹⁾, кошелечки нашивали и пестеры ²⁾ напели, по дворамъ побрели.

у. Не бѣлая березонька въ полѣ шатается, шолудивый съ плѣшивымъ считается: «хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!»

з. Была старая свинья, не ходила никуда днемъ со двора; ночь пришла — свинья со двора сошла. Хозяйскую полосу мнивала, въ сосѣдскую попадала; цвѣточки срывала, соложку бросала. Откуль взялся старой старичище сѣрой волчище, поднялъ хвостиче, свинья челоми отдакъ: «здравствуй, милая жена, супоросная свинья! зачѣмъ шляешься и скитаешься? здѣсь волкъ поѣдаетъ овецъ.» Приходить свинья конецъ. «Не ѣшь меня, волчишка, не ѣшь меня, сѣренькой! я тебѣ приведу стадо поросать.» — Не хочу мяса инова, хочу мяса свинова. Взялъ волкъ свинку за бѣлую шинку, за черную шетинку; понёсъ волкъ свинку за пень, за колоду, за бѣлую березу, сталъ свинья косточки глотать, свиныхъ родителей поминать ³⁾.

1) Поразориласъ. 2) Пестерь—котома, сплетенная изъ лыкъ или бересты; поробъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 157). 3) См. вып. III, № 24 и въ этомъ выпускѣ № 14.

ДОКУЧНЫЯ СКАЗКИ.

а. Жили-были два братца, два братца — куликъ да журавль. Накосили они стожокъ стѣна, поставили среди поляна. Не сказать ли сказку опять съ конца?

д. Жилъ-былъ старикъ, у старика былъ колодець, а въ колодець-то я(е)млець ¹⁾; тутъ и сказкѣ конецъ.

(Записаны въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

«Сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» — Скажи. «Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» — Скажи. «Ты скажи, да я скажи, да чего у насъ будетъ, да докуль это будетъ! Сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» ²⁾

БАЙКА ПРО СТАРИНУ СТАРОДАВНІЮ.

Старину скажу стародавнюю,

Стародавнюю, небывалую:

Старика свяжу со старухою,

Со старухою съ кособрюхою.

1) Рыба.

2) И такъ далѣе, пока не наскучитъ одному спрашивать, а другому отвѣчать. Въ воронежской губерніи обыкновенно спрашиваютъ: «Разсказать ли тебѣ докучную сказочку?» — Разскажи. «Ты говоришь: разскажи, я говорю: разскажи; разсказать ли тебѣ докучную сказочку?» — Не надо. «Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо: разсказать ли тебѣ докучную сказочку?» и т. дал.

То вамъ не чудо, не диковинка,
 Я видалъ чуда чудите того:
 Среди моря овинъ горить,
 По чисту полю корабль бѣжить!
 То вамъ не чудо, не диковинка,
 Еще вотъ вамъ чудо чудите того:
 Ужь какъ кутюшка ¹⁾ бычка родила,
 Поросеночекъ яичко снесъ!
 Это вамъ не чудо, не диковинка,
 Я видалъ чуда чудите того:
 Мужики на улицѣ заѣзки ²⁾ бьютъ,
 Заѣзки бьютъ, они рыбъ ловятъ!
 То вамъ не чудо, не диковинка,
 Я видалъ чуда чудите того:
 По поднебесью медвѣдь летить,
 Ушками, лапками помахииваетъ,
 Сѣрымъ хвостикомъ поправлииваетъ;
 На дубу кобыла бѣлку злаяла,
 Въ стойлѣ сука въ запрягѣ стоитъ,
 Въ оскѣ ³⁾ овца гнѣздо свила!
 И тому чуду не дивуйтеса:
 Съ горы корова на лыжахъ катитса,
 Разширя ноги, глаза выпуча!
 И то не чудо, не диковинка,
 Я видалъ чуда чудите того:
 Сынъ на матери снопы возилъ,
 Молода жена въ пристажи была;
 Сынъ матушку припонюживалъ ⁴⁾,

1) Кутя—собака (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 98). Вар: «курочка».
 2) Бзы—закомы для рыбной ловли (ibidem, стр. 69). 3) Оскѣ—изгорода
 изъ колева, отдѣляющая пажить отъ луговъ или селеніе отъ полей (ibidem,
 стр. 145). 4) Понуждалъ (нудилъ), подгонялъ.

Молоду жену призадёрживалъ!
 Я еще видѣлъ чудо-диковинку:
 Бьется сноха со свекровкою,
 Большимъ боёмъ бьются — жутовками,
 Ложками стрѣляли во чисто поле;
 Устрѣлили татарина мертваго,
 Каотанъ съ него сняли рогозаяный,
 Опоясочку съ него сняли лычану,
 Сапоги съ него сняли берестяные.
 Кто богатъ да скупъ: пиво не варить,
 Насъ молодець не кормить, не поить,
 Тому дастъ Богъ кошечье вздыханье,
 Собачье варыданье.
 Небогату да торовату,
 Кто пиво варить, насъ молодець поить.
 Дастъ Богъ на полѣ приплодъ,
 На гумнѣ примолотъ,
 Въ квашнѣ споринѣ ¹⁾,
 На столѣ савижинѣ ²⁾.
 Съ пива съ того приуцѣлся мужикъ,
 Приуцѣвшись, самъ на сараѣ лежить,
 У рта кроха — полтора колпана ³⁾....

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

---

1) Прибыль. 2) Частую пережѣву яствъ. 3) Колпакъ — большая чашка
 (Опытъ обл. великор. словаря стр. 88). Слѣди начало этой сказки съ
 былинно, напечатанном у Кирши Данилова (Древн. росс. стихотворенія,
 стр. 317).

СОЛНЦЕ, МЪСЯЦЪ И ВОРОНЪ ВОРОНОВИЧЪ.

Жилъ-былъ старикъ да старуха, у нихъ было три дочери. Старикъ пошелъ въ анбаръ кружку брать; взялъ кружку, понёсъ домой, а на мѣшкѣ-то была дырка: кружка-то въ нее сыплется да сыплется. Пришелъ домой. Старуха спрашиваетъ: «гдѣ кружка?» — а кружка вся высыпалась. Пошелъ старикъ собирать, и говоритъ: «какъ-бы Солнышко обогрѣло, какъ-бы Мѣсяцъ освѣтилъ, какъ-бы Воронъ Вороновичъ пособилъ мнѣ кружку собрать: за Солнышка бы отдалъ старшую дочь, за Мѣсяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую!» Сталъ старикъ собирать — Солнце обогрѣло, Мѣсяцъ освѣтилъ, а Воронъ Вороновичъ пособилъ кружку собрать. Пришелъ старикъ домой, сказалъ старшей дочери: «одѣнься хорошенько да выйди на крылечко.» Она одѣлась, вышла на крылечко; Солнце и утащило ее. Средней дочери также велѣлъ одѣться хорошенько и выйти на крылечко. Она одѣлась и вышла; Мѣсяцъ схватилъ и утащилъ вторую дочь. И меньшей дочери сказалъ: «одѣнься хорошенько да выйди на крылечко.» Она одѣлась и вышла на крылечко; Воронъ Вороновичъ схватилъ ее и унесъ.

Старикъ и говоритъ: «идти развѣ въ гости къ зятю.» Пошелъ къ Солнышку; вотъ и пришелъ. Солнышко говоритъ: «чѣмъ тебя подчивать?» — Я ничего не хочу. Солнышко сказало женѣ, чтобъ настрапала оладьевъ. Вотъ жена настрипала. Солнышко усѣлось среди полу, жена поставила на него сковороду — и оладья сжарились. Накорнили старика. Пришелъ старикъ домой, приказалъ старухѣ сострипаты оладьевъ; самъ съѣлъ на полѣ и велитъ ставить на себя сковороду съ

оладьями. «Чего на тебѣ испекутся!» говорить старуха. — Ничего, говорить, ставь, испекутся. Она и поставила; сколько оладыи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли. Нечего дѣлать поставила старуха сковороду въ печь, испеклись оладыи, нашлся старикъ.

На другой день старикъ пошелъ въ гости къ другому зятю, къ Мѣсяцу. Пришелъ; Мѣсяцъ говорить: «чѣмъ тебя подчивать?» — Я, отвѣчаетъ старикъ, ничего не хочу. Мѣсяцъ затопилъ про него баню. Старикъ говорить: «тѣмно, бывать¹⁾, въ банѣ-то будетъ!» А Мѣсяцъ ему: «вѣтъ, свѣтло; ступай.» Пошелъ старикъ въ баню, а Мѣсяцъ закичалъ персты²⁾ свой въ дырочку и отъ того въ банѣ свѣтло-свѣтло стало. Выпарился старикъ, пришелъ домой и велеть старухѣ топить баню ночью. Старуха истопила; онъ и посылаетъ ее туда париться. Старуха говорить: «тѣмно-париться-то!» — Ступай, свѣтло будетъ! Пошла старуха, а старикъ видѣлъ-то, какъ свѣтилъ ему Мѣсяцъ, и самъ туда-жъ — взялъ прорубилъ дыру въ банѣ и закичалъ въ нее свой перстъ. А въ банѣ свѣту висколько вѣтъ! Старуха знай кричитьъ ему: «тѣмно!» Дѣлать нечего, пошла она, принесла лучины съ огнемъ и выпарилась.

На третій день старикъ пошелъ къ Ворону Вороновичу. Пришелъ. «Чѣмъ тебя подчивать-то?» спрашиваетъ Воронъ Вороновичъ. — Я, говорить старикъ, ничего не хочу. «Ну, пойдешь хоть спать на сѣдала»³⁾. Воронъ поставилъ лѣстницу и полѣзли съ старикомъ. Воронъ Вороновичъ посадилъ его подъ крыло. Какъ старикъ заснулъ, они оба упали и убились.

---

1) Впрочемъ, можетъ быть (Опытъ областного великорус. словаря, стр. 18).

2) Пальчикъ. 3) Насѣсть.

ВАЗУЗА И ВОЛГА.

Волга съ Вазузой долго спорили, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе большаго почета. Спорили-спорили, другъ друга не переспорили, и рѣшились вотъ на какое дѣло. «Давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придетъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе, и почету достойнѣе.» Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и напрямѣе и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна.

(Записана въ тверской губерніи.)

КОВЫЛЯЧЬЯ ГОЛОВА ¹⁾.

Якъ бувъ дядь да баба, да у нихъ було дви дочкѣ: одна дидова, а друга бабина. У дядя була дочкѣ така, що всегда рано уставала да усе робила, а бабинѣя якъ бы ничого не робить! Ото разъ баба послала ихъ на поприхи: идить же, говорить, да щобъ мине багато наприли. Дидова дочкѣ до свита встала да усе приля; а бабина зъ вечера тильки якъ поприля трошки, да-й не

¹⁾ См. выпускъ 1, стр. 85—86.

пряла більши(е). Ураньци, якъ свить ставъ, пошли вони до дому; треба имъ було въ одномъ мѣсти черезъ перелазъ ¹⁾ лязти. Бабина дочка упередъ перелазла и говорить: «дэй мнѣ, сестрице, твои починки ²⁾; я подержу, покыль ты перелазышь.» Та їй одала; такъ вона ихъ забравши побигла до дему, да-й каже: «дывись, мамо, скыльки я напрала, а сестра якъ легла зъ вечера, дакъ и не уставала до свита!» А та прійшовши скыльки не божила, що то їй починки, дакъ куда — баба и слухать не хотила, одъ того що вона їй и по-перѣду не любила, да и навязалась на дйда: «дѣ хочешъ, тамъ и днѣ ³⁾ свою дочкѣ, тильки щобъ вона у мене дурно ⁴⁾ хляба не їла!» Отъ дидъ запригъ кобылу да посадывъ дочку на визъ, и самъ свизъ, да и поїхали. Јѣдутъ лисомъ, ажъ тамъ стоить хатка на куричій нижки. Дидъ узавъ дочкѣ да-й повивъ у хату, а хата була одчїнина⁵⁾, да й каже: «оставайся-жъ, дою ⁶⁾, тутъ, а я иду дровецъ нарубаю, щобъ було чимъ кашу зварить.» Да самъ пишовъ съ хати да-й поїхавъ, тильки привязавъ до оконцы колодочку. Колодочка стукне, а дочка и каже: «се мій батенько дровця рубае!» Коли стукотить, гуркотить ⁷⁾ кобыляча голова: «хто въ моїй хати, одчини!» Дивчина встала и одчинила. «Дивчино, дивчино! пересадъ черезъ порогъ.» Вона пересадла. «Дивчино, дивчино! постели мнѣ постель.» Вона постелала. «Дивчино, дивчино! положи мене на пѣлъ» ⁸⁾. Вона положила. «Дивчино, дивчино! укрїй мене.» Вона и укрїла. «Дивчино, дивчино! улизъ-же мнѣ у праве ухо, а у лѣве вылизъ.» Вона якъ вылизла изъ ушей, дакъ стала така хороша, що кращой ⁹⁾

1) Одно или два бревна, положенныя черезъ ручей или рѣчку (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 155). 2) Починокъ—пряжа, намотанная на веретено (ibidem, стр. 175). 3) Дзвѣй, дѣнь. 4) Даромъ. 5) Отворена. 6) Дочка. 7) Крѣчить, шумить. 8) Пѣлъ—возвышенный помостъ въ крестьянскихъ избахъ, закрѣпленный кроватю (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 168). 9) Богѣ крашевой.

не має. Зараз стали в лякєн, в конєн, в коляска; вона сїла у коляску да-й поїхала до батька. Приходить у хату, а батько їн не признав; а послє вона имь розказала, що зь нїю було. Оть баба упять пристає до дїда: «вези в мою дочкѹ туда, куда свою возивъ.» Дїдъ и бабину туда-жъ отвизъ, и посадивши у хати, велїв себе ждати, покиль винъ нарубаеть дровъ. Тильки та пождала трошки, начала плакати, що сама осталась у лѣсѹ; ажъ онять стукотить, гуркотить кобыляча голова: «кто въ моїй хати, одчини!» — Невелика пани — и сама одчинишь! каже дивчина. «Дивчино, дивчино! пересади мене черезъ порогъ.» — Невелика пани — и сама перелазить! «Дивчино, дивчино! постели мнє постіль.» — Невелика пани — и сама постелишь! «Дивчино, дивчино! положи мене на пилъ.» — Невелика пани — и сама ляжешъ! «Дивчино, дивчино! укрїй мене.» — Невелика пани — и сама укрїєшь! Тогда кобыляча голова схватилась и зъїла бабину дочкѹ, да ки(о)сточки въ жїшочку и повиєсла, а сама онять ушла. Собачка прибъжала до баби да начала брєхати: «гавъ, гавъ! дїдова дочкѹ якъ паночка, а бабиной дочкѹ у торбинци кїсточки!» Що прожене ¹⁾ баба їн, то вона онять и прибїжить. Тильки баба и говорить дїдови: «поїдь да подивись, що тамъ изъ моїй дочкѹю робица.» Оть дїдъ поїхавъ и привизъ у торбинци кїсточки, дакъ баба росердилась да собачку и убила.

42.

МОРОЗКО.

а. Жили были старикъ да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была

---

1) Прогонить.

ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Дѣвушка скота (яну) помла-кормила, дрова и водицу въ избу носила, печку топала, обрады ¹⁾ творила, избу мела и все убирала еще до свѣту; но старуха и тутъ была недовольна и на Марѳушу ворчала: экая лѣнивица, экая неряха! и голикъ-то не у мѣста, и не такъ-то стоять, и сорно-то въ избѣ. Дѣвушка молчала и плакала; она всячески старалась начихъ уноровить ²⁾ и дочерямъ ее услужить; но сестры, глядя на мать, Марѳушу во всёхъ обижали, съ нею вздорили ³⁾ и плакать заставляли: то ижъ и любо было! Сами онѣ поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистымъ полотенцемъ утирались и за работу садилась, когда пообедаютъ. Вотъ наши дѣвицы росли да росли, стали большими и слѣзались невѣстами. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Старикъ жалко было старшей дочери; онъ любилъ ее за то, что была послушная ⁴⁾ да работающая, никогда не упрямилась, что заставить, то и дѣлала, и ни въ чемъ слова не перекорила ⁵⁾; да не зналъ старикъ чѣмъ пособить горю. Самъ былъ хилъ, старуха ворчунья, а дочки ее лѣнивицы и упрямицы.

Вотъ наши старики стали думу думать: старикъ — какъ-бы дочерей пристроить, а старуха — какъ-бы старшую съ рукъ сбыть. Однажды старуха и говорить старикъ: «ну, старикъ! отдадимъ Марѳушу замужъ.» — Ладно ⁶⁾, сказалъ старикъ и побрѣлъ себѣ на печь; а старуха въ слѣдъ ему: «завтра встань, старикъ, ты пораньше, запряги кобылу въ дровни и поѣзжай съ Марѳуткой; а ты, Марѳутка, собери свое добро въ коробейку, да накинь бѣлую исподку ⁷⁾: завтра поѣдешь въ

---

1) Уборы женскіе, платья (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 135). 2) Приноровиться, прійтиться по праву. 3) Ссорилась. 4) Послушная 5) Не поперечала. 6) Ладно. 7) Чистую рубаху (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 75).

гости!» Добрая Мароуша рада была такому счастью, что увезуть ее въ гости, и сладко спала всю ночь; поутру рано встала, умылась, Богу помолилась, все собрала, чередомъ уложила, сама нарядилась, и была дѣвка — хоть куды невѣста! А дѣло-то было зимою и на дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Старикъ наутро, ни свѣтъ, ни зоря, запрѣгъ кобылу въ дровни, подвелъ ко крыльцу; самъ пришелъ въ избу, сѣлъ на конякъ и сказалъ: «ну, я все владилъ!» — Садитесь за столъ да жрите!¹⁾ сказала старуха. Старикъ сѣлъ за столъ и дочь съ собою посадилъ; хлѣбница²⁾ была на столѣ, онъ вынялъ челпаяъ³⁾ и нарушалъ⁴⁾ хлѣба и себѣ и дочери. А старуха межъ тѣмъ подала въ блюдѣ старыхъ щей и сказала: «ну, голубка, ѣшь да убирайся, я вдоволь на тебя наглядѣлась! Старикъ, увези Мароутку къ жениху; да мотри, старой хрычъ, поѣжай прямой дорогой, а тамъ сверни съ дороги-то направо, на боръ, — знаешь, прямо къ той большой соснѣ, что на пригоркѣ стоитъ, и тутъ отдай Мароутку за Морозка.» Старикъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и пересталъ хлѣбать, а дѣвка завывала. «Ну что тутъ юни-то распустила! Вить женихъ-то красавецъ и богачъ! Мотри-ко, сколько у него добра: всѣ ѣлки, мянды⁵⁾ и берѣзы въ пуху; житье-то завидное, да и самъ онъ богатырь!» Старикъ молча укладъ пожитки, велѣлъ дочери накинуть шубнякъ⁶⁾, и пустился въ дорогу. Долго ли ѣхалъ, скоро ли прѣхалъ — не вѣдаю: скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Наконецъ доѣхалъ до бору, своротилъ съ дороги и пустился прямо снѣгомъ по насту; забравшись въ глушь, остановился и велѣлъ дочери слѣзать, самъ поставилъ

1) Въ рукописи: «жрите». 2) Круглая коробка, лукошко, съ крышкой — для держанія хлѣба (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 248). 3) Неполчатой коровай хлѣба, пирогъ безъ начинки (*ibidem*, стр. 255). 4) Нарѣзаль. 5) Верхніе слои сосны (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 119). 6) Крестьянская баранья шуба (*ibidem*, стр. 268).

подъ огромной сосной коробо́йку и сказа́лъ: «сиди и жди же-
ниха, да мотри — принимай ласковѣ.» А послѣ заверотилъ
лошадь и домой.

Дѣвушка сидитъ да дрожитъ; ознобъ ее пробралъ. Хотѣла
она выть, да силъ не было: одни зубы только постукиваютъ.
Вдругъ слышитъ: невдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ,
съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Очуд(т)илса
онъ и на той соснѣ, подѣ коѣй дѣвица сидитъ, и сверху ей
говорить: «тепло ли те, дѣвица?» — Тепло, тепло, батюшко-
Морозушко! Морозко сталъ ниже спускаться, больше потрески-
вать и пощелкивать. Морозъ спросилъ дѣвицу: «тепло ли те,
дѣвица? тепло ли те, красная?» Дѣвица чуть духъ переводить,
но еще говоритъ: «тепло, Морозушко; тепло, батюшко!» Мо-
розко нуще затрещалъ и сильнѣе защелкалъ и дѣвицѣ ска-
залъ: «тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная? тепло ли
те, лапушка?» Дѣвица окостенѣвала и чуть слышно сказала:
«ой тепло, голубчикъ Морозушко!» Тутъ Морозко сжался,
окуталъ дѣвицу шубами и отогрѣлъ одеялами.

Старуха наутро мужу говоритъ: «позжай, старой хрычъ,
да буди молодых!» Старикъ заирѣтъ лошадь и поѣхалъ. Подѣ-
ѣхавши къ дочери, онъ нашелъ ее живую, на ней шубу хоро-
шую, фату дорогую, и коробъ съ богатыми подарками. Не го-
воря ни слова, старикъ сложилъ все на возъ, съѣлъ съ дочерью
и поѣхалъ домой. Приѣхали домой, и дѣвица бухъ въ ноги ма-
чихъ. Старуха взумилась, какъ увидѣла дѣвку живую, новую
шубу и коробъ бѣлая. «Э, сука! не обманешь меня.»

Вотъ спустиа немного старуха говоритъ старику: «увеза-ко
и моихъ-то дочерей къ жениху; онъ ихъ еще не такъ одарить!»
Нескоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ по-
утру рано старуха дѣтокъ своихъ накормила и, какъ слѣдуетъ,
подѣ вѣнецъ нарядила и въ путь отпустила. Старикъ тѣмъ-же
путемъ оставилъ дѣвокъ подѣ сосною. Наши дѣвицы сидятъ да

посиживают: «что это у матушки выдуманно — вдругъ обвѣхъ замужь отдавать? развѣ въ нашей деревнѣ нѣтъ и ребятъ! Неровенъ чортъ прѣдетъ и не знаешь какой!» Дѣвушки были въ шубякахъ, и тутъ имъ стало зябко. «Что, Параха? меня морозъ по кожѣ подираетъ. Ну какъ суженой-раженой не прѣдетъ, такъ мы здѣсь околѣемъ» 1). — Полно, Машка, вратъ! коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обѣдъ 2) на дворѣ. «А что, Параха, коли прѣдетъ одинъ, кого онъ возьмётъ?» — Не тебя ли, дурище? «Да, мотри тебя!» — Конечно меня. «Тебя! полно тебѣ ци(ы)ганить 3) да вратъ!» Морозко у дѣвушекъ руки ознобилъ, и наши дѣвицы сунули руки въ пазухи да опять за то же. «Ой ты, заспанная рожа! нехорошая тресса 4)! поганое рыло! пре(а)сть ты не ушѣешь, а перебирать и вовсе не смыслишь.» — Охъ ты, хвастунья! а ты что знаешь? только по бесѣдамъ ходить да облизываться. Посмотришь, кого скорѣе возьметъ! Такъ дѣвицы растобаривали и не въ шутку озябли; вдругъ онѣ въ одинъ голосъ сказали: «да кой храни! 5) что долго не йдетъ? вишь ты посижива!» Вотъ вдалекѣ Морозко началъ потрескивать и съ елки на елку поскакивать да пощелкивать. Дѣвицамъ послышалось, что кто-то ѣдетъ. «Чу, Параха! ужъ ѣдетъ да я съ колокольцомъ.» — Поди прочь, сука! я не слышу, меня морозъ обдираетъ. «А еще замужь нарохтишься!» И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе, да ближе; наконецъ очуд(т)ился на соснѣ, надъ дѣвицами. Онъ дѣвицамъ говоритъ: «тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя? тепло ли, мои голубушки?» — Ой, Морозко, больно студѣно! мы замерзли, ждѣмъ суженого, а онъ океанной сгнинулъ. Морозко сталъ

1) Замерзнемъ. 2) Обѣденная пора, полдень. 3) Насиживаться (Оп. обл. великорус. словаря, стр. 253). 4) Ругательное слово, прилагаемое людямъ сварливымъ и вздорнымъ (ibidem, стр. 232). 5) Бранное выраженіе; см. Опытъ обл. великорусск. словаря, стр. 250.

ниже спускаться, нуще потрескивать, и чаще пощелкивать. «Тепло ли вамъ, дѣвнцы? тепло ли вамъ, красныя?» — Поди ты къ чорту! развѣ слѣпъ, вишь у насъ руки и ноги отмерзали. Морозко еще ниже спустился, сильно приударилъ и сказалъ: «тепло ли вамъ, дѣвнцы?» — Убирайся ко всемъ чертямъ въ омутъ, сгинь окаянной! — и дѣвушки окостенѣли.

Наутро старуха мужу говоритъ: «запряги-ко ты, старикъ, пошевѣнки; положи охабочку сѣнца да возьми шубное опахало ¹⁾. Чай дѣвки-то приозбли; на дворѣ-то страшной морозъ! дамотри, воровѣй ²⁾ старой хрычъ!» Старикъ не успѣлъ и перекусить, какъ былъ ужь на дворѣ и на дорогѣ. Приѣзжаетъ за дочками и находитъ ихъ мертвыми. Онъ въ пошевѣнки дѣтокъ свалилъ, опахаломъ закуталъ и рогоз(ж)кой закрылъ. Старуха, увидя старика издалека, на встрѣчу выбѣгала и такъ его вспрошала: «что дѣтки? — Въ пошевняхъ. Старуха рогозку отвернула, опахало сняла и дѣтокъ мертвыми нашла. Тутъ старуха какъ гроза разразилась и старика разбранила: «что ты надѣлалъ, старой песъ? уходилъ ты моихъ дочекъ, моихъ кровныхъ дѣточекъ, моихъ ненаглядныхъ сѣмячокъ (сѣмячокъ), моихъ красныхъ ягодокъ! Я тебя ухватомъ прибую, кочергой зашибу!» — Полно, старая дрань! вишь ты на богатство польстилась, а дѣтки твои упрямыцы! Коля я виновать? ты сама захотѣла. — Старуха посердилась, побранилась да послѣ съ падчерицею помирилась, и стали они жить да быть, да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сусѣдъ, свадебку сыграли, и Мароуша счастливо живетъ. Старикъ внучатъ Морозкомъ страшшалъ и упрямыться не давалъ. Я на свадьбѣ былъ, мѣдъ-пиво пилъ, по усу текло, да въ ротъ не попало.

(Записана вологодской губерніи въ никольскомъ уѣздѣ.)

1) Покрывало, одѣяло (слнчн глаголъ: закрываться, закрывать). 2) Прокорѣе, скорѣе.

В. У мачихи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ — ничѣмъ не угодетъ, все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото, въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачихи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да затихнетъ, а старая баба расхочется — нескоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачиха падчерицу со двора согнать: «вези, вези, старикъ, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши объ ней не слыхали; да не вози въ роднымъ въ тёплую хату, а во чисто поле [на трескумъ-морозъ!]> Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посаждалъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой — и то побоялся; повёзъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобы глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творить. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!»—Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принёсъ по мою душу грѣшную 1). Морозъ хотѣлъ ее тукнуть 2) и заморозить; но полюбилъ ему ея умныя рѣчи, жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, подождала ножи, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!»—Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принёсъ по мою душу

---

1) *Вариантъ*: Идетъ Морозъ въ однихъ чулкахъ, въ однихъ сапогахъ. «Тепло-ль тебѣ, дѣвица? тепло-ль тебѣ, красная?» — Божье тепло, Божье и холодно! 2) Стукнуть, пришибить.

грѣшную. Морозъ пришелъ совѣсть не по душѣ, онъ привѣсь красной дѣвущкѣ сундукъ высокой да тяжелой, полный всякаго приданого. Усылась она въ шубочкѣ на сундукѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвущку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ, и золотомъ. Надѣла она и стала какая красавица, какая нарядница! сидитъ и шѣсенки пошѣваетъ. А мячиха по ней поминки справляетъ; напекла блиновъ. «Ступай, мужъ! вези коронить свою дочь.» Старикъ похвѣлъ. А собачка подъ столомъ: «тявь! тявь! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везуть, а старухину женихи не берутъ!»—Молчи, дура! на блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ! Собачка съѣла блинъ да опять: «тявь! тявь! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везуть, а старухину женихи не берутъ!» Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: «старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везуть, а старухину женихи не возьмутъ!»

Скригнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокой, тяжелой, идетъ падчерица — панья паньей сіветъ! Мячиха глянула — и руки врозь! «Старикъ, старикъ, запрагай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то-же поле, на то-же мѣсто.» Повѣзъ старикъ на то-же поле, посадилъ на то-же мѣсто. Пришелъ и Морозъ-красной носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поспѣвалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; рассердился, хватилъ ее и убилъ. — «Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да савей не повали, да сундукъ не оброни!» А собачка подъ столомъ: «тявь! тявь! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ шѣшкѣ косточки везуть!» — Не ври! на пирогъ. скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везуть! Растворилися

ворота, старуха выбѣжала встрѣтъ (чатъ) дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

(Записана въ курской губерніи.)

43.

СТАРУХА-ГОВОРУХА.

И день, и ночь старуха ворчить, какъ у ней языкъ не заболить? а все на надчеряцу: и не умна, и не статна! пойдеть и прійдетъ, станеть и сядеть—все не такъ, не впопадъ! съ утра до вечера какъ заведенныя гусли. Надоѣла мужу, надоѣла всѣмъ, хотъ со двора бѣжи! Запрѣгъ старикъ лошадь, затѣялъ въ городъ просо везть, а старуха кричить: «бери и надчеряду, вези хотъ въ темный лѣсъ, хотъ на путь, на дорогу, только съ моей шею долой!» Старикъ повѣзъ. Дорога дальняя, трудная, все боръ да болото, гдѣ кинуть дѣвку? Видить: стойтъ избушка на курьихъ ножкахъ, пирогомъ подперта, блиномъ накрыта, стойтъ—перевертывается. Въ избушкѣ, подумалъ, лучше оставить дочь, ссадилъ ее, далъ проса на кашу, ударилъ по лошади и укатилъ изъ виду. Осталась дѣвка одна; натолкла проса, наварила каши много, а ѣсть некому. Пришла ночь длинная, жуткая; спать — бока пролежишь, глядѣть — глаза проглядишь, слова молвить не съ кѣмъ, и скучно, и страшно! Стала она на порогъ, отворила дверь въ лѣсъ и зовѣтъ: «кто въ лѣсъ, кто въ тѣнномъ — приди ко мнѣ гостевать!» Лѣшій откликнулся, скинулся ¹⁾ молодцомъ, новгородскимъ купцомъ, прибѣжалъ и подарочекъ принѣсъ. Нынче придѣтъ — покалякаетъ ²⁾, завтра придѣтъ—гостинецъ принесѣтъ; увалился ³⁾,

1) Прикинулся, оборотился. 2) Поболтаетъ, поговоритъ. 3) Повалился.

наносилъ столько, что дѣвать некуда! А старуха-говору-ха и скучила ¹⁾ безъ падчерицы, въ избѣ у ней стало тихо, на животѣ тошно, азыкъ пересохъ. «Ступай, мужъ, за падчерицей, со дна моря ее достань, изъ огня выхвати! я стара, я хила, за мной походить нѣкому.» Послушался мужъ; прѣехала падчерица, да какъ раскрыла сундукъ да развѣсила добро на веревочки отъ избы до воротъ, — старуха было разинула ротъ, хотѣла по своему встрѣтить, а какъ увидѣла — губки сложила, подъ святые ²⁾ гостью посадила, и стала величать ее да приговаривать: чего изволишь, моя сударыня?

(Записана въ курской губерніи.)

44.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ купецъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ онъ въ супружествѣ и прижилъ только одну дочь Василису прекрасную. Когда мать скончалась, дѣвочкѣ было восемь лѣтъ. Умирая, купчиха призвала къ себѣ дочку, вынула изъ-подъ одеяла куклу, отдала ей и сказала: «слушай, Василисушка! помни и исполни послѣднія мои слова. Я умираю и видѣть съ родительскимъ благословіемъ оставляю тебѣ вотъ эту куклу; береги ее всегда при себѣ и никому не показывай; а когда приключится тебѣ какое горе, дай ей поѣсть и спроси у нея совѣта. Покушаетъ она, и скажетъ тебѣ, чѣмъ помочь несчастью.» Затѣмъ мать поцѣловала дочку и померла.

Послѣ смерти жены, купецъ потужилъ, какъ слѣдовало, а потрѣмъ сталъ думать, какъ-бы опять жениться. Онъ былъ человѣкъ хорошій; за невѣстами дѣло не стало, но больше всѣхъ

1) Соскучилась. 2) Иконы (т. е. въ передній уголъ).

по праву пришла къ нему одна вдовушка. Она была уже въ лѣтахъ, нѣла своихъ двухъ дочерей, почти однолѣтокъ Василисѣ, — стало быть и хозяйка, и мать опытная. Кунецъ женился на вдовушкѣ, но обманулся и не нашелъ въ ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачиха и сестры завидовали ея красотѣ, мучили ее всевозможными работами, чтобъ она отъ трудовъ похудѣла, а отъ вѣтру и солнца почернѣла; совсѣмъ житья не было! Василиса все переносила безропотно и съ каждыиъ днемъ все хорошѣла и полнѣла, а между тѣмъ мачиха съ дочками своими худѣла и дурнѣла отъ злости, не смотря на то, что онѣ всегда сидѣли сложа руки, какъ барыни. Какъ же это такъ дѣлалось? Василисѣ помогала ея куколка. Безъ этого гдѣ бы дѣвочки сладить со всею работою! За то Василиса сама, бывало, не съѣсть, а ужъ куколкѣ оставить самый лакомый кусочекъ, и вечеромъ, какъ всѣ улягутся, она заперется въ чуланчикѣ, гдѣ жила, и подбиваетъ ее, приговаривая: «на, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я въ домѣ у батюшки, не вижу себѣ никакой радости, злая мачиха гонитъ меня съ бѣлаго свѣта; научи ты меня, какъ мнѣ быть и жить и что дѣлать?» Куколка покушаетъ, да потомъ и даетъ ей совѣты и утѣшаетъ въ горѣ, а наутро всякую работу справляетъ за Василису; та только отдыхаетъ въ холодочкѣ да рвѣтъ цвѣточки, а у нея ужъ и гряды выполоты, и кашуста полита, и вода напошена, и печь вытоплена. Куколка еще укажетъ Василисѣ и травку отъ загару. Хорошо было жить ей съ куколкой.

Прошло нѣсколько лѣтъ; Василиса выросла и стала невѣстой. Всѣ женихи въ городѣ присватываются къ Василисѣ; на мачихинныхъ дочерей никто и не посмотритъ. Мачиха злится хуже прежняго и всѣмъ женихамъ отвѣчаетъ: «не выдамъ меньшей прежде старшихъ»; а проводи жениховъ, побоями вымѣщаетъ зло на Василисѣ.

Вот однажды кунцу понадобилось увязать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Мачиха и перешла на житье въ другой домъ, а возлѣ этого дома былъ дремучій лѣсъ, а въ лѣсу на полянѣ стояла набушка, а въ набушкѣ жила баба-яга: никого она къ себѣ не подпускала и ѣла людей, какъ цыплатъ. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дѣло посылала за чѣмъ-нибудь въ лѣсъ ненавистную ей Василису, но эта всегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала къ набушкѣ бабы-яги.

Пришла осень. Мачиха раздавала всѣмъ тремъ дѣвушкамъ вечернія работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису пряхать, и всѣмъ по урокамъ. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку тамъ, гдѣ работали дѣвушки, и сама легла спать. Дѣвушки работали. Вотъ нагорѣло на свѣчкѣ; одна изъ мачихиныхъ дочерей взяла щипцы, чтобъ поправить свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, какъ будто нечаянно и потушила свѣчку. «Что теперь намъ дѣлать? говорили дѣвушки; огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ бабѣ-ягѣ!»—Мнѣ отъ булавокъ свѣтло! сказала та, что плела кружево; я не пойду. — И я не пойду, сказала та, что вязала чулокъ; мнѣ отъ спиць свѣтло! Тебѣ за огнемъ идти, закричали объ; ступай къ бабѣ-ягѣ!» и вытолкали Василису изъ горницы. Василиса пошла въ свой чуланчикъ, поставила передъ куклою приготовленный ужинъ и сказала: «на, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылаютъ за огнемъ къ бабѣ-ягѣ; баба-яга съестъ меня!» Куколка поѣла и глаза ей заблестѣли, какъ двѣ свѣчки. «Не бойся, Василисушка! сказала она, ступай, куда посылаютъ; только меня держи всегда при себѣ. При мнѣ ничего не случится съ тобой у бабы яги.» Василиса собралась, положила куколку свою въ карманъ, и перекрестившись, пошла въ дремучій лѣсъ.

Идетъ она и дрожитъ. Вдругъ скачетъ мимо ея всадникъ: самъ бѣлой, одѣтъ въ бѣломъ, конь подъ нимъ бѣлой и сбруа на конѣ бѣлая, — на дворѣ стало разсвѣтать.

Идетъ она дальше, какъ скачетъ другой всадникъ: самъ красной, одѣтъ въ красномъ и на красномъ конѣ, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только къ слѣдующему вечеру вышла на полянку, гдѣ стояла избушка яги-бабы; заборъ вокругъ избы изъ человѣчьихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе, съ глазами; вмѣсто вереи у воротъ — ноги человѣчи, вмѣсто запоровъ — руки, вмѣсто замка — ротъ съ острыми зубами. Василиса обомлѣла отъ ужаса и стала какъ вкопанная. Вдругъ ѣдетъ опять всадникъ: самъ черной, одѣтъ во всемъ черномъ и на черномъ конѣ; подсканала къ воротамъ бабы яги и исчезъ, какъ сквозь землю провалился, — настала ночь. Но темнота продолжалась недолго; ужасъ череповъ на заборѣ засвѣтились глаза и на всей полянѣ стало свѣтло, какъ среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бѣжать, оставалась на мѣстѣ.

Скоро послышался въ лѣсу страшной шумъ: деревья трещали, сухіе листья хрустѣли; выѣхала изъ лѣсу яга-баба — въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ замечаетъ. Подѣхала къ воротамъ, остановилась, и обнюхавъ вокругъ себя, закричала: «оу, оу! русскимъ духомъ пахнетъ! кто здѣсь?» Василиса подошла къ старухѣ со страхомъ, и низко поклонясь, сказала: «это я, бабушка! Мачихины дочери прислали меня за огнемъ къ тебѣ.» — Хорошо, сказала яга-баба, знаю я ихъ, поживи ты напередъ да поработай у меня, тогда и дамъ тебѣ огня; а коли нѣтъ, такъ я тебя съѣмъ! Потомъ оборотилась къ воротамъ и вскрикнула: «эй, запоры мои крѣпкіе, отоменитесь; ворота мои широкія, отворитесь!» Ворота отворились и баба яга выѣхала поспытывая, за нею вошла Василиса, а по-

тежь опять все занерлось. Войдя въ горницу, баба-яга растянулась и говорить Василисѣ: «подавай-ка сюда, что тамъ есть въ печи; я ѣсть хочу.» Василиса зажгла лучину отъ тѣхъ череповъ, что на заборѣ, и начала таскать изъ печки да подавать ягѣ кушанье, а кушанья настряпано было человѣкъ на десять; изъ погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съѣла, все выпила старуха; Василисѣ оставила только щецъ немножко, краюшку хлѣба да кусочекъ поросятинны. Стала яга-баба спать ложиться, и говорить: «когда завтра я уѣду, ты смотри — дворъ вычисти, избу вымети, обѣдъ состряпай, бѣлье приготовь, да пойдя въ закрошь, возьми четверть пшеницы и очисти ее отъ чернушки ¹⁾. Да чтобъ все было сдѣлано, а не то — съѣмъ тебя!» Послѣ такого наказу баба-яга захрапѣла; а Василиса поставила старухины обѣдаки передъ куколку, заилася слезами и говорила: «на, куколка, покушай, моего горш послушай! тяжелую дала мнѣ яга-баба работу и грозитъ съѣсть меня, коли всего не исполню; помоги мнѣ!» Кукла отвѣтила: «не бойся, Василиса прекрасная! поужинай, помолися да спать ложися; утро мудренѣе вечера!»

Ранѣшенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула въ окно: у череповъ глаза потухаютъ; вотъ мелькнулъ бѣлой всадникъ — и совѣшь разсвѣло. Баба-яга вышла на дворъ, свистнула — передъ ней явилась ступа съ пестомъ и помеломъ. Промелькнулъ красной всадникъ — взошло солнце. Баба-яга съѣла въ ступу и выѣхала со двора, пестомъ ного влетѣть, помеломъ слѣдъ замечаетъ. Осталась Василиса одна, осмотрѣла дошъ бабы-яги, поднялась изобилью во всешь, и остановилась въ раздумьѣ: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядитъ, а вся работа уже сдѣлана; куколка выби-

1) Чернуха — ягель, родъ полевого дикаго гороха (Словарь Академ. Росс., ч. VII, стр. 703).

рала изъ пшеницы послѣднія зерна чернушки. «Ахъ ты, забавительница моя! сказала Василиса куколкѣ, ты отъ бѣды меня спасла.» — Тебѣ осталось только обѣдъ сострипать, отвѣчала куколка, вѣзая въ карманъ Василисы; сострипай съ Богомъ, да и отдыхай на здоровье! — Къ вечеру Василиса собрала на столъ и ждетъ бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнулъ за воротами черной всадникъ — и совсѣмъ стемнѣло; только свѣтились глаза у череповъ. Затрещали деревья, задрустѣли листья — ѣдетъ баба-яга. Василиса встрѣтила ее. «Все ли сдѣлано?» спрашиваетъ яга. — Изволь посмотрѣть сама, бабушка! молвила Василиса. Баба-яга все осмотрѣла, полосадовала, что не за что разсердиться, и сказала: ну, хорошо! Потомъ крикнула: «вѣрные мои слуги, сердечные други, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рукъ, схватили пшеницу и унесли вонъ изъ глазъ. Баба-яга наѣлась, стала ложиться спать и опять дала приказъ Василисѣ: «завтра сдѣлай ты тоже, что и нынче, да сверхъ того возьми изъ закрома макъ да очисти его отъ земли, по зернышку; вшь кто-то по злобѣ земли въ него напѣшалъ!» Сказала старуха, повернулась къ стѣнѣ и захрапѣла, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поѣла и сказала ей по вчерашнему: «молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе, все будетъ сдѣлано, Василисушка!»

Наутро баба-яга опять уѣхала въ ступѣ со двора, а Василиса съ куколкой всю работу тотчасъ исправилъ. Старуха воротилась, оглядѣла все и крикнула: «вѣрные мои слуги, сердечные други, выжмите изъ маку масло!» Явились три пары рукъ, схватили макъ и унесли изъ глазъ. Баба-яга сѣла обѣдать; она ѣсть, а Василиса стоитъ молча. «Что-жъ ты ничего не говоришь со мною? сказала баба-яга; стойшь, какъ нѣман!» — Не смѣда, отвѣчала Василиса, а если позволишь, то мнѣ хотѣлось бы спросить тебя кой-о-чемъ. «Спрашивай; только не всякой вопросъ къ добру ведетъ: много будешь знать, скоро

состарѣшься!» — Я хочу спросить тебя, бабушка, только о томъ, что видѣла: когда я шла къ тебѣ, меня обогналъ всадникъ на бѣломъ конѣ, самъ бѣлой и въ бѣлой одежѣ; кто онъ такой? «Это день мой ясной!» отвѣчала баба-яга. — Потомъ обогналъ меня другой всадникъ на красномъ конѣ, самъ красной и весь въ красномъ одѣтъ; это кто такой? «Это мое солнышко красное!» отвѣчала баба-яга. — А что значитъ чернѣй всадникъ, который обогналъ меня у самыхъ твоихъ воротъ, бабушка? «Это ночь моя темная — всё мои слуги върыше!» Васялиса вспомнила о трехъ парахъ рукъ и молчала. «Что-жь ты еще не спрашиваешь?» молвила баба-яга. — Будетъ съ меня в этого; сама-жь ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состарѣшься. «Хорошо, сказала баба-яга, что ты спрашиваешь только о томъ, что видѣла за дворомъ, а не во дворѣ! я не люблю, чтобъ у меня соръ изъ избы выносили, и слишкомъ любопытныхъ ѣтъ! Теперь я тебя спрошу; какъ успѣваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебѣ?» — Мнѣ помогаетъ благословеніе моей матери, отвѣчала Васялиса. «Такъ вотъ что! Убирайся же ты отъ меня, благословенная дочка! не нужно мнѣ благословенныхъ.» Вытащила она Васялису изъ горницы и вытолкала за ворота, сняла съ забора одинъ черепъ съ горящими глазами и, натянувъ на палку, отдала ей и сказала: «вотъ тебѣ огонь для мачихиныхъ дочекъ, возьми его; онъ вѣдь за этимъ |тебя сюда и прислалъ.»

Бѣгомъ пустилась домой Васялиса, при свѣтѣ черепа, который погасъ только съ наступленіемъ утра, и наконецъ къ вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя къ воротамъ, она хотѣла было бросить черепъ; вѣрво дома, думаетъ себѣ, ужъ больше въ огнѣ не нуждаются. Но вдругъ послышался глухой голосъ изъ черепа: «не бросай меня, носи къ мачихѣ!» Она заглянула на домъ мачихи, и не вида ни въ одношь оконъ огонька, рѣшилась идти туда съ черепомъ. Впервые встрѣ-

тля ея ласково и рассказала, что съ той поры, какъ она ушла, у нихъ не было въ домѣ огня: сами высѣчь никакъ не могли, а который огонь приносили отъ сосѣдей — тотъ погасалъ, какъ только входили съ нимъ въ горницу. «Авось твой огонь будетъ держаться!» сказала мачиха. Внесли черепъ въ горницу; а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачиху и ея дочерей, такъ и жгутъ! Тѣ было прятаться, но куда не бросится — глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ; къ утру совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла черепъ въ землю, заперла домъ на замокъ пошла въ городъ и попросилась на житье къ одной безродной старушкѣ; живеть себѣ и поджидаетъ отца. Вотъ какъ-то говорить она старушкѣ: «скучно мнѣ сидѣть безъ дѣла, бабушка! Сходи, купи мнѣ льну, самаго лучшаго; я хоть прастъ буду.» Старушка купила льну хорошаго; Василиса сѣла за дѣло, работа такъ и горитъ у нея и пряжа выходитъ ровная да тонкая, какъ волосокъ. Набралось пражки много; пора бы и за тканье приниматься, да такихъ бердъ не найдуть, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сдѣлать-то. Василиса стала просить свою куколку; та и говорить: «принеси-ка мнѣ какое-нибудь старое бердо да старой челнокъ, да лошадиной гривы; я все тебѣ смастерю.» Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славной станъ. Къ концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вмѣсто нитки продѣть можно. Весною полотно выбѣлила, и Василиса говорить старухѣ: «продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себѣ.» Старуха взглянула на товаръ и ахнула: «вѣтъ, дятятко! такого полотна кромѣ царя носить никому; понесу во дворецъ.» Пошла старуха къ царскимъ палатамъ, да все мимо оконъ похаживаетъ. Царь увидалъ и спросилъ: «что тебѣ, старушка, надобно?» — Ваше царское величество, отвѣчаетъ старуха, я привнесла диковинный товаръ; никому,

окромѣ тебя, показать не хочу. Царь приказала впустить къ себѣ старуху и какъ увидѣлъ полотно — вздвинулся. «Что хочешь за него?» спросилъ царь. — Ему цѣны нѣтъ, царь-ба-тюшка! я тебѣ въ даръ его принесла. Поблагодарилъ царь и отпустилъ старуху съ подарками.

Стали царю изъ того полотна сорочки шить; вскрыли, да нигдѣ не могли найти швен, которая взялась бы ихъ работать. Долго искали; наконецъ царь позвалъ старуху и сказалъ: «умѣла ты напрясть и соткать такое полотно, умѣй изъ него и сорочки сшить.» — Не я, государь, прела и соткала полотно, сказала старуха: это работа приемыша моего — дѣвочки. «Ну такъ пусть и сошьетъ она!» Воротилась старушка домой и рассказала объ всемъ Василисѣ. «Я знала, говорить ей Василиса, что эта работа моихъ рукъ не минуешь.» Заперлась въ свою горницу, принялась за работу; шила она не покладываячи рукъ, и скоро дюжина сорочекъ была готова. Старуха понесла къ царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, одѣлась и сѣла подъ окношъ. Сидитъ себѣ и ждетъ, что будетъ. Видитъ: на дворъ къ старухѣ идетъ царской слуга; вошелъ въ горницу и говоритъ: «царь-государь хочетъ видѣть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее изъ своихъ царскихъ рукъ.» Пошла Василиса и явилась предъ очи царскія. Какъ увидѣлъ царь Василису прекрасную, такъ и влюбился въ нее безъ namati. «Нѣтъ, говорить онъ, красавица моя! не разстанусь я съ тобою; ты будешь моей женою.» Тутъ взялъ царь Василису за бѣлыя руки, посадилъ ее подлѣ себя, а танъ и свадьбу сыгралъ. Скоро воротился и отецъ Василисы, пораздовался объ ея судьбѣ и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла къ себѣ, а куколку по конецъ жизни своей всегда носила въ карманѣ.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА, БРАТЕЦЪ ИВАНУШКА¹⁾.

а. Идутъ двое сиротокъ — сестрица Алenuшка съ братцемъ Иванушкой по дальнему пути, по широкому полю, а жаръ-то, жаръ ихъ донимаетъ. Захотѣлось Иванушкѣ пить: «сестрица Алenuшка, я пить хочу!» — Подожди, братецъ, дойдемъ до колодца. Шля, шля, — солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ! Стоитъ коровье копытцо полно водицы. «Сестрица Алenuшка, хлебну я изъ копытца?» Не пей, братецъ; теленочкомъ синнешься! Братецъ послушался, пошелъ дальше. Солнце высоко, колодезь, далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ! Стоитъ лошадиное копытцо полно водицы. «Сестрица Алenuшка, напьюсь я изъ копытца?» — Не пей, братецъ; жеребеночкомъ станешь. Вдохнулъ Иванушка, опять пошелъ. Солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ! Стоитъ баранье копытцо полно водицы. Братецъ увидѣлъ его, и не спросясь съ Алenuшкой, выпилъ до дна. Алenuшка зоветъ Иванушку, а вмѣсто Иванушки за ней бѣжитъ бѣленькой баранчикъ. Догадалась она, залилась слезами, сѣла подъ стожекъ — плачетъ, а баранчикъ возлѣ нея по травочкѣ скачетъ. Бѣжалъ мимо барянь, остановился и спрашиваетъ: «о чемъ ты, красная дѣвушка, плачешь?» Разказала она ему свою бѣду. «Поди, говоришь, за меня; я тебя наряжу и въ платье и въ серебро и баранчика не погину: гдѣ будешь ты, тамъ будетъ и онъ.» Алenuшка согласилась; обвинчались и жили такъ, что добрые люди глядя на нихъ радовались, а дурные завидовали.

---

1) Смотри выпускъ II-й, № 29.

Однѣ разъ мужа не было дома, Аленушка оставалась одна. Вѣдьма навязала ей на шею камень и бросила въ воду, а сама нарядилась въ ея платье и заселилась въ барскихъ палатахъ; никто ее не распознавалъ, самъ мужъ обманулся. Одному баранчику все было вѣдомо, однѣ онъ печалился, повѣсилъ голову, не бралъ корму, и утро и вечеръ ходилъ около воды по бережку да кричалъ: бя, бя! Узнала о томъ вѣдьма и не любо ей стало; велѣла разложить костры высокіе, разогрѣть котлы чугунные, наточить ножи булатные, и говоритъ: «барана надо зарѣзати!» Послала слугу его поймать. Мужъ дивится: какъ жена то любила барана, мнѣ надобла — пой его, корми его, а то велитъ рѣзати! А баранчикъ спровѣдалъ, что ему недолго жить, легъ на бережку и причитываетъ:

«Аленушка, сестрица моя!
Меня хотять зарѣзати;
Костры кладуть высокіе,
Котлы грѣють чугунные,
Ножи точать булатные.»

Аленушка ему въ отвѣтъ:

«Ахъ, братецъ мой Иванушка!
Тяжелъ камень шею перетѣрь,
Шелкова трава на рукахъ свилась,
Желты пески на груди легли!»

Человѣкъ слушаетъ, что за чудо? Пошелъ, сказалъ барину; стали оба караулить. Баранчикъ пришелъ и опять сталъ вызывать Аленушку и плакаться надъ водою: «сестрица моя, Аленушка! меня хотять зарѣзати; костры кладуть высокіе, котлы грѣють чугунные, ножи точать булатные!» Аленушка ему въ отвѣтъ:

«Ахъ, братецъ мой Иванушка!
Тяжелъ камень шею перетѣрь,
Шелкова трава на рукахъ свилась,
Желты пески на груди легли!»

—Людей! людей! закричал баринъ; собирайся челядь дворовая, запуская невода, закидай съти шелковыя! Собралась челядь дворовая, закинула съти шелковыя; Алёнушка и поймалась. Вытащили ее на бережокъ, отрѣзали камень, окунули ее, сполоснули въ чистой водѣ, бѣлыми полотномъ обернули, и стала она еще лучше, чѣмъ была, и обняла своего мужа. Баранчикъ сталъ опять братецъ Иванушка, и зажили всѣ по старому, по хорошему, только вѣдьмѣ досталось; ну, да ей, говорить, туда и дорога, объ такой не жалѣють!

(Записана въ курской губерніи.)

в. Жили сестрица и братицъ и пашли они въ лѣсъ на ягды. Шли, шли; вотъ ны дороги ляжить лыжняина капытца съ вадидый, вотъ братицъ и гварить: «сестрица, я пять хачу; а въ этомъ капытцѣ нашьюсь.» — Нѣтъ, ни пей, братицъ! ка-няшка будишь. Ицо шли, шли, корова капытца стоять. «Сестрицъ, сестрицъ! я пять хачу.»—Нѣтъ, ни пей; бычокъ будишь. Шли, шли; стоять авеча капытца. «Сестрицъ, сестрицъ! я нашьюсь.»—Нѣтъ, ни пей; баранчикъ будишь. Шли, шли, стоять козина капытца. «Сестрицъ, сестрицъ! я нашьюсь.» — Нѣтъ, ни пей; а то казѣльчикъ будишь. Пашли дальши; онъ не утирибѣлъ, атварнулся и выпился, и обратился казѣльчикашъ, бѣжить и бліётъ ¹⁾. «Я гварила тибѣ: ни пей!» Идутъ, баринъ ѣдитъ и гварить: «продай, дѣвушка, казѣльчана.» — Нѣтъ, онъ у меня ни продажный; это мой братицъ, а ни казѣльчякъ! Баринъ взялъ обѣихъ ихъ, увѣсь, и на дѣвушкѣ живиися, и казѣльчика ласкалъ.

Вотъ баринъ уѣзжалъ, а эту жану аво Алёнушку дворовыя ненавидили, взяли привязали ей на шею камень большицй и бросили въ рѣку; а вѣста её другая убралась въ её платья.

1) Отъ «блѣять».

Баринъ прѣхалъ и ни узналъ. Эта другая жана хатѣла извѣсть и казѣльчика, и выгѣла барину зарѣзати яво: «я, гварить, хачу казавныва мясца!» Баринъ выгѣлъ слугамъ зарѣзати казѣльчика. Казѣльчикъ пачуиъ, приходитъ къ барину и гварить: «баринъ, баринъ! пусти мина на рѣчку вадяцы испить, кишочки прамыть; твоей барыни лучше будати кушати!» — Ступай, ды ни угадаи. Онъ пашолъ, ны биряшку сѣлъ и сталъ кричати: «Алѣнушка, сестрицушка, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; мина казла хатати рѣзати, нажи точуть булатныя, катлы кипять нишѣцкія, агни гарять всё жаркія!» А ана яму гварить, выныривая изъ ряки: «Иванушка, радимый мой, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; чижолъ каминь ка дну ташить, бѣла-рыба глаза вышла, люта змія сер(д)ца выс(о)сыла, шелкава трава ноги спутыла!» Казѣльчикъ пашолъ дамой, пылижалъ и апать у барина проситца ны ряку; баринъ пустилъ и пашолъ засѣдаиъ слугу пысмаириъ: зачѣиъ онъ чарста ходити туда. Казѣльчикъ сѣлъ ны биряшку и апать закричалъ: «Алѣнушка, сестрицушка, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; мина казла хатати рѣзати, нажи точуть булатныя, катлы кипять нишѣцкія, агни гарять всё жаркія!» Ана яму гварить: «Иванушка, радимый мой, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; чижолъ каминь ка дну ташить, бѣла-рыба глаза вышла, люта змія сердца выс(о)сыла, шелкава трава ноги спутыла!» Пришли дамой, слуга ничаво ни сказаиъ барину; а казѣльчикъ нишюшка пывариулся и апать проситца у барина на рѣчку вадяцы испить, кишочки прамыть. Баринъ апустилъ и самъ пашолъ засѣдаиъ. Казѣльчикъ сѣлъ ны биряшкѣ и сталъ апать кричати: «Алѣнушка, сестрицушка, мина казла хатати рѣзати, нажи точуть булатныя, катлы кипять нишѣцкія, агни гарять всё жаркія!»—И ана выныриваити изъ ряки и гварить стала: «Иванушка, радимый мой!...» Кы(а)къ баринъ-та угадаиъ, ды вдрухъ кинитца и выт(а)шилъ еѣ; узнаиъ аба всеиъ.

всѣхъ пириѣхъ, а котора намѣста её здѣлывалась, (ту) прагналъ; а съ этымъ началъ жить, пыживать на прежнюю, и казѣльчику стала храло ¹⁾.

(Записана въ тамбовской губерніи.)

БѢЛАЯ УТОЧКА.

Одинъ князь женился на прекрасной княжизѣ, и не успѣлъ еще на нее наглядѣться, не успѣлъ съ нею наговориться, не

1) *Вариантъ:* Жилъ старикъ со старухой. У нихъ былъ сынокъ Иванушка и дочка Оленушка. Отецъ послалъ ихъ въ лѣсъ за ягодами. Они пошли; пришли въ лѣсъ и нашли земляночку. Оленушка сказала: «давай, братецъ, взойдемъ въ эту землянку.» Взошли и увидѣли: лежить на печи и спитъ яга-баба. Они сѣли на лавку и стали играть Оленушкинымъ кольчикомъ. Долго ли, коротко ли въ ней посидѣли; потомъ вышли изъ землянки. Отойдя немножко, Оленушка сказала: «охъ, братецъ Иванушка! я кольчикъ-то позабыла въ землянкѣ на окошечкѣ; поди, возьми его, да смотри не лжи козлиного сальца, что на лавочкѣ лежить.» Помоги Иванушка и дорогою самъ съ собою думаетъ: что жнѣ сестрица не велѣла лизать сальца? Пришелъ въ землянку, взялъ кольчикъ и лизнулъ сальца, да и сдѣлался козломъ. Надѣлъ кольчикъ на рога, бѣжитъ къ Оленушкѣ и блеетъ по козлиному. «Охъ, ты дурачекъ Иванушка! говоритъ Оленушка, вить я тебѣ наказывала, чтобы не лизалъ сальца; а ты не послушалъ таки меня!» . . . Взялъ ихъ баринъ къ себѣ, и живутъ они у него съ годъ времени. Вотъ пришла къ Оленушкѣ дочери яга-баба, зовуть ее купаться. Долго она отказывалась; наконецъ уговорили. Пришли къ водѣ, скинули съ себя рубашки, ползали въ воду. Ягни дочери привязали Оленушкѣ на шею камень и пустили съ ними въ воду . . . . Козленочекъ ходитъ на бережокъ и горько плачетъ, приговаривая: «Оленушка, сестрица моя! ты выдь ко мнѣ, ты выгляни. Я братецъ твой, Иванушка, пришелъ къ тебѣ съ нерадостной вѣсточкой, меня козла убить хотѣтъ, зарѣзати . . . Оленушка изъ воды отвѣчаетъ ему: «Охъ, братецъ мой, Иванушка! я рада бы къ тебѣ выглянуть, тяжелъ камень ко дну тянетъ . . . . Служи пошли за козленочкомъ, и какъ на его голосъ выглянула изъ рѣки Оленушка — они тотчасъ свѣтили ее и вытащили на берегъ. Баринъ взялъ Оленушку къ себѣ въ домъ, а козла Иванушку пустилъ въ садъ гулять, а дочерей яга-бабы приказалъ растрѣлать.

(Записана въ саратовской губерніи.)

успѣлъ ее наслушаться, а ужь надо было имъ разставаться, надо было ему ѣхать въ дальній путь, покидать жену на чужихъ рукахъ. Что дѣлать! говорить, вѣкъ обьявившись не преслѣдѣть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривалъ, заповѣдывалъ не покидать высока берега, не ходить на бесѣду, съ дурными людьми не ватажиться, худыхъ рѣчей не слушаться. Княгиня обѣщала все исполнить. Князь уѣхалъ; она заперлась въ своемъ покоѣ и не выходитъ. Долго ли, коротко ли, пришла къ ней женщина, казалось — такая простая, сердечная! «Что, говорить, ты скучаешь? хоть бы на божій свѣтъ поглядѣла, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила» ¹⁾. Долго княгиня отговаривалась, не хотѣла, наконецъ подумала: по саду походить не бѣда, и пошла. Въ саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, говорить женщина, день такой жаркой, солнце палитъ, а вода студѣная — такъ и плещетъ, не скупаться ли намъ здѣсь?» — Нѣтъ, нѣтъ, не хочу! — а тамъ подумала: вѣдь скупаться не бѣда! скинула сарафанчикъ и прыгнула въ воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спинѣ: «плыви ты, говорить, бѣлою уточкой!» и поплыла княгиня бѣлою уточкой. Вѣдьма тотчасъ нарядилась въ ея платье, убралась, намалевалась и сѣла ожидать князя. Только щенокъ вякнулъ, колокольчикъ звякнулъ, она ужь бѣжить на встрѣчу, бросилась къ князю, цѣлуетъ, милуетъ. Онъ обрадовался, самъ руки потянулъ и не распозналъ ее.

А бѣлая уточка принесла яичекъ, вывела дѣточекъ, двухъ хорошихъ, а третьяго заморюшка, и дѣточки ея вышли—ребяточки; она ихъ вырастила, стали они по рѣченькѣ ходить, злату рыбку ловить, лоскутки собирать, кафтанки шивать, да выкакивать на бережокъ, да поглядывать на лужокъ. «Охъ, не

1) Освѣжила чистимъ воздухомъ.

ходите туда, дѣти!» говорила мать. Дѣти не слушали; нынче поиграютъ на травкѣ, завтра побѣгають по журавкѣ, дальше-дальше и забрались на княжій дворъ. Вѣдьма чутьемъ ихъ узнала, зубами заскрипѣла; вотъ она позвала дѣточекъ, накормила, напоила и спать уложила, а тамъ велѣла разложить огня, навѣсить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули,—а заморужка, чтобъ не застудить, приказала (ишь?) мать въ пазушкѣ носить — заморужекъ-то и не спать, все слышать, все видеть. Ночью пришла вѣдьма подъ дверь и спрашиваетъ: «спите вы, дѣтки, или нѣтъ?» Заморужекъ отвѣчаетъ: «мы спимъ-не спимъ, думу думаемъ, что хотять насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы висятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!»—«Не спать!» Вѣдьма ушла, походила, походила, опять подъ дверь: «спите, дѣтки, или нѣтъ?» Заморужекъ опять говоритъ тоже: «мы спимъ-не спимъ, думу думаемъ, что хотять насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы висятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!» Что-же это всё одинъ голосъ? подумала вѣдьма, отворила потихоньку дверь, видитъ: оба брата снятъ крѣпкимъ сномъ, тотчасъ обвела ихъ мертвой рукой ¹⁾—и они померли.

Поутру бѣлая утка зоветъ дѣтокъ; дѣтки не йдутъ. Зачуяло ея сердце, встрепенулась она и полетѣла на княжій дворъ. На княжемъ дворѣ бѣлы какъ платочки, холодны какъ пласточки лежали братцы рядышкомъ. Кинулась она къ нимъ, бросилась, крылушки распустила, дѣточекъ обхватила и шатеринскимъ голосомъ завопила:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой васъ выкаживала,

1) Есть поварье, что воры запасаются рукою мертвеца, и прихода на промыселъ, обводять его спящихъ хозяевъ, чтобы навести на нихъ непробудной сонъ.

Я слезой васъ выпивала,
 Тему ночь не досыпала,
 Сладокъ кусъ не доѣдала!

«Жена, слышишь небывалое? утка приговариваетъ.»— Это тебе такъ чувствуется! велите утку со двора прогнать!—Её прогонять, она облетитъ да опять къ дѣткамъ:

Кря, вря, мои дѣточки!
 Кря, кря, голубяточки!
 Погубила васъ вѣдьма старая,
 Вѣдьма старая, змѣя лютая,
 Змѣя лютая, подколодная;
 Отняла у васъ отца роднаго,
 Отца роднаго — моего мужа,
 Потопила насъ въ быстрой рѣченькѣ,
 Обретила насъ въ бѣлыхъ уточкѣхъ,
 А сама живеть — величается!

«Эге!» подумалъ князь и закричалъ: «поймайте мнѣ бѣлую уточку!» Бросились всѣ, а бѣлая уточка летаетъ и никому не дается; выбѣжалъ князь самъ, она къ нему на руки пала. Взялъ онъ ее за крылушко и говорить: «стань бѣлая береза у меня назадъ, а красная дѣвица впередъ!» Бѣлая береза вытянулась у него позади, а красная дѣвица стала впередъ, и въ красной дѣвицѣ князь узналъ свою молодую княгиню. Тотчасъ поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велѣли въ одинъ набрать воды живящей, въ другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули дѣтокъ живящею водою — они встрепенились, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя дѣлая семья, и стали всѣ жить-поживать, добро наживать, худо забывать. Я вѣдьму привязали къ лошадиному хвосту, размыкали по полю: гдѣ оторвалась нога — тамъ стала кочерга, гдѣ рука — тамъ грабли, гдѣ голова — тамъ кустъ да колода; налетѣли птицы — мясо поклевали, поднялись вѣтры — кости разметали, и не осталось отъ ней слѣда, ни памяти!

(Записана въ курской губерніи.)

ЧУДЕСНЫЕ КОНИ, КОЗА И СВИНКА¹⁾

Живъ колись на свить старѣнькій павоць вдовець и мавъ у себе трѣхъ сынивъ, двоухъ розумныхъ, а третѣго дурня; и дурень усе було сидить у грубѣ²⁾ и мне въ попель пузыри. Якъ же прійшла пора батькови умерати, то винъ, зозвавши до себе усѣхъ, заповѣдавъ, щобъ вони дѣ його поховать³⁾—приходили по очереди три ночи зряду каждый особне до його на могилу: старшій на першу ничъ, середульшій на другу, а дурень на третю. И послѣ, якъ умеръ, вони його поховали и одноминали; то дурень, дождавшись темной ночи, вылизъ изъ грубы, и побачивши, що у бративъ повни хаты гостей, пьють та бенкетують⁴⁾, спитавъ старшого: чи ниде винъ на могилу до батька? и почувши, якъ сказавъ той: не хочу,—побригъ самъ никому не сказавши до могилы и сивъ изъ боку коло ен. У саму-жъ глупу⁵⁾ ничъ земля на могилѣ розступилась и батько вылизши наверхъ зъ ямы, спитавъ: «а хто тутъ сидеть?» Якъ же почувъ, що обизався дурень и розказавъ, що старшій казавъ: яти не хочу; то винъ отдаючи йому уздечку велевъ, щобъ коли йому буде яка нужда, або чого треба — то потрясь бы уздечкою, и до його приближить заразъ чорный конь; тогда влизъ бы йому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ коню чого йому треба. А самъ полизъ упать у яму, и могила затулилась⁶⁾. Тогда дурень узавши уздечку вернувся до дому и полизъ у грубу спати. На другій же день почувши, що гости у бративъ бен-

1) Смотри вып. II, № 21 и 28. 2) На печи (Малор. словарь Чужбинского, стр. 82). 3) Похоронять. 4) Пируютъ. 5) Въ глухую (Словарь Чужбинского, стр. 73). 6) Закрылась, затворилась.

метують, и дождавшись ночи знайшовъ середульшого и спитавъ: чи піде вінъ до батька на могилу? но якъ сказавъ в сей, що не хóчу; то вінъ побривъ самъ и сивъ на тймъ-же мѣсцѣ коло могилы. У саму-жъ глупу ничъ земля на могилѣ розступилася, батько зъ ямы вылизъ наверхъ, и узнавши, що сидить дурень, в середульшій сказавъ: не хóчу, то вінъ отдавши йому и другу уздечку, тоже веливъ: якъ треба колисъ буде, щобъ вінъ потрясъ уздечкою, и заразъ приближить до його рыжіи кннѣ; то вінъ щобъ улизъ йому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ коню чого йому треба. Самъ сховався у яму, земля зтулилася, а дурень вернувшись до дому полизъ у грубу спати. Проснувшись же на третій день почувъ, що усе гости бенкетують, и дождавшись ночи пішовъ на могилу, якъ тильки гаравъ смеркло, и сивъ у тймъ-же самимъ мѣсцѣ коло могилы. Земля розступилася, батько зъ ямы вылизъ и побачивши, що сидить дурень, отдавъ йому и третю уздечку, и розказавъ, що коли йому чого буде треба, то щобъ потрясъ їїю — и тоди вже приближить до його кннѣ сивий; щобъ влизъ йому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ чого буде треба. Попращавъ зъ дурнемъ, не звеливъ вже до могилы приходити, полизъ у яму. Земля зтулилася, и дурень зъ уздечкою вернувшись до дому полизъ у грубу спати.

У те-жъ саме время царь тѣмъ земельки, дѣ живъ дурень зъ братіями, жавши у себе одну дочку ливку, построивъ теремъ, чи стовпъ каменный превысокій, и розославъ по царству бушаги, що хто зъ молодцивъ достане тамъ дочку його, за того отдасть ей и усе царство зъ нею. И назначивъ для того три дни, коли хто схоче зъ царивъ и панивъ и усякого народу, зъїзжаться и сходитись. То до бративъ дурневыхъ зъїзжалось богато молодцивъ, и браты вже туда убирались сами и коней упрягли; дурень попресивъ, щобъ узали и його хочъ подивитись, но усе вони осміявши його покинули дома. Дакъ вінъ узавши пер-

ву уздечку и вийшовши за царину ¹⁾ у поле далеченько, якъ потрясъ уздечкою, то заразъ прибігъ до його чорний якъ галка кинь и поспитавъ, чого треба? а в(у)знавши звелівъ лязти у праве ухо, а у ливе вылазитъ. И якъ зробивъ се дурень, то самъ себе не признавъ въ дорогій одежѣ—дуже хорошиій зробився! А кинь його поспитавъ: чи бѣгти по земли, чи піднятись ви(ы)ще? ²⁾ скочивши разъ, полетивъ якъ птица и долетивши до царивны мимо ея прощався. Тутъ народъ наробивъ крику, щоби ловити; но винъ якъ птица тільки шелькнувъ, отбігъ у поле, знявъ зъ коня узду, самъ перемѣнився, прийшовъ до дому и полізъ у грубу. Якъ же приїхали брати и навели гостей до себе, то тільки и мови ³⁾ було, що про тее чудо. На другій же день упять народъ збирався, и до бративъ заїхали товариство и вже готовились їхати, такъ и дурень попрохавъ, щоби взяли його хочъ подавитись. Но вони надъ нимъ насміялись поїхали. Тодж дурень, узавши другу уздечку, вийшовъ у поле далеченько; потрясъ уздечкою, и заразъ прибігъ до його рижій кинь и поспитавъ: чого треба? а визнавши звелівъ влязти у праве ухо, а у ливе вылазти. И якъ зробивъ тее дурень, то ставъ ще въ богатчій одежѣ и кращій ⁴⁾, ніжъ ⁵⁾ первый разъ. И звелівъ кѣню нести його одъ земли високо. Кинь якъ скочивъ разъ, то дурень и не вглядивъ, коли ставъ коло царивны и ея минувъ; прибігши-жъ у поле почувъ, що народъ кричавъ ловити, но вже низио. Винъ зъ коня уздечку знявъ, самъ перемѣнився, ишовъ до дому и полізъ у грубу. Брати приїхали зъ гостями и усе розказували те чудо. А на третій день упять народъ тудя-жъ збирався; до бративъ заїхало товариство, и вже зъ двора выїзжали, тогди и дурень, узавши третю уздечку, вийшовъ у поле, потрясъ уздечкою —

---

1) Огорожа кругомъ деревин. 2) Выше. 3) Рѣчи. 4) Красивѣе. 5) Нежели.

и заразъ прибігъ до його кнѣ сивый, и взявши, для чого вінъ званий, звелівъ пролізти у обое уха. А якъ дурень тее зробиць, то явивсь ще въ богатчій одежѣ и крацій одѣ первыхъ двоухъ разивъ, и звелівъ нести його одѣ земли високо. Кнѣ якъ скочивъ разъ — долетивъ до царивны; дурень взоравъ у нѣи нѣтъ шѣи платочокъ, а вона ударила його у лобъ перстнемъ — напечаталася печатка. Народъ кричавъ, кричавъ, що ловить; но вінъ пролетивъ, зъ коня уздечку знявъ у ногѣ, самъ перемѣвивсь, прійшовъ додому и у лязъ у грубу; а печатка на лобѣ осталася вично.

На другій же день пославъ царь уснѣхъ оглядати, у кого на лобѣ осталася печатка. Посланци обійшовши скривъ ¹⁾ и уснѣхъ оглядывши привернули и до бративъ, и не знайшовши ни на одному печатки выволокли дурня зъ грубы за ноги, и якъ угладили на його лобѣ печатку — полякались ²⁾: узавши зъ собою дурня, повели до царя, и царь щобъ не измѣнять слова звелівъ попамъ його зъ дочкѣю звѣнчати, и давъ имъ щобъ вони жили особу хатину. А самъ объявивъ, що хто приведе до його козу, на которій золотѣ та сребна шерсть, тому вручить царство. Зобралось багато розного народу и по уснѣхъ дорогахъ и стежкахъ розвѣнчалось козы шукаты. Такъ и дурень упресливъ жинку, щобъ выпросила и йому у царя яку-нибудь шкату ³⁾. А якъ вона зъ слѣзами выпросила водовоза, то вінъ узавши зъ собою перву уздечку и сивши на шкату задомъ до головы, а очима до хвоста, узавъ у зубы хвистъ и погоняючи долоню, выжилавъ у поле, а тамъ вставши узавъ за хвистъ, смыкнувъ ⁴⁾ и зтягъ шкуру, стерво покинувъ собакамъ, а самъ потрясъ уздечкою и якъ прибігъ до його чорный кнѣ, то вінъ резавши чого треба и взявши одѣ його: дѣ коза ходить, пролівъ

---

1) Воздѣ. 2) Лякаты — пугаты (Словарь при Энциклѣ Котляревскаго, стр. 13). 3) Шкату. 4) Дернулъ.

кризь уха, пережѣвився зовсиль и сивши на коня заразъ козу пїшмавъ, привязавъ до стремена и вернувся назадъ потихеньку. Недалеко-жь одѣжихавши зустрївъ ¹⁾ одного изъ тихъ, що поїхали козу шукаты, и той ставъ просить, щобъ винъ узавъ що хоче и козу йому отдавъ. Такъ дурень стребовавъ изъ правой руки отъ крайнѣго пал(ь)ця урѣзати одинъ суставъ, и той согласився; такъ винъ козу отдавъ, а суставъ заховавъ у кишеню. И якъ розѣжилися, то дурень узду зъ коня знявъ и прїйшовъ до дому, а той якъ прививъ до царя козу, то царь зготовувавъ обидъ, скликавъ народъ и объявивъ, що хто ще приведе до його дикого кабана въ золотѣ та въ среблѣ, то той и царство получить. На другій день зобрався народъ, и уси въ розны стороны розѣжилися кабана шукаты. И дурень упять наишгся ²⁾ на жинку, щобъ и йому выпросила у царя шкапу. И та якъ зъ плачемъ выпросила, то винъ упять выжихавши у поле зтягъ шкуру, покинувъ стерво у полѣ, а самъ потрясъ другою уздечкою. И якъ прибигъ кинь рижій, то винъ розказавши чого треба и почувши одъ його: дѣ кабана ходитъ, пролизъ у обоє уха, пережѣвився, сивъ на коня и заразъ пїшмавъ кабава, привязавъ у пояса и вернувся назадъ. Недалеко-жь одѣжихавши устрївъ опять того, що козу купивъ, и якъ ставъ винъ прохаты, щобъ и кабана йому отдавъ, то дурень потребовавъ, щобъ на правой же руцѣ давъ одрѣзати другаго пал(ь)ця першій суставъ; и той согласився. Винъ урѣзавъ составъ, заховавъ у кишеню, отдавъ кабана, а самъ одѣжихавши знявъ уздечку, коня пустявъ и вернувся до дому. Якъ же той прививъ кабана, то царь звелывъ готувати обидъ, усихъ скликавъ и сказавъ, що хто ище приведе у последній разъ кобылу въ золотѣ та въ среблѣ, то той вже получаютъ и царство. На третій день зобрався народъ и уси розѣжилися въ розныи мѣста кобы-

1) Встрѣтилъ. 2) Напустилася на жену, присталя къ ней?

лушукаты. Такъ и дурень на жинку намигся, щобъ и йому выпросила шевлягу ¹⁾. Вона пішла до царя, и хочъ той не хотивъ давати за те, що двоє вже пропало, во уваживши на слѣзъ давъ; а сей выїхавши у поле такъ же зтагъ шкуру, стерво покинувъ собакамъ, а самъ узявъ третю уздечку и потрясъ. И акъ прибігъ кинь сивый и дурень йому розказавъ: чога треба, а кинь объявивъ, що кобыла теперъ зъ нимъ насласъ у полѣ; то винъ, пролизши у обое уха, перемѣнився, на коня сивъ и заразъ кобылу піймавъ и вернувся назадъ. Не доїзжаячи до дому зустривъ упять того-жъ чоловіка и за кобылу зторговався, щобъ на тій же рудѣ урѣзати третєго пал(ь)ца первый суставъ. И якъ урѣзавъ, сховавъ суставъ у кишеню, самъ одѣїхавъ, зъ коня узду знявъ и вернувся до дому. А якъ привели кобылу, то царъ звелівъ готувати обидъ, позывавъ народъ, и сѣди за столомъ объявивъ, що завтра вручае царство тому, хто піймавъ козу, кабана и кобылу. Тогда дурень объявлявъ, що усе половинъ винъ и попродавъ за суставы на правій рудѣ изъ палцивъ, и вынавши поклавъ на тарелку суставы, а тому звелівъ, щобъ показавъ руку. Тогда народъ здивувався, царъ и його жинка зрадувались, повставали одъ обѣда, выїшли уси надв(о)рь, а дурень потрясъ усими трѣма уздечками—прибігли уси три кони; винъ лазивъ до усихъ у обое уха и перемѣнився такъ, що изъ хорошаго зробився кращимъ, а изъ кращаго йще кращимъ, на коняхъ летавъ поверхъ хатъ и лѣсивъ. Коней винъ не пустивъ у поле, а поставивъ зъ кобылою, кабаномъ и козою у ставнѣ ²⁾. Самъ зробився царемъ, ввійшовъ жить у царскы будинки ³⁾, бративъ зробивъ панамы; Богъ пославъ жинци двоохъ близнюкивъ-дитокъ; надъ батькомъ выстроивъ церковь, що-дня ⁴⁾ його поминае, самъ

1) Ключу. 2) Въ конюшнѣ (Словарь въ Труд. Общ. люб. рос. слов. кн. VII, стр. 317). 3) Великолѣпный домъ, дворець (ibidem, стр. 288).

4) Ibidem, стр. 328: ежедневно.

пье горняку зъ барильца ¹⁾, и я прихопився ²⁾, тай соби напился — по бородѣ текло, а въ ротѣ не було!

48.

ГОРШЕНЯ ³⁾.

Горшеня ѣдетъ дремлетъ съ горшками. Догналь его осударь Иванъ Васильевичъ. «Миръ по дорогѣ!» Горшеня оглянулся. — Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ. «Знать вздремалъ?» — Вздремалъ, великій осударь! не бойся того, кто пѣсни поеть, а бойся того, кто дремлетъ. «Экой ты смѣлый, горшеня! люблю едаквѣхъ. Ящичикъ! поѣзжай тише. А што, горшенюшка, давно ты зтнѣ ремесломъ кормишься?» — Съ измолоду, да вотъ и середовой сталъ. «Кормишь дѣтей?» — Кормлю, ваше царское величество! и не пашу, и не кошу, и не жну, и морозомъ не бьеть. «Хорошо, горшеня, но все-таки на свѣтѣ не безъ худа.» — Да, ваше царское величество! на свѣтѣ есть три худа. «А какіе три худа: горшенюшка?» — Первое худо: худой шаберъ ⁴⁾, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разумъ. «А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?» — Отъ худова шабра уйду, отъ худой жены тоже можно, какъ будетъ съ дѣтьми жить; а отъ худова разума не уйдешь — все съ тобой. «Такъ, вѣрно, горшеня! ты мозголовъ. Слушай! ты для меня — а я для тебя. Прилетятъ гуся съ Руси, перышки ощиплешь, а по правільному покинешь!» — Годится, такъ поклянну — какъ придетъ! а то и на-голо. «Ну, горшеня, постой на часъ! я погляжу твою посуду.» Горшеня остановился, на-

---

1) Баріло — боченокъ (Малор. словарь Чужбинскаго, стр. 6). 2) Прикинулъ, присталь. 3) См. выпускъ II, № 17. Сказка эта была напечатана въ Москвитинѣхъ 1843 г., № 1, стр. 130—1. 4) Сосѣдъ.

чалъ раскладывать товаръ. Осударь сталъ глядѣть и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты надѣлаешь нѣтъ еданихъ?» — Сколько угодно нашему царскому величеству? «Возовъ десятокъ надо.» — На много ли дашь время? «Мѣсяць.» — Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. Я для тебя, ты для меня. «Спасибо, горшенюшка!» — А ты, осударь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представляю товаръ въ городъ. «Буду въ дому у купца въ гостяхъ.» Осударь прѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всёхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы все глиняная

Горшеня кончилъ заказъ царской и привезъ товаръ въ городъ. Одинъ бояринъ выѣхалъ на торжище къ горшенѣ и говоритъ ему: «Богъ за товаромъ, горшеня!» — Просимъ покорно. «Продай мнѣ весь товаръ.» — Нельзя, по заказу. «А што тебѣ, ты бери деньги — не повинять изъ этого, коли не взял задатку подъ работу. Ну, што возмешь?» — А вотъ што: каждую посудину насыпать полно денегъ. «Полно, горшенюшка, много!» — Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать — хочешь? И сладили. — Ты для меня, а я для тебя. — Насыпають да высыпають, сыпали, сыпали . . . денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ, видя худо, съѣздивъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыпають да сыпають — товару все много. «Какъ быть, горшенюшка?» — Ну, што ни жадала? Нечего дѣлать, а тебя уважу — только знаешь што? свези мени на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ и всё деньги. Бояринъ мялся, мялся — жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ; въ спорѣ дѣло. Горшеня запѣлъ пѣсню, бояринъ везеть, да везеть. «До коихъ же мѣстъ везти тебя?» — Вотъ до этого двора и до этого дому. Весело поеть горшеня, противъ дому онъ высоко подвигъ. Осударь услышалъ, выбѣгъ

на крыльцо—призналъ горшению. «Ба! заравствуй, горшенишка, съ прѣвздоумъ!» — Благодарю, ваше царское величество. «Да на чемъ ты ѣдешь?» — На худомъ-то разумѣ, осударь. «Ну мозголовъ, горшениа, умѣлъ товаръ продать; бояринъ! скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшениа, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшениа, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! немного послужилъ, да много услужилъ — а ты не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, горшениа, прилетали гуси съ Руси?» — Прилетали. «Перышки оципалъ, а по правѣльному покинулъ?» — Нѣтъ, на-голо, великій осударь, — всего оципалъ.

(Записана П. М. Языковымъ въ сибирской губерніи со словъ крестьянина села Головина.)

49.

СКАЗКА ПРО БРАТЬЕВЪ ОМУ И ЕРЕМУ ¹⁾.

Ахъ, да Ерѣма да Ома были два братейка:
 Они волосомъ однаки и умомъ равны,
 У нихъ бороды, какъ бороды, и усы, какъ усы.
 Вотъ задумали братаны въ божью церковь идти;
 Въ божью церковь идти, Богу молиться.
 Вотъ Ерѣма зашелъ въ церковь, а Ома въ олтарь,
 Вотъ Ерѣма взялъ книгу а Ома псалтырь;

1) Смотри № 36. г. Въ толстовскомъ сборникѣ XVIII столѣтія и еще въ одной рукописи XVII в. (въ Публичной библиотекѣ) записана повѣсть «о двухъ братьяхъ о Ерѣмѣ и о Омѣ». Ерѣма и Ома поехали на любочную картину и служатъ для русскаго простолюдина олицетвореніемъ глупости и нечѣпности. Сказаніе о ихъ похожденияхъ цѣлкомъ перешло въ поговорцы (Шпына: Очеркъ литерат. исторіи старинныхъ повѣстей, стр. 300—301). Въ Отечеств. Запискахъ 1841 года (№ 5, библиогр., стр. 58) напечатанъ любопытный вариантъ этой сатиры: «Ерѣма жилъ на горки, Ома подъ горой; Ерѣма ѣлъ мякину, Ома колосокъ» и т. дал.

Охъ, Ерёма-то зашѣлъ, а Оома заговорилъ.

То слышали поны со высокія горы,

Поны грамотныя, люди надобныя . . .

Ерёма-то изъ двери, а Оома изъ окна.

Охъ, Ерёма пошелъ въ ельникъ, а Оома въ соснякъ;

Они оба испугались, оба вѣсть сохотились.

Вотъ задумали братаны сѣрыхъ зайковъ промыслать,

Сѣрыхъ зайковъ, побѣгошковъ: ничего не нашли!

Вотъ пошли они, братаны, по крутому берегу,

По крутому берегу, по желтому по песку.

Вотъ увидѣли братаны, что двѣ уточки п(л)ывутъ:

Одна уточка бѣлешенька, а другая-то чтѣ снѣгъ.

Охъ, Ерёма схватилъ палку, а Оома косарь:

Какъ Ерёма не докинулъ, Оома черезъ перекинулъ.

Вотъ задумали братаны себѣ рыбу промыслать,

Себѣ рыбу промыслать, красну сѣможку.

Охъ, Ерёма сѣлъ да въ лодку, а Оома въ ботню:

У нихъ лодка безъ набоевъ ¹⁾ и ботня безо дна.

Они три года тонули — не могли потонуть,

Ихъ три чорта давили — не могли задавить!

Вотъ задумали братаны свои головы кормить.

Свои головы кормить, себѣ хлѣбъ наживать,

И положили ребята себѣ пашню пахать;

Вотъ Ерёма пошелъ въ рынокъ, а Оома на базаръ,

Вотъ Ерёма купилъ мерина, Оома жеребца —

Охъ, у нихъ меринъ-то не тянетъ и соха-то не валитъ;

Они мерина коломъ, сами съ пашенки бѣгомъ!

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

1) Набойная лодка — та, у которой на бортахъ набито по одной или по двѣ доски (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 119).

ПРИМЪЧАНІЯ.

3.

Коть, лиса и пѣтухъ.

Смотри вариантъ этой сказки, напечатанный въ изданіи г-жи Авдѣевой: «Русскія сказки для дѣтей, рассказанныя нянюшкою Авдотьей Степановною Черепьевою. Изд. 3-е, Спб., 1856» (№ 1). Здѣсь лиса поетъ:

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головушка
Шелкова бородушка!
Выгляни въ окошечко:
Вотъ бояре ѣхали,
Горохъ разсыпали —
Некому подобрать.

А старикъ, у котораго жилъ пѣтушокъ, пошелъ выручать его, и наигрывая на гусельцахъ—припѣваетъ:

Стрень-брень, мои гусельцы,
Золотыя мои струночки!
Ужь какъ дома я, лиса,
Лиса Ивановна,
Со своими малыми дѣтушками?
Первая-то дочь Чучелна,
А вторая-то Почучелна,
Третья-то Подай-пирожокъ,
А четвертая Зажми-кулачокъ.

Онъ убилъ и лису и ея дочерей и сшилъ старухѣ изъ нихъ шкуръ шубу.

5.

6.

«*Лиса и рак*» — сличи съ подобною же баснею въ изданіи: «Езоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа, съ новѣйшаго французскаго перевода, полнымъ описаніемъ жизни Езоповой, разсужденіями нравственными и историческими и проч. снабженнаго г. Беллегардомъ, нынѣ вновь на російской языкъ переведенныя Д. Т. Москва, 1792», in 8°, стр. 325—6. «*Лиса и журавль*» — сличи въ томъ же изданіи съ Езоповою баснею о лисицѣ и аистѣ, на стр. 147—8.

13.

Волкъ—дурень.

В. И. Даль передалъ интересную сказку, рассказанную ему Пушкинымъ, «О Георгій Храбрѣ и о волкѣ» (См. Повѣсти, сказки и рассказы казака Луганскаго, ч. II, стр. 459 и въ Библиот. для чтенія 1836 г., т. XIV, стр. 133). Основная мысль этой сказки, по замѣчанію г. Пыпина, представить въ походевіяхъ волка ту далекую первобытную эпоху, когда еще не были опредѣлены отношенія звѣрей ни къ самимъ себѣ, ни къ человеку, и когда волкъ долженъ былъ самоучкою впервые добывать для себя живности; вообще начало сказокъ о звѣряхъ принадлежитъ грубой порѣ звѣроловнаго и пастушескаго быта, ставившаго людей лицомъ къ лицу съ независимымъ міромъ животныхъ. Мірская сходка, о которой здѣсь говорится, напоминаетъ подобную же сходку при дворѣ царя-льва въ германскомъ Рейнгартѣ (Отечество. Записки 1855, № 5, критика, стр. 20—22). Жестокій приѣмъ, испытанный волкомъ у гнѣдаго тура и коня (быкъ бросаетъ его рогами, а конь бьетъ задомъ), извѣстенъ еще въ Езоповой баснѣ: «о лошади и львѣ» (смотри вышеозначенное изданіе 1792 года, стр. 36). Старый

левъ, желая растерзать лошадь, вздумалъ притвориться лѣкаремъ и сталъ спрашивать ее о здоровьѣ. Лошадь жаловалась, что недавно завозила заднюю ногу. Левъ взялся вынуть занозу. Но только наклонился, какъ лошадь ударила его въ лобъ задними ногами и скрылась. У латинскаго стихотворца Филельфа («Езоповы басни», стр. 348 — 350) волкъ, поддѣлываясь къ коню, спрашиваетъ: чей онъ сынъ и какъ его зовутъ? Конь отвѣчалъ, что покойный отецъ написалъ обо всемъ ему на копѣтѣ, и когда волкъ полюбопытствовалъ прочесть эту надпись, то лошадь ударила его задомъ и убѣжала. — Георгій Храбрый посылаетъ еще волка къ барану, который бьетъ его своимъ крѣпкимъ лбомъ, къ кабану, который ранитъ его клыкомъ, и наконецъ къ людямъ, которые зашивають его въ собачью шкуру и бьютъ.

Съ сказкою о волкѣ-дурнѣ сходна напечатанная въ превосходномъ изданіи Гаупта и Шмалера (*Volklieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz. Grimma, 1843, in 4°*), во II-й части на стр. 161—4: «Des Wolfes glücklicher Tag». Разъ поутру потягивался волкъ въ своей берлогѣ, а солнце бросало на него свой свѣтъ. Шла мимо лисица и сказала ему: «нынѣшній день ты постоянно будешь счастливъ.» — Отчего? спросилъ волкъ. «Да солнце бросаетъ на тебя свой свѣтъ!» — Я было не хотѣлъ сегодня выходить, сказалъ волкъ, но если это такъ — то пойду. Бѣжитъ волкъ лѣсомъ, а на встрѣчу ему два вора несутъ свиное сало. Увидѣли страго, побросали сало и давай Богъ ноги. Волкъ обнюхалъ сало и сказалъ: «лисица права, сегодня я въ самомъ дѣлѣ счастливъ. Какое славное сало! Но кто станетъ поутру ѣсть сало, чтобы потомъ цѣлый день томиться жаждою?» И онъ побѣжалъ дальше на лугъ; тамъ увидѣлъ кобылу съ жеребенкомъ и подумалъ про себя: «это лучше!» Онъ сказалъ кобылѣ: «нынѣшній день судить мнѣ счастье, и потому я съѣмъ твоего жеребенка.» — Мнѣ это очень пріятно,

и я высоко цѣню, что столь знатный господинъ хочетъ скушать моего жеребенка. Но будь добръ, окажи мнѣ напередъ услугу. Я слышала, что ты знаменитый лѣкарь. Я всадила себя въ правую заднюю ногу большую занозу, и куда ни ходила — никто не могъ мнѣ помочь. Не избавишь ли ты меня отъ этой бѣды? «Знаменитый лѣкарь! подумалъ про себя волкъ. Гмь! этого я не зналъ. Но кобыла не стала бы говорить, еслибъ не было такъ.» И онъ сказалъ: «покажи!» и подступилъ ближе. Кобыла подняла ногу, и только что волкъ хотѣлъ посмотреть — ударила его въ голову съ такою силою, что онъ упалъ безъ чувствъ. А кобыла скрылась съ своимъ жеребенкомъ. Когда волкъ очнулся, его ужасно раздражилъ обманъ кобылы. «Кто приказалъ тебѣ выдавать себя за лѣкаря? сказалъ волкъ. Но лиса сказала, что сегодняшний день сулитъ мнѣ счастье...» — и онъ пустился дальше и пришелъ къ мельницѣ: тутъ увидѣлъ онъ свинью съ поросенкомъ. «Сегодня мой счастливый день, сказалъ волкъ, и потому я съѣмъ твоего поросенка.» — Мнѣ это очень лестно, и я высоко цѣню, что такой знатный господинъ хочетъ скушать моего поросенка. Но будь добръ, обожди немножко. Самъ видишь, поросенокъ весь выпачканъ и замаранъ; я вымою его начисто, какъ пристойно для столь почетнаго вельможи. «Почетный вельможа! подумалъ про себя волкъ; гмь! этого я еще не знавалъ. Но свинья не стала бы говорить, еслибъ это не такъ было.» И онъ сказалъ: «вымой!» а самъ сѣлъ на берегу. Свинья бросилась съ своимъ поросенкомъ въ рѣку, поплыла къ мельницѣ и скрылась совсѣмъ. Разсердился волкъ и говорилъ самъ себѣ: «никто не приказывалъ тебѣ выдавать себя за вельможу! Вотъ теперь и обманула тебя свинья, это глупое животное! Но лиса сказала, что нынѣшній день сулитъ мнѣ счастье...» и голодный волкъ пошелъ дальше. Пришелъ онъ на поле и увидѣлъ двухъ бодавшихся козловъ. Онъ объявилъ имъ о счастливомъ днѣ и о своемъ желаніи съѣсть одного

изъ нихъ. «О, это намъ очень лестно, отвѣчали они, что такой знатный господинъ желаетъ скушать одного изъ насъ. Но будь добръ, окажи намъ напередъ услугу. Мы слышали, что ты знаменитѣйшій судья; у насъ идетъ споръ объ этомъ полѣ, и куда мы ни обращались — никто не могъ навести насъ на правый путь. Разсуди, кому должно принадлежать поле. Ты стань здѣсь среди поля, а мы разойдемся по концамъ, и кто прежде прибѣжитъ къ тебѣ, тотъ и выиграетъ.» — Знаменитѣйшій судья! я этого еще не знавалъ. Но козлы не стали бы говорить, еслибъ этого не было. «Бѣгите!» сказалъ волкъ, а самъ устылся посреди поля. Козлы пустились бѣжать изо всѣхъ силъ и быстро исчезли. Раздраженный этимъ обманомъ волкъ сказалъ себѣ: «кто велѣлъ выдвѣвать себя судьей! но пойду еще дальше; лиса сказала, что сегодняшний день обѣщаетъ мнѣ счастье. . . » Пришелъ онъ на выгонъ и увидѣлъ въ загородкѣ цѣлое стадо овецъ, а при нихъ ни пастуха, ни собаки. Это не дурно, подумалъ волкъ, и сказалъ овцамъ: «нынче счастливой мой день, и я теперь же хочу одну изъ васъ съѣсть.» — Намъ очень пріятно, отвѣчали овцы, и мы высоко цѣнимъ, что такой знатной господинъ хочетъ скушать одну изъ насъ. Но будь добръ, окажи напередъ услугу. Мы слышали, что ты опытный запѣвало, а мы сильно въ немъ нуждаемся; лучший баранъ у насъ умеръ, и куда мы ни ходили — никто не могъ намъ хорошенько затянуть. Не можешь ли ты намъ въ нуждѣ? «Опытный запѣвало! я этого еще не знавалъ о себѣ. Но овцы не стали бы говорить, еслибъ это не такъ было!» подумалъ волкъ. Онъ влѣзъ на пастушій шалашъ и съ важностью началъ качать ногою взадъ и впередъ, чтобъ всѣ видѣли, какъ онъ ударяетъ тактъ. Овцы заблеяли во все горло, одна выше другой; завылъ и волкъ. Цѣлая деревня и всѣ собаки сбѣжались на это пѣніе, и въ то время, какъ волкъ заливался больше и больше, кто-то нанесъ ему такой ударъ, что онъ упалъ съ шалаша на землю.

Тутъ принялись грызть его собаки, а люди бить дубинами, жердями и вилами. Наслау ушелъ онъ. «Кто велѣлъ, говорилъ онъ самъ съ собою, выдавать себя за пѣвца! Вотъ теперь овцы, самыя глупыя изъ всѣхъ животныхъ, — и тѣ обманули... Но у меня есть еще сало, можно хорошо поужинать.» И волкъ отправился на то мѣсто, гдѣ повстрѣчалъ двухъ воровъ; но лиса ужь давно утащила все сало.

17.

18.

«*Волкъ и коза*» — смотри вариантъ въ «Русскихъ сказкахъ для дѣтей», изданныхъ Авдѣевою, стр. 33—39; здѣсь разсказывается, что волкъ досталъ себѣ козлиную шкуру, нарядился въ нее и такимъ образомъ обманулъ козлятокъ.

«*Колобокъ*» — смотри въ томъ-же изданіи на стр. 16—21.

23.

Котъ и лиса.

Сличя съ этою сказкою напечатанныя: а) въ изданіи Караджича («Српске народне приповијетке», № 49) — сказку о медвѣдѣ, свиньѣ и лисицѣ. Однажды эти три звѣря вспахали вмѣстѣ землю, посѣяли пшеницу, и собрали хлѣбъ; дошло до раздѣла: медвѣдъ взялъ себѣ зерно, свинья взяла солому, а лисѣ не досталось ничего. Разсердилась лиса и сказала имъ, что приведетъ съ собою царскаго мужа, который по правлѣ ихъ раздѣлитъ. И медвѣдъ, и свинья попрятались; онъ выгѣзъ на грушу, а она закопалась въ солому. Лиса встрѣтила кошку и пригласила ее идти на гумно — мышей ловить. Кошка пошла съ радостью; идетъ по дорогѣ да за птицами гоняется. Медвѣдъ и говоритъ свиньѣ: «зло свинью! это лисице те води страш-

нога бумбашира: огрнуо Пурак од куне, па и крилате тиде хвата' око пута.» — Конецъ такой-же, какъ и въ русской сказкѣ.

b) — въ изданіи Гаута и Шмалера («Volklieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz», ч. II, № 8, стр. 167—9) сказку о войнѣ волка съ лисою. У Пардоньи была старая кошка, у Наздалака старая собака. «Зачѣмъ мы держимъ кошку? сказалъ Пардонья своей женѣ; она советѣмъ не ловить мышей. Я ее утоплю!» — Не дѣлай этого, говорила жена; она еще можетъ пригодиться. «Какъ-же! мыши могутъ танцовать на ней, и она все-таки ни одной не поймаетъ. Только увижу ее — сейчасъ въ воду!» На ту пору кошка лежала подъ печью; услышавъ такія угрозы, она убѣжала изъ дому. «Зачѣмъ мы держимъ собаку? сказалъ Наздалакъ своей женѣ; она и глуха и слѣпа, лаетъ — когда не нужно, и молчитъ — когда нужно лаять. Я ее повѣшу!» — Не дѣлай этого, говорила жена; она еще пригодится. «Какъ-же! воры могутъ занять цѣлой дворъ, она и не увидитъ. Только попадется мнѣ на глаза — сейчасъ и повѣшу!» На ту пору собака лежала въ углу; услышавъ такія рѣчи, она вскочила и убѣжала изъ дому. Кошка и собака сошлись вмѣстѣ, усѣлись и начали клясть свою судьбу. Шла мимо лисица, спросила ихъ обо всемъ и сказала: «я васъ выручу, если вы согласны помогать мнѣ: волкъ объявилъ мнѣ войну, съ нимъ соединились медвѣдь и кабанъ. Хотите завтра участвовать въ великой битвѣ?» Собака и кошка согласились. Волкъ, медвѣдь и кабанъ собрались на сказанное мѣсто, долго ждали непріятеля, и какъ было очень жарко, то медвѣдь вскарабкался на вѣтвистое дерево, волкъ легъ въ тѣни подъ дубомъ, а дикан свинья вся закопалась въ кучу соломы: только кончикъ уха торчалъ наружу. Явилась лиса съ собакой и кошкой; кошка тотчасъ заприщѣла, какъ замоталъ кабанъ своимъ выставленнымъ ухомъ, въ которое ужалла его муха

(жигалка), и кинулась на солому. Испуганная свинья пустилась бѣжать, а кошка со страху бросилась на дерево и прямо вѣтвилась медвѣдю въ морду. Медвѣдь растерялся, упалъ съ дерева да прямо на волка, задавилъ его, а самъ—бѣжать.

Лиса наловила десятка три мышей, подложила къ Пардонѣ, и говоритъ кошкѣ: «таскай себѣ по одной мышкѣ.» Кошка такъ и сдѣлала. «Смотри, сказала жена, наша кошка мышей ловить.» — А я не думала, чтобы старая кошка могла ловить ихъ. «То-то, вить я говорила! Но вы, мужчины, всегда хотите быть правыми.» Собакѣ велѣла лиса идти къ Наздалаку въ тотъ самый день, какъ зарѣзали тамъ свинью: «ступай во дворъ и какъ будетъ попозднѣе—дай изо всѣхъ силъ.» Собака такъ и сдѣлала. «Поди, говоритъ жена, посмотри—не воры ли пришли? ишь собака лаетъ.» — Она сама не знаетъ, чего лаетъ! сказалъ Наздалакъ и не пошелъ. Поутру хватились, а колбасъ нѣту; лиса ихъ давно утащила. «Я не думала, сказалъ мужъ, чтобы старая собака могла быть такъ сторожлива.» А жена: «то-то, вить я тебѣ говорила! Но вы, мужчины, всегда хотите быть правыми.»

25.

СОБАКА И ДЯТЕЛЪ.

Точно такая-же сказка встрѣчается и въ *Kinder- und Hausmärchen* братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 58, ч. III, стр. 100): «Der Hund und der Sperling.» Воробей, подобно дятлу нашей сказки, добываетъ собакѣ мяса и хлѣба; собака легла на дороге (въ одномъ вариантѣ: она напивается допьяна на свадьбѣ) и заснула. Извозникъ, который проѣзжалъ по дорогѣ съ двумя бочками вина, не захотѣлъ посторониться и раздавилъ собаку. Раздраженный воробей выпустилъ изъ бочекъ вино, по-

пудилъ мужика гоняся за нимъ съ киркою убить своихъ лошадей, потомъ собралъ множество птицъ и вмѣстѣ съ ними опустошилъ его нивы; наконецъ воробей влетѣлъ въ набу извозника, который, гоняся за нимъ, перебилъ окна, зеркала и посуду и переломалъ столы и скамейки. Послѣ долгихъ хлопотъ хозяинъ поймалъ таки воробья. «Убить его!» говоритъ хозяинъ. — Нѣтъ, этого ему мало: я его живаго проглочу! Сказалъ и сдѣлалъ. «Der Sperling aber fängt an in seinem Leibe zu flattern, flattert wieder herauf, dem Mann in den Mund: da streckt er den Kopf heraus und ruft: Fuhrmann, es kostet dir doch dein Leben! Der Fuhrmann reicht seiner Frau die Hacke und spricht: Frau, schlag mir den Vogel im Munde todt». Жена ударила и попала мужу прямо по головѣ, такъ что онъ свалился жертвой; а воробей улетѣлъ. Окончаніе это весьма близко съ окончаніемъ нашей сказки (подъ литерою *a*), котораго впрочемъ мы не рѣшились напечатать.

27.

Курица и пѣтухъ.

Подобныя же сказки смотри въ *Norwegische Volksmärchen*, ч. I, № 16 и въ *Kinder- und Hausmärchen* братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 80: «Von dem Tode des Hühchens»; ч. III, стр. 128—9). Нѣмецкая сказка любопытна по подробностямъ, съ какими переданъ разсказъ о погребеніи курочки, подавившейся орѣхомъ. Въ погребальномъ шествіи принимаютъ участіе все лѣсные звѣри.

36.

Приваутки.

Приваутки любопытны по своему складу, близкому къ пѣсеннымъ разсказамъ и обильному рифмами; любопытны онѣ,

какъ и другія устные произведенія, еще такъ называемою аллитераціею, т. е. повтореніемъ одной согласной буквы въ началѣ словъ: отличные примѣры аллитераціи представляютъ прибаутка подь буквою *н* и начало байки, напечатанной въ этомъ выпускѣ подь № 38: «Старину скажу стародавнюю, стародавнюю, небывалую, старика свяжу со старухою, со старухою съ кособрюхою.» Прибаутки, въ томъ видѣ, въ какомъ слышатся теперь въ устахъ народа, очевидно составляютъ отрывки изъ различныхъ произведеній народнаго слова: пѣсень, сказокъ и причитаній, сопровождающихъ игры и обряды. Сличимъ: прибаутку подь литерою *л* съ пѣсней, напечатанною у Сахарова въ «Сказаніяхъ русскаго народа», т. I, стр. 222, № 26; прибаутку подь литерою *з* съ пѣсней, напечатанною тамъ же на стр. 88, № 7; наконецъ прибаутку подь литерою *с* съ описаніемъ простонародной игры: «коза» (Сахар. Сказанія русс. народа, т. I, стр. 90, № 34; Терещенко: Бытъ русс. народа, т. IV, стр. 45). Многія сказочныя выраженія, отличающіяся стихотворнымъ складомъ, какія особенно часто встрѣчаются въ сказкахъ о животныхъ, вошли въ пословицы и въ прибаутки. Но нѣкоторые прибаутки можно заключать, что кромѣ уже собранныхъ сказокъ о животныхъ, существуютъ въ народѣ или по крайней мѣрѣ существовали прежде (хотя въ послѣдствіи и были забыты) другія подобныя же сказки.

39.

Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ.

Въ этой сказкѣ солнце и мѣсяцъ, согласно съ древними языческими преданіями, являются олицетворенными и женятся на дѣвицахъ. На ряду съ ними поставлены и воронъ, игравшій такую видную роль въ мифологіи нило-европейскихъ народовъ.

Олицетворенія солнца и мѣсяца, какъ и другихъ нѣкогда боготворенныхъ силъ и явленій природы, очень обыкновенны въ сказкахъ, заговорахъ и нѣкоторыхъ старинныхъ пѣсняхъ (см. выпускъ II, стр. 144; вып. III, № 1. Болгарск. пѣсни во Временникѣ, кн XXII, стр. 5—10. Сербск. пѣсни Вука Караджича, ч. I, стр. 154—5, 305). Въ Словѣ о полку Ярославна въ своемъ повѣстическомъ обращеніи къ солнцу называетъ его *господиномъ*. Литовскія и славянскія преданія согласно говорятъ о томъ, что богиня Солнце разъѣзжаетъ на колесницѣ, запряженной тремя конями, что она живетъ на небѣ свой теремъ и живетъ тамъ вмѣстѣ со всѣмъ родомъ, и что ежегодно празднуетъ свой бракъ съ Мѣсяцемъ (Русск. достопамятн., ч. III, стр. 219—220; Отечеств. Зап. Зооморвч. божества у славянъ, 1852. № I, стр. 12—14; Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа, стр. 68 и пѣсни литовскія подъ № 28 и 33). Герои народныхъ сказокъ часто обращаются къ свѣтиламъ, спрашивая о дорогѣ въ далекой край или о судьбѣ милыхъ сердцу. Въ одной нѣмецкой сказкѣ сестра идетъ искать своихъ братьевъ, проклятыхъ отцомъ. Она шла далеко, далеко, на конецъ свѣта, и вотъ пришла къ Солнцу; оно было сурово, жгуче, и пожирало маленькихъ дѣтей. Поспѣшно убѣжала она и явилась къ Мѣсяцу, но онъ былъ холоденъ, страшенъ и золъ; какъ только замѣтилъ ее, то закричалъ: я чую, чую человѣчье мясо! Быстро удалилась она и пришла къ Звѣздамъ, которыя были дружелюбны и ласковы; каждая изъ нихъ сидѣла на своемъ престолѣ. Утренняя звезда помогла ей найти братьевъ. Въ другой нѣмецкой сказкѣ героиня идетъ искать своего милаго, обращеннаго въ голубя. Люди не могутъ ей помочь, думаетъ она, и обращается къ Солнцу: «ты свѣтишь во всѣ стороны, во всѣ щели; не видалъ ли ты — гдѣ летаетъ бѣлый голубь?» — Нѣтъ, отвѣчало Солнце и подарило ей ащичекъ съ блестящимъ плать-

емъ. Вечеромъ, когда взошелъ Мѣсяцъ, она обратилась къ нему: «ты свѣтишь цѣлую ночь во всѣ лѣса и поля; не видалъ ли ты, гдѣ летаетъ бѣлый голубь?» — Нѣтъ, отвѣчалъ Мѣсяцъ и подарилъ ей яйцо, изъ котораго, какъ только его разбилъ, вышла золотая насѣдка съ цыплятами. За тѣмъ слѣдуютъ подобныя же обращенія къ вѣтрамъ (Грим. *Kinder- und Hausmärchen*, ч. I, № 25; ч. II, № 88. *Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde*, т. I, вып. 3, стр. 312; смотри также Српске народне приповiјетке, № 10). Въ Какавалѣ мать Лемлинкайна спрашиваетъ дорогу въ Похѣлу у Мѣсяца, и отъ Солнца вывѣдываетъ о жребіи своего сына. — Въ малороссійской сказкѣ богатырь идетъ за тридцать земель, туда, гдѣ ночуетъ Солнце, и хочетъ узнать, отчего прежде оно всходило красное, а потомъ стало всходить блѣдное. Приходитъ онъ до *гостоды* (дома), гдѣ Солнце проводитъ ночь и гдѣ все сдѣлано изъ чистаго золота; здѣсь засталъ богатырь одну солнцеву мать и пересказалъ ей, зачѣмъ пришелъ. Она спрятала его подъ золотое корыто; а когда царь Солнце, обойдя небо, воротился къ ночи домой, стала спрашивать его: «отчего ты, сынъ мой, всходилъ прежде краснымъ, а теперь всходишь блѣднымъ?» (Русск. Бесѣда, 1856. т. III, статья Максимовича, стр. 100—101; Костомарова: Славянск. мнѣологія, стр. 29 и Народн. славянск. рассказы, Боричевского, стр. 108).

Замѣчательно, что и солнце и мѣсяцъ при такихъ олицетвореніяхъ сохраняютъ тѣ особенности, какія обыкновенно съ ними связываются. Такъ въ напечатанной нами сказкѣ мѣсяцъ *освѣщаетъ* своимъ пальцемъ цѣлую баню, а солнце велитъ поставить на себя сковороду и *поджариваетъ* оладья.

ВАЗУЗА И ВОЛГА.

Здѣсь олицетворены двѣ рѣки, которыя спорятъ о старшинствѣ и пускаются въ перегонку. Олицетвореніе это не есть пустая риторическая фигура, а остатокъ древняго мифическаго представленія. Любопытно, что бѣльшая часть тропъ, не придуманных нарочно, а издавна составляющих неотъемлемую принадлежность языка, ведутъ свое начало отъ древнихъ представленій народа, и потому заключаютъ въ себѣ намеки на мифическія сказанія, хотя въ позднѣйшее время намеки эти до того стерлись, что могутъ быть разгаданы только путемъ научныхъ изслѣдованій. Не останавливаясь на свидѣтельствахъ о языческомъ обожаніи водъ, скажемъ, что преданіе о Ваузѣ и Волгѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи переносится на другія рѣки. Такъ ходитъ разсказъ о спорѣ между *Днѣпромъ* и *Десною*. Когда Богъ опредѣлялъ рѣкамъ ихъ судьбу, то Десна опоздала прійти и не успѣла выпросить себѣ первенства передъ Днѣпромъ. Богъ сказалъ ей: «постарайся сама опередить его». Десна пустилась, но какъ ни спѣшила — Днѣпръ все-таки опередилъ ее и впалъ въ море, а Десна должна была впасть въ быстрый Днѣпръ (Москвитян., 1846, № XI и XII, стр. 154). Въ тульской губерніи подобное же повѣрье относится къ рѣкамъ *Дону* и *Шату*. У Ивана-озера было два сына: Шать и Донъ, почему этотъ послѣдній и называется въ пѣсняхъ Ивановичъ. Шать противъ воли родительской захотѣлъ погулять въ чужихъ дальнихъ сторонахъ, пошелъ въ путь, но куда ни приставалъ — нигдѣ его не принимали; *прошатавшись* безъ пользы, воротился онъ домой. Донъ же за свою необыкновенную тихость получалъ родительское благословеніе и спѣ-

до пустился въ дальнюю дорогу. На пути повстрѣчалъ онъ ворона и спросилъ, куда онъ летѣть? — Къ синю морю, отвѣчалъ воронъ. «Отправимся вмѣстѣ.» Вотъ достигли они моря. Донъ подумалъ: если перенырну черезъ море, то и его утану все за собою. «Воронъ! говоритъ онъ, сослужи мнѣ службу; я нырну въ море, а ты лети на другую его сторону, и какъ скоро долетишь до берега — каркни.» Донъ нырнулъ въ море, воронъ полетѣлъ, каркнулъ да слишкомъ рано — Донъ такъ и остался, какимъ поднесъ его видишь (Москвит., 1852, № XIX, стр. 101—2; Тульскія губернск. вѣдомости, 1852, № 27). Г. Боричевскій въ «Славянскихъ народныхъ разсказахъ» (стр. 183—5) передалъ бѣлорусское преданіе о *Днѣпрѣ и Сожѣ*, начало котораго скопировано съ библейской исторіи Исава и Якова. Былъ-жилъ слѣпой старикъ Двина; у него было два сына: старшій — Сожъ, младшій Днѣпръ. Сожъ былъ буйнаго нрава, таскался по лѣсамъ, горахъ и полямъ; а Днѣпръ отличался крѣпостію, сидѣлъ все дома и былъ любимцемъ матери. Сожа не было дома, когда мать обманомъ заставила старика-отца благословить на старшійшинство младшаго сына. Двина благословилъ его: «разлейся, мой сынъ, рѣкою широкою и глубокою, протекай города, омывай села безъ счету до моря; твой братъ да будетъ тебѣ слугою. Богатѣй и тучнѣй до конца вѣковъ!» Днѣпръ разлился рѣкою по тучнымъ лугамъ и дремучимъ лѣсамъ; а Сожъ на третій день воротился домой и сталъ жаловаться. «Если хочешь повелѣвать братомъ, сказалъ ему отецъ, бѣги скорѣе скрытыми путами, непроходимыми темными лѣсами, и если обгонишь брата — то онъ послужитъ тебѣ.» Сожъ пустился въ погоню мѣстами непроходимыми, разрывалъ болята, прорѣзывалъ овраги и рвалъ корни дубовъ. Днѣпру сказалъ о томъ истребѣ, и онъ прибавилъ бѣгу, прорѣзывая высокія горы, чтобы не сворачивать въ бокъ. А Сожъ уговорялъ ворона летѣть прямо къ Днѣпру и только обгонять его хоть на

шагъ — каркнуть три раза; самъ же нырнулъ подъ землю, рассчитывая выскочить наверхъ по крику ворона и такимъ образомъ опередить брата. Но ястребъ попалъ на ворона; воронъ закаркалъ прежде, нежели опередилъ рѣку Днѣпръ. Сожъ выскочилъ изъ-подъ земли и со всего размаху впалъ въ Днѣпръ.

Весьма интересны повѣстическія сказанія о рѣкахъ, встрѣчаемыя въ старинныхъ пѣсняхъ, въ сборникѣ Кирши Даннлова. Плывъ по синему морю богатой гость Садко, и вдругъ остановился его корабль — и не съ мѣста. Стали бросать жребіи, чтобъ узнать виноватаго; палъ жребіи на самого хозяина. Признался Садко: «бѣгаю, говорить, я по морю двѣнадцать лѣтъ, не платилъ я царю *Заморскому дани-пошлины, не опускавалъ въ сине море Хвалынское хлѣба-соли!*» Бросили его корабельщики въ воду, и корабль поплылъ своей дорогою, а Садко принесенъ волною къ царю Морскому. Стоитъ изба великая во все дерево; вошелъ Садко въ избу — а въ ней лежитъ на лавкѣ царь Морской: «гой еси богатой гость! говорить ему царь, ждалъ тебя двѣнадцать лѣтъ, а нынѣ самъ головой пришелъ. Поиграй-ка мнѣ въ звончатая гусли.» Заигралъ Садко, сталъ царя тѣшить;

*Распнулся царь Морской:
А сине море всколебалось,
А и быстры рѣки разливались,
Топять много бусы, корабли,
Топять души напрасныя.*

Захотѣлъ царь женить гостя, привелъ ему тридцать дѣвицъ и приказалъ выбрать себѣ невесту. Выбралъ Садко и легъ спать съ молодою женою.

*Со полуночи, въ просоньи ногу лѣву
Накинулъ онъ на молодую жену,*

а когда проснулся — то самъ очутился подъ Новгородомъ, а *любая нога, въ рѣкѣ Волховѣ* (Древн. росс. стихот., стр.

337—343). Въ другой разъ пылъ Садко по Волгѣ-рѣкѣ; *отрѣзалъ онъ великой сукрой хлѣба, посыпалъ его солью и опустилъ въ воду съ этими словами: «спасибо тебѣ, матушка Волга! гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ—никакой скорби надъ собою не видывалъ. А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.»* И проговорила ему Волга-рѣка: «поклонись отъ меня брату моему, славному озеру Ильменью.» Приѣхалъ Садко на Ильмень-озеро и правилъ ему челобитье отъ Волги-рѣки. Приходить тутъ отъ Ильмень-озера удалой доброй молодецъ и спрашиваетъ: «какъ де ты Волгу-сестру знаешь?» Садко рассказалъ. Молодецъ велѣлъ ему закинуть въ воду три невода — и торговой гость наловилъ множество рыбы, а какъ вытащилъ невода — вся рыба превратилась въ деньги: это былъ подарокъ Ильмень-озера (*ibidem*, стр. 266—7, 270). Пѣсенныя сказанія о гостѣ Садкѣ сохранили живую память о жертвенныхъ приношеніяхъ морю и рѣкамъ, что вполне согласно съ свидѣтельствами древнихъ памятниковъ о жертвенныхъ требахъ, какія совершались озерамъ, рѣкамъ и колодезямъ: смотри вопросы Кирика въ Русск. достопамятн., т. I, стр. 94; Библиограф. листы Кеппена, № 7, стр. 88; Густинск. лѣтопись (въ Поля. собр. лѣт., т. II), стр. 234, 257. Если жертвоприношеніями снискивалась милость водяныхъ божествъ, то наоборотъ непочтеніе къ нимъ влекло за собой неминуемое наказаніе. По сказанію одной старинной пѣсни, молодецъ подѣхалъ къ рѣкѣ Смородинѣ и взмолился, чтобъ указала ему бродъ. Смородина указала бродъ, а молодецъ переправившись сталъ глупымъ разумомъ похваляться: «сказали про быстру рѣку Смородину — не пройти, не проѣхать черезъ нее ни пѣшему, ни конному; а она-то плеше дождевой лужи!» Пришлось воротаться молодцу, не нашелъ онъ брода, и потопила его рѣка Смородина въ своихъ глубокихъ омутахъ, а сама провѣтшилась душой-красной-дѣвицей: «безвременной молодецъ! не я

тебя топлю, топить тебя похвальба твоя!» Это прекрасное предание слично съ рассказомъ Гомера о Ксаневъ и Симоветъ, преслѣдовавшихъ своими ярыми волнами Ахиллеса (пѣсьи XXI Иліады), и съ свидѣтельствомъ сербской сказки (выпускъ I-й Нар. рус. сказокъ, стр. 124).

42.

43.

44.

МОРОЗКО. СТАРУХА—ГОВОРУХА. ВАСИЛИСА—ПРЕКРАСНАЯ.

Эти три сказки основаны на обычномъ сказочномъ мотивѣ о нелюбви мачихи къ падчерицѣ (см. вып. I, стр. XV и № 3). Въ первой сказкѣ олицетворенъ морозъ — намекъ на вѣтрованіе отдаленной старины (смотри выпускъ II, стр. 144 и 149 и вып. III, № 1). Между нашими поселянами до сихъ поръ существуетъ обычай, указывающій, что могучія силы природы народному воображенію представляются, какъ существа живыя и могучія. Наканунѣ Рождества и на Великъ день въ каждой семьѣ старикъ беретъ ложку кутьи или киселя, выходитъ на порогъ стѣней или влѣзаетъ на печь, и просовывая голову въ волоковое окно, говоритъ: «Морозъ, Морозъ! приходи кисель ѣсть; Морозъ, Морозъ, не бей нашъ овесъ; ленъ да конопля въ землю вколоти.» («Морозе, Морозе! иды до насъ кутя јисты, та не поморозъ нашей гречкы.») Черемшсы боятся отбивать отъ избъ и воротъ сосульки, вѣря, что за такое дѣло Морозъ будетъ сердчать и всѣхъ заморозить (Сахар: Сказанія Русск. народа, т. I, стр. 54; Морск. Сборн., 1856, № IV, статья Чужбинскаго, стр. 60; Московск. Вѣдомости, 1857 г., литературы. отдѣлъ, № 36). Въмѣсто Мороза во второй сказкѣ является лѣшій, а въ третьей сказкѣ любопытны мнѣніческія представленія дня, солнца и ночи въ образѣ всадниковъ, развѣвжающихся на коняхъ: бѣломъ, красномъ и черномъ, въ доспѣхахъ тѣхъ-же цвѣтовъ, что согласно

съ преданіями всёхъ индо-европейскихъ народовъ (смотри: Зооморфич. божества у славянъ, въ Отеч. Записк. 1852, № 1, стр. 13 — 14, 18; въ богатырскихъ поэмахъ минусинскихъ татаръ, въ Вѣстникъ Рус. Географ. Общества, 1855 г., ч. VI, стр. 190, упоминаются два родныхъ брата—богатыри Солнце и Мѣсяцъ на рыжихъ коняхъ). Весьма знаменателенъ и рассказъ о черепахъ, глаза которыхъ свѣтять и жгутъ, какъ огонь: представленіе это основано на древнѣйшей доисторической связи понятій: зрѣнія, свѣта и огня, о чемъ смотри въ моей статьѣ, въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи (т. II, половина 2-я). Василкса прекрасная несетъ воткнутый на палку черепъ, глаза котораго освѣщаютъ ей дорогу среди ночи: этотъ рассказъ напоминаетъ намъ прекрасный образъ трубадура Бертрама даяль Борніо въ Дантовомъ Адѣ: онъ несетъ свою собственную голову, отдѣленную отъ тѣла, за волосы и освѣщаетъ ею путь себѣ, какъ фонаремъ (см. переводъ г. Минна, пѣснь XXVIII).

Съ напечатанными нами сказками сходна «Сказка о злой мачихѣ», помѣщенная въ изданіи г. Авдѣевой, стр. 56—72. Въѣсто дѣшаго, который является въ сказкѣ: «Старуха-говоруха», здѣсь выведенъ: «старикъ старый-престарый, борода съдая до колѣнъ, глаза такъ и свѣтятся, какъ угли». Онъ не позволяетъ мужикамъ рубить дровъ въ своемъ заповѣдномъ лѣсу, а привезенную къ нему падчерицу заставляеть въ одни сутки на прясть нитокъ, выткать холстъ и сшить рубашку. Послушная падчерица—дѣлать нечего—стала прясть и ткать; веретены такъ сами и вертятся, успѣвая нитки поправлять, а челнокъ такъ и прыгаетъ взадъ и впередъ: все готово! Старикъ остался доволенъ и сказалъ: «хочешь ли, я пошлю своихъ волковъ и медвѣдей — пусть съѣдятъ мачиху!» — Нѣтъ, не трогай ее! говорить дѣвочка. Онъ наградила ее уборами, златомъ и серебромъ и отпустилъ домой. Ёдетъ падчерица съ отцемъ домой, а со-

бачка лаетъ: «тывъ, тывъ, тывъ! хозяинъ ѣдетъ, золото да серебро стучитъ да гремитъ!» А шачихина дочь не послушалась старика, не связала ему ни носковъ, ни вѣрегъ; онъ прогналъ ее въ лѣсъ, гдѣ и съѣли ее волки. Везетъ отецъ ее косточки, а собачка лаетъ: «тывъ, тывъ, тывъ! хозяинъ ѣдетъ, косточки въ лукошкѣ стучать да греметь!»

46.

Бѣлая уточка.

Вѣдьма обращаетъ княжну въ бѣлую уточку, подобно тому, какъ въ предыдущей сказкѣ (№ 45) обращенъ Иванушка черезъ колдовство въ козленка. О превращеніяхъ сохранилось у разныхъ народовъ много прекрасныхъ повѣстическихъ разсказовъ и любопытныхъ, весьма разнообразныхъ преданій: мы еще встрѣтимся съ этими разсказами и преданіями въ слѣдующихъ выпускахъ. Съ напечатанною теперь сказкою сходна отчасти нѣмецкая сказка: Die weisse und schwarze Braut (Грим. Kinder- und Hausmägchen, ч. II, № 135). Шла по лѣсѣ мачиха съ падчерицею и родною дочерью; встрѣтилася съ ними убогой старецъ. «Какъ пройти въ деревню?» спросилъ онъ. — Самъ найдешь дорогу, отвѣчала мачиха. «А не хочешь искать, такъ возьми себѣ жожака», сказала мачихина дочь. «Пойдемъ со мною, я тебя проведу», прибавила падчерица. Мачиха и ея дочь въ наказаніе за это сдѣлались червыми, какъ темная ночь, и безобразными, какъ самой грѣхъ; а падчерица сдѣлалась столь прекрасною и свѣтлою, какъ ясный день. Увидѣвъ ея изображеніе король, влюбился и пожелалъ на ней жениться. Когда поѣхала она во дворецъ вѣстѣ съ шачихою и переправляясь онѣ черезъ мостъ, то завистливая мачиха сбросила ее въ воду

и обратила бѣлою уткою; а королю такъ околдовала очи, что онъ женился на ея черной дочери. Разъ вечеромъ, когда черная невеста сидѣла у короля на колѣняхъ, бѣлая утка прилетѣла въ поварню и сказала поваренку:

Jüngelchen, mach Feuer an,
dass ich meine Federn wärmen kann.

Поваренокъ развелъ огонь на очагѣ: утка сѣла воулѣ, встрепенулась, оправляла носомъ своея перья, и спросила:

was macht die schwarze Hexe im Haus?

Поваренокъ:

«die sitzt warm
ins Königs Arm.»
— Dass Gott erbarm!

сказала утка и ушла. На другой вечеръ и на третій случилось тоже. Поваренокъ рассказалъ обо всемъ королю, и король пошелъ вечеромъ самъ въ поварню, и только показалась утка— взялъ мечъ и пересѣкъ ей шею: тотчасъ приняла она свой прежній видъ прекрасной дѣвицы. Король обрадовался, велѣлъ нарядить ее въ царскія одежды, а мачиху и ея черную дочь положили въ бочку, набитую гвоздями, привязали эту бочку къ лошади и пустили на бѣлой свѣтъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Страницы
1. Лисьями-сестричка: а	7
в	11
с	14
д	15
е	16
г	18
ж	20
з	23
2. Лиса и петухъ	24
3. Котъ, петухъ и лиса: а	25
в	29
4. Лиса и тетеревъ	30
5. Лиса и ракъ	31
6. Лиса и журавль	31
7. Лиса-льварка	32
8. Сивягушка и лиса	35
9. Лиса-плачса	36
10. Бухтанъ Бухтановичъ	38
11. Козьма Скоробогатой	42
12. Волкъ	49
13. Волкъ-дурень	50
14. Свинья и волкъ	53
15. Медвѣдь	54
16. Коза	55
17. Волкъ и коза	57
18. Колобокъ	59
19. Медвѣдь, лиса, слѣпень и мушкетъ	61
20. Однорокой баранъ	64
21. Зимовье зверей	66

	Страницы
22. Медведь и пѣтухъ	69
23. Котъ и лиса	70
24. Медведь, собака и кошка	75
25. Собака и дятель: а	78
б	80
26. Баранъ, козель, волки и медведь	81
27. Курица и пѣтухъ	85
28. Курочка: а	87
б	88
29. Журавль и цапля	89
30. Орелъ и ворона	90
31. Теремъ мухи: а	91
б	92
32. Ершь Щетинниковъ: а	94
б	96
с	99
33. Пузырь, соломинка и лапоть	105
34. Рѣпка	106
35. Грибы	107
36. Прибаутки (а—я)	107
37. Докучныя сказки: а. б. с.	116
38. Байка про старину	116
39. Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ	119
40. Вазуза и Волга	121
41. Кобылячья голова	121
42. Морозко: а	123
б	129
43. Старуха-говоруха	131
44. Василиса-прекрасная	132
45. Сестрица Аленушка и братецъ Иванушка: а	141
б	143
46. Бѣлая уточка	145
47. Чудесные кони, коза и свинка	149
48. Горшениа	155
49. Ома и Ерѣма	157
Прилѣчанія	159